

Джеймс Клеменс, всемирно известный как

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

ВРАТА ВЕДЬМЫ

ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Проклятые и изгнанные

Джеймс Клеменс

Врата ведьмы

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84Сое)-44

Клеменс Д.

Врата ведьмы / Д. Клеменс — «Эксмо», 2001 — (Проклятые и изгнанные)

ISBN 978-5-699-93410-2

Блистательная сага от автора, чей другой псевдоним – Джеймс Роллинс – стал в литературном мире синонимом слова «бестселлер». Юная ведьма Элена и ее друзья продолжают неравную борьбу с армиями Темного Властелина. Ценой невероятных усилий им удалось овладеть островом А'лоа Глен, древней твердыней магов, где хранился Кровавый Дневник. Но могущественный чародей уцелел и нанес ответный удар. Созданные им каменные врата грозят гибелью всему миру. Их нужно найти и уничтожить. Верные соратники Элены отправляются в нелегкий и полный опасности путь – кто на север, кто на юг. Но ей самой предстоит самая рискованная задача, ведь проникнуть в сердце Гал'готы, где царят смерть и запустение, под силу только ведьме...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84Сое)-44

ISBN 978-5-699-93410-2

© Клеменс Д., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Моя благодарность	6
Предисловие к «Вратам ведьмы», написанное Проктором Сенса Дела, председателем и президентом университетского издательства	7
Передача ответственности	9
Книга первая	11
Глава 1	11
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	53
Книга вторая	68
Глава 5	68
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Джеймс Клеменс (Роллинс)

Врата ведьмы

© Русанов В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Моя благодарность

Спасибо всем друзьям и родственникам, помогавшим мне придавать форму этому роману, оттачивать и шлифовать сюжет. Особенно хочу поблагодарить мою писательскую группу, эту команду трудоголиков: Криса Кроу, Майкла Гэллоугласса, Ли Гарретта, Денниса Грейсона, Пенни Хилл, Дебби Нельсон, Дейва Мика, Джейн О'Риву, Криса «Маленького» Смита, Джуди и Стива Прей, Кэролайн Маккрей и Кэролайн Уильямс. Вдобавок – особое спасибо четырем людям, остающимся моими лучшими критиками и самыми верными помощниками. Это редакторы Стив Саффель и Вероника Чепмэн и мои литагенты (в отечестве и за рубежом) Русс Гален и Дэнни Бэйрор.

Предисловие к «Вратам ведьмы», написанное Проктором Сенса Дела, председателем и президентом университетского издательства

Вероломство – (1) нарушение клятвы, верности или доверия;
(2) действия против государства; (3) пренебрежение законом в письменной либо устной формах (синонимы: предательство, мошенничество, обман, подлость, измена присяге).

Всеобщая Энциклопедия, издание пятое

Прочтите еще раз определение, приведенное выше, осмотрите аудиторию, заполненную нетерпеливыми исследователями с горящими взорами. Сколько учеников осталось здесь после изучения первых трех Келвишских свитков?

Окиньте взглядом пустые места.

Согласно имеющейся статистике, две трети студентов каждого курса не способны выдержать строгие психологические испытания после изучения свитков. Как вам известно, желающие могут быть отправлены в лечебницы Да'Борау, где подвергнутся болезненной хирургической операции, призванной притупить их память и урезать языки. Но не будем говорить о сломленных, кого болтуны называют «поцеловавшими свиток». Я пишу предисловие только для тех, кто успешно преодолел предыдущие испытания и полагается на свои силы и разум, приступая к изучению четвертого из проклятых текстов.

Это предупреждение для вас.

Часто случалось, что студенты, продвинувшись столь далеко по пути исследования, впадали в гордыню, но сейчас не время чваниться – впереди вас ждет множество ловушек, в которые может угодить любой неосторожный. Это путь к вероломству.

Предисловия к предыдущим текстам предупреждали вас о гнусной сущности автора свитков, называя безумца из Келла обманщиком или, если угодно, – затаившейся в густой траве гадюкой. Теперь пришел мой черед поведать об опасностях, которые могут вам встретиться.

За годы прошлых исследований вы не раз слышали змеиное шипение. Вы держали ядовитую гадюку в руках, носили ее в ученической сумке, засыпали с ней в одной постели. Но пускай вас не обманет ее блестящая, яркая чешуя. Смертельный яд никуда не делся.

И теперь, если вы будете беспечны, змея покажет свою истинную сущность. Стоит вам отвлечься, гадюка высунет голову из книги и ужалит! Предупреждаю вас – у книги есть ядовитые зубы.

Остерегайтесь ее коварства!

Я пишу эти строки и слышу насмешливый шепоток. Вы сомневаетесь в моих словах? Еще раз окиньте взглядом аудиторию. Но не пяльтесь друг на друга, а обратите внимание на опустевшие места. Свитки погубили уже многих ваших сотоварищей.

И в четвертом сочинении автор продолжит атаковать ваш разум, попытается втянуть вас в свои замыслы, распространить яд по вашему телу. Но я надеюсь обеспечить вас противоядием.

Оно заключается в двух простых понятиях: знание и повиновение.

Пытаться читать эти свитки самостоятельно – все равно что сунуть гадюку за пазуху, призвав тем самым в гости смерть. Поколения ученых разработали методику изучения текстов, позволяющую уберечь ваш разум от яда, но при этом запомнить выученный урок.

Слушайтесь ваших преподавателей! Повинуйтесь любому их приказу, тщательно выполняйте поручения и – что важнее всего – никогда не читайте свиток самостоятельно, забегая вперед. Только при этих условиях вам, возможно, удастся уцелеть. Даже один-единственный абзац способен оказать необратимое воздействие на неподготовленный разум. Так что не отклоняй-

тесь от указаний – это тропа, проложенная поколениями ученых, прошедших по ней до вас. Без них вы затеряетесь среди высоких трав и бурьяна, где вас поджидают змеи.

Предупреждаю в последний раз: эти тексты отравлены.

Отрава, отравление – (1) вещество, которое повреждает, заражает или разрушает; (2) действия по введению отравы или смертоносного снадобья; (3) изменение чьего-либо восприятия добра и зла, в значении «отравить чей-либо разум» (синонимы: порча, искажение, яд, зелье, миазмы, заражение, болезнь).

Всеобщая Энциклопедия, издание пятое

Передача ответственности

Этот экземпляр передается вам и поступает под вашу полную ответственность. В случае утери или уничтожения документа вас ждет суровое наказание (согласно закону вашей местности). Передача, копирование или даже чтение вслух в присутствии человека, не обучающегося в вашем классе, строго запрещены. Поставив ниже свою подпись и отпечаток большого пальца, вы берете на себя ответственность и освобождаете от нее университет, в случае если чтение свитка причинит вам или тем, кто вас окружает, какой-либо вред.

Подпись: _____ Дата: _____

Поставьте здесь чернильный отпечаток вашего большого пальца правой руки:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Если вам случайно, вне стен университета, попадет в руки данный текст, пожалуйста, закройте эту книгу и немедленно известите соответствующие органы, чтобы они изъяли его до того, как он причинит какой-либо вред. В случае если вы не сделаете этого, вас ждет немедленный арест и заключение в тюрьму.

ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ!

Под песню снега бурей рождена,
Она повергнуть землю в прах должна.

В последние дни меня охватывает все большее беспокойство. Ведьма вторгается в мои сны, требуя, чтобы я закончил рассказ, мне слышится ее шепот, когда я брожу по городу. Клянусь, что время от времени я чувствую ее дыхание на своей коже, подобно зуду. Вот и сейчас я отправился по делам, и глаза мои видят улицы и проспекты родного города, а воображение рисует иные края, иные земли: выжженные солнцем развалины Тулара, гранитную громаду Северной стены. Моя жизнь протекает в мутном сумраке между прошлым и настоящим.

Я стал задаваться вопросом: что, если, начав писать, я навеки затеряюсь в лабиринтах прошлого? Не станет ли воздух земли, созданной чернилами на листе пергамента, более подлинным, чем тот, которым я дышу? Не увязну ли я в воспоминаниях о прежних страхах и редких удачах, обреченный на нескончаемые переживания?

Я знаю, что должен попытаться приступить к работе, но не могу. Хотя это единственный способ избавиться от проклятия вечной жизни. Только завершив записи, я погружусь в смертельное блаженство. И все же в прошлом месяце я усомнился в обещанном. А вдруг слова ведьмы – не более чем уловка, ее последний преступный замысел?

Поэтому очень долго я бездействовал, разрываясь между гибелью и спасением.

Сказать по правде, так продолжалось до нынешнего утра, когда она подала мне знак!

Проснувшись с первыми петухами, я плеснул в лицо ледяной водой и в зеркале над умывальником узрел настоящее чудо. Среди моих черных прядей серебрился один-единственный седой волос. При виде его мое сердце сжалось и глаза наполнились слезами. Когда утренний туман растаял в лучах восходящего светила, я все еще оставался недвижим, не осмеливаясь даже пошевелить пальцем, опасаясь, что зрение обманывает меня. После стольких лет ожидания это было бы слишком жестоко.

В тот миг я ощутил, как оживает нечто, давно умершее в моей душе. Надежда!

Мои колени ослабели, я рухнул на пол, с рыданиями осознавая то, что произошло. Мне был явлен первый признак старости, предвестник смерти.

Едва я обрел способность управлять собственным телом, как вскочил и прикоснулся к седому волоску. Он никуда не делся! Ведьма не солгала.

Понимание этого вывело меня из тупика. Забыв позавтракать, я разложил перья, чернильницы, пергамент и принялся за работу. Я должен был закончить повествование.

Свет зимнего дня за окном поблек, как будто кто-то отнял все краски мира. Люди спешили по серым улицам, закутанные с ног до головы в тяжелые шерстяные плащи серо-бурого цвета. За городскими стенами белизну заснеженных холмов пятнали сажа и пепел коптящих дымоходов Келла. Вся местность казалась нарисованной серыми и черными красками. Даже небеса были затянуты плоскими, однотонными тучами, подобно серой грифельной доске.

Середина зимы.

Это – прекрасная пора для рассказчика, чистый холст, ждущий прикосновения кисти, чтобы вернуть миру всю полноту жизни. Это пора, когда люди теснятся у очагов в ожидании рассказов, наполненных яркими и сочными подробностями. Это пора, когда гостиницы переполнены до отказа, а странствующие менестрели исполняют скабрёзные чужеземные песни об огне и солнечном свете. В любое другое время их труд не стоит и медяка, но зимой... В эту пору унылых небес и мрачных сердец даже жалкий рассказчик может заработать полный горшок золота и серебра за свои байки. Так все жаждут историй зимой.

Конечно, и я хочу кое-что получить за свое повествование – не золото, а нечто более ценное. То, что ожидает с рождения всех людей. То, что у меня было похищено ведьмой. Я хочу обрести смерть.

Пока весь мир кутается в безмолвный плащ зимы, я продолжаю историю Элены. Прошу вас – закройте глаза и внемлите. В зимнем шепоте выделяются грозные голоса. Вы слышите их? Люди бряцают словами, будто оружием, наносят и отражают удары... И там же, окруженная их яростью, сидит одинокая женщина.

Книга первая

Врата Вейра

Глава 1

Трон казался Элене очень неудобным. Это кресло явно предназначалось для кого-то солидного и больше повидавшего в жизни, чем она. Высокую прямую спинку покрывали узоры в виде выющихся роз, чьи шипы чувствительно впивались в тело даже через платье и шелковую накидку. На жесткое сиденье, сделанное из отполированной твердой древесины, никто не догадался положить подушку, чтобы сделать кресло хотя бы чуть-чуть удобнее. Целую вечность трон олицетворял власть в А'лоа Глен. На нем восседали короли и наместники, люди, закаленные морем и плевавшие на удобства.

Даже размеры кресла устрашали. Элена терялась в нем, чувствовала себя маленьким ребенком. Кроме того, у трона не было подлокотников, и девушка не знала, куда девать руки. Помучившись, она в конце концов положила их на колени.

В шаге от Элены, хотя, если учесть, сколь мало внимания на нее обращали, то, пожалуй, в целой лиге, стоял стол, за которым теснились представители всех держав и народов, выступивших на борьбу с Гал'готой. Элена знала наверняка, что о ней думают. Большинство собравшихся видели в ней лишь худенькую девушку с бледной кожей и огненно-рыжими волосами. Никто не замечал боли в ее глазах и страха, выросшего из осознания собственной мощи. Для них она – так, пестрая пичуга на жердочке.

Элена отбросила прядь волос, упавших на глаза.

На разных, знакомых и незнакомых, языках люди за столом старались перекрычать друг друга. Двое мужчин на дальнем конце уже готовились к рукопашной.

Кое-кого из присутствующих Элена хорошо знала. Они помогали вырвать остров А'лоа Глен из когтей зла. Главный шкипер флота дри'ренди, все еще в повязках после недавних сражений, яростно защищал свои требования. Рядом с ним напряженно застыла королева народа эл'винов, мать Мерики. На ее длинных серебристых локонах играли отблески факелов, будто иллюстрируя извечную борьбу огня и льда. Вплотную к ней – мастер Эдилл, старейшина морского народа мер'ай, достаточно уравновешенный, чтобы оставаться спокойным и дружелюбным в водовороте хриплых выкриков.

Но на каждого знакомого приходилось несколько, известных Элене лишь понаслышке. Она скользнула взглядом вдоль длинного ряда незнакомых лиц – сплошь правители или посланники сопредельных держав. Все они хотели быть услышанными, поскольку каждый утверждал, что лучше других знает, как одолеть Гал'готу.

Одни предлагали выжечь остров и отступить на материк, другие возражали – нет, нужно удерживать остров любой ценой, и пусть Темный Властелин губит свои армии, бросая их на неприступные укрепления. Находились и такие, кто желал использовать временную победу на острове, чтобы закрепить успех и двинуться на Блэкхолл, цитадель Гал'готы, пока враг не успел собрать рассеянные силы в единый кулак. Горячие доводы и пылкие споры продолжались уже почти месяц.

Элена покосилась на Эр'рила. Ее верный сподвижник стоял справа от трона, скрестив руки на груди. Суровое неподвижное лицо воина равнин Станди напоминало каменную маску. Он казался статуей из железного дерева. Длинные черные волосы, смазанные маслом, Эр'рил зачесал назад, на манер жителей побережья. Серые глаза, навевавшие воспоминания о мороз-

ном зимнем утре, внимательно изучали собравшихся. Нельзя было понять, о чем он – единственный, кто ни разу не вмешался в бесконечные дебаты, – думает на самом деле.

Только Елена видела настороженность, затаившуюся в уголках его глаз. Ее-то не обманешь. Непрерывная грызня собравшихся злила его точно так же, как и ее. Две недели – и никакого решения! Со дня победы в А'лоа Глен согласие оставалось недостижимым, и нельзя было предпринять должные шаги в борьбе с врагами. Правители спорили, а дни убегали один за другим. И Эр'рил, ее преданный рыцарь, ждал. А что ему оставалось делать с тех пор, как Кровавый Дневник оказался в руках Элены? Его роль вождя и проводника сыграна.

Элена слегка вздохнула и посмотрела на свои руки, затянутые в перчатки. Казалось, что празднества в честь победы, прошедшие две недели назад, остались в другой эпохе. Но сейчас, сидя на колющем троне, девушка вспомнила танец с Эр'рилом на верхушке башни. Тепло ладони воина, проникавшее сквозь тонкий шелк платья, его дыхание и прикосновение бороды к ее щеке. Их единственный танец... С той ночи Эр'рил никогда не оставлял ее надолго, но они едва ли обменялись парой слов. Только частые встречи от рассвета до заката. Не более того!

Неспешно, пока остальные увлеченно спорили, Елена стянула тонкие замшевые перчатки. На ее ладонях, свежие и нетронутые, атели, словно недавно пролитая кровь, знаки Розы – один рожденный при свете солнца, второй – в сиянии луны. Огонь ведьмы и огонь холода, а между ними – огонь бури. Девушка пристально смотрела на свои руки. Вихри силы текли по рубиновым завиткам на коже ладоней и пальцев.

– Элена? – Эр'рил повернулся к ней, поглядел на ее ладони. – Что ты делаешь?

– Мне надоели их споры.

Из висящих на поясе платья, цвета сосновой хвои, искусно сработанных ножен она выхватила тонкий кинжал с серебристым лезвием. Рукоять с резным навершием из черного дерева удобно легла в ладонь, словно приросла. Она отогнала воспоминание о дяде Боле, который окропил клинок ее кровью со словами: «Теперь это кинжал ведьмы».

– Элена... – В голосе Эр'рила зазвучали нотки предостережения, но девушка поднялась на ноги, не обращая на него внимания.

Не промолвив ни слова, она провела острием наискось через правую ладонь. Боль показалась ей слабее укуса осы. Единственная капля крови выступила на краю надреза и скатилась на платье. Но Елена смотрела только на длинный стол. Никто из спорщиков не обернулся. Они слишком увлеклись: выкрикивали свои доводы, опровергали возражения и, войдя в раж, грохотали кулаками по деревянной столешнице.

Элена вздохнула и обратилась к своему сердцу, к сберегаемому в нем источнику необузданной силы. Очень осторожно она распутала тонкие нити могущества, пламенеющие сгустки, бьющиеся в жилах, наполнила ладони. Сила пришла, и сияние окутало руки ведьмы. Она высоко воздела сжатый кулак.

Первым ее движение заметил старейшина мер'ай. Мастер Эдилл, должно быть, уловил отблеск пламени на отполированном столовом серебре. Он резко повернулся, опрокинув зазвеневший кубок и расплескав вино, которое растеклось по столу, будто пролитая кровь.

Спорщики, привлеченные шумом, сначала уставились на винную лужу, а после устремили взгляды к трону. Один за другим они умолкали, пока в зале не воцарилась тишина.

Элена невозмутимо выдержала их взгляды. Слишком многие погибли, чтобы помочь ей вернуть этот остров: дядя Бол, папа и мама, Флинт, Морис...

Она будет говорить и от имени мертвых тоже. Нельзя позволить, чтобы из-за глупой пустопорожней болтовни их жертва стала напрасной. Ради будущего Аласеи нужно бросить вызов могуществу Гал'готы, двигаться вперед по единственно возможному пути. И кто-то должен указать его.

– Я долго слушала вас, – вкрадчиво произнесла Элена в зловещей тишине. Живые нити червонного золота сбегали с ее охваченного пламенем кулака и обвиняли предплечье. – Бла-

годарю вас за столь подробное обсуждение, тянувшееся последние дни. Этой ночью я обдумую все высказанное вами, а утром дам ответ – что нам следует делать.

На нижнем конце стола поднялся грузный мужчина с черными усами, свисавшими ниже подбородка. Это был посланник небольшого портового города Пенрина Саймон Ферауд.

– Не обижайся, девочка, – пророкотал он, – но наше дело вовсе не нуждается в твоём одобрении.

Кое-кто согласно кивнул в ответ на его слова.

Элена позволила уроженцу Пенрина договорить, спокойно наблюдая, как нити ведьминого огня прокладывали тропки по ее руке, расщепляясь на еще более тонкие нити, охватывая грудь и талию.

– Наши дальнейшие действия должны быть одобрены всеми, – продолжал Саймон Ферауд, подбадриваемый молчанием окружающих. – И мы только-только начали обсуждение. Наилучший способ покончить с угрозой Гал’готы нельзя сыскать за одну ночь.

– Одну ночь? – переспросила Элена, опуская руку и делая шаг вперед к столу. – Скоро минет тридцать ночей, с тех пор как мы отпраздновали нашу победу. Единственное, чего вы достигли бесконечными склоками и грызней, – взаимная неприязнь. А мы сейчас должны быть едины, как никогда.

Саймон попытался было возразить, но под взглядом ведьмы замер и медленно закрыл рот.

– Сегодня ночью взойдет полная луна, – продолжала Элена. – Кровавый Дневник откроется вновь. Я выслушаю все ваши советы, а потом сверюсь с книгой. Утром я представлю вам окончательный план действий.

– Для обсуждения? – откашлялся мастер Эдилл.

– Для безоговорочного выполнения, – покачала головой Элена.

Тишина вновь повисла над собранием. Но не ошеломленная, как несколько мгновений назад, а скорее напоминавшая затишье перед ураганом. И Элена не могла позволить ему разразиться.

Упреждая любые возражения, она вытянула руку вперед.

– Я не собираюсь терпеть ваши пустые споры. И завтра на рассвете объявлю свою волю.

Ведьма разжала пальцы, объятые пламенем, и впечатала ладонь в столешницу. Струйки дыма рванулись вверх, охватывая ее запястье. Не убирая руки, она внимательно обвела глазами сидящих за столом. Языки пламени скакали между ее пальцами.

– Завтра мы все шагнем в будущее. Туда, где Черное Сердце будет выжжено с этой земли каленым железом.

Элена отняла ладонь от стола – обугленный отпечаток глубоко врезался в твердое дерево, тлея по краям, – и отступила к трону.

– Кто не согласен со мной, может покинуть А’лоа Глен до восхода солнца. Всякий, кто останется, но посмеет оспаривать мое решение, не увидит заката.

Хмурые взгляды полоснули ее, будто кинжалы. Исключением были разве что главный шкипер дри’ренди, ответивший ведьме одобрительной и уверенной усмешкой, и королева эл’инов Тратал, сохранявшая непроницаемое выражение лица, подобное ледяной маске.

– Пришла пора отбросить сто различных путей и определиться с одним-единственным, – объявила Элена. – Завтрашний день станет днем возрождения Аласеи. Один разум, одна душа. Поэтому я прошу вас заглянуть сегодня ночью в глубь своих сердец. Решайте. Или присоединяйтесь ко мне, или убирайтесь прочь. Вот об этом я позволяю вам поспорить.

Девушка пристально вглядывалась в лица собравшихся, стараясь сохранять надменное и холодное выражение, под стать произнесенным словам.

– Всем нам нужно многое обдумать, – кивнула она наконец, – а потому я желаю вам доброй ночи и удачного поиска правильного решения.

Затем она повернулась и отошла от стола, на котором все еще дымилась ее печать – напоминание для всех, кто она такая и какой силой обладает. Хорошо бы этого хватило. Елена обогнула Трон Колючих Роз и направилась к выходу из зала, легко скользя подолом платья по каменным плитам. Казалось, что в наступившей тишине время замедлилось. Гневные взгляды жгли ей спину, будто бушующее пламя из очага. Елена приблизилась к Эр'рилу, усилием воли смирив дрожь.

Воин стоял прямо и неподвижно. Только серые глаза неотрывно следили за приближающейся Эленой. И хотя его лицо сохраняло суровость, глаза светились гордостью. Не останавливаясь, ведьма прошла мимо и шагнула к боковой двери.

Эр'рил успел распахнуть перед ней тяжелые створки.

Дождавшись, пока она выйдет, он захлопнул дверь.

– Отлично сказано, Елена. Кто-то должен был их встряхнуть. Не представляю, сколько бы они еще переливали из пустого в порожнее...

Вне зала силы неожиданно оставили Элену. Она споткнулась и едва не упала.

Эр'рил подхватил ее под локоть.

– Елена?

Она тяжело обвисла на руке верного вассала.

– Помоги мне, Эр'рил, – чувствуя слабость, прошептала девушка. – Не дай упасть.

Он подхватил ее поудобнее, вплотную приблизился к ней и прошептал:

– В любой миг.

Элена прикоснулась к его руке. Несмотря на кажущуюся взрослость, в ее теле скрывалась все та же напуганная девочка из горного селения.

– Добрая Матушка, что же я натворила? – тихо простонала она.

Эр'рил развернул девушку лицом к себе и, отстранив на длину вытянутой руки, слегка наклонился, впиваясь в ее глаза серым ненасытным взглядом.

– Ты показала им всем то, что они давно жаждали увидеть.

Она потупилась.

– И как это выглядело? Обезумевшая ведьма дорвалась до власти?

– Нет. – Эр'рил одним пальцем приподнял ее подбородок. – Ты показала им будущее Аласеи, каким оно должно быть.

Элена посмотрела воину в глаза и вздохнула.

– Надеюсь, ты прав. Но сколько людей будет сидеть за столом завтра, когда взойдет солнце?

– Не имеет значения. Важны сила духа и стойкость сердец, объединенных одной целью.

– Но...

Эр'рил покачал головой, отменяя всякие возражения. Придерживая Элену за локоть, он повел ее прочь.

– Мы слишком долго зализываем свои раны после войны Архипелага. Твое сегодняшнее спонтанное решение совершенно правильно. Пришла пора отделить зерна от плевел. Те, кто останется за столом после рассвета, будут готовы противостоять Черному Сердцу.

Элена шла через темные залы, освещенные лишь редкими факелами, опираясь на руку воина равнин.

– Надеюсь, ты прав, – сказала она после долгого молчания.

– Верь мне.

Оба замолчали. Елена шла и обдумывала слова Эр'рила. Аласея... Что будет с ней? Девушка нахмурилась. Кто знает наверняка? Но невзирая на то, что ждет их впереди, сегодняшний шаг был необходим.

Внезапно Эр'рил рывком остановил Элену и шагнул вперед, заслоняя ее собой.

– Что ты... – возмутилась она.

– Тихо! – Меч Эр'рила уже покинул ножны, и острое смотрело вперед, в густую тень. Кто-то шагнул им навстречу.

– Стой! – рявкнул Эр'рил. – Ты кто?

Не обращая внимания на клинок воина равнин, незнакомец сделал еще один шаг, оказавшись в круге света от факела. Он был на голову ниже Эр'рила, поразительно худой, одетый лишь в холщовые штаны длиной до колена. Его темная кожа отражала пламя, словно отшлифованное черное дерево, а на лбу белел шрам – руна в виде открытого глаза. Елена оттолкнула меч Эр'рила. Она узнала одного из зу'улов – низкорослых воинов, обитавших в джунглях, которые кольцом опоясывали Пустоши с юга. Зу'улы отважно сражались вместе с ней на борту «Бледного жеребца».

Темнокожий человек склонил наполовину обритую голову – длинная черная коса, украшенная перьями и осколками раковин, соскользнула на плечо.

– Зачем ты пробрался сюда тайком? – резко спросил Эр'рил, не убирая меча.

Зу'ул поднял глаза на Элену. В них плескались боль и мука.

Элена сделала еще шаг, с удивлением обнаружив, что Эр'рил пытается удержать ее. Неужели он всегда будет столь подозрительным? Девушка вывернулась и подошла к чернокожему воину.

– Что произошло?

Вместо ответа зу'ул раскрыл ладонь. На ней лежала серебряная монета с чеканным изображением снежного барса.

– Ничего не понимаю, – пожала плечами Элена.

Из рассказов брата она знала, что этот маленький человек – шаман и соплеменники называют его мудрецом. Еще Джоак поведал ей, что зу'ул обладал способностью общаться с другими людьми на огромном расстоянии при помощи талисманов. Именно так они с Джоаком переговаривались в недавнем прошлом.

Низенький южанин поднял монету повыше, будто бы это все объясняло.

Элена в недоумении наклонилась и хотела уже прикоснуться к монете, но зу'ул отдернул руку.

– Он зовет, – сказал шаман, отступая на шаг. – Им всем грозит смерть.

Эр'рил встал рядом с девушкой.

– Кто? Кто зовет?

Зу'ул глянул на воина равнин и вновь обратился к Элене, с трудом выговаривая слова на всеобщем языке:

– Лорд Тайрус. Тот, кто спас моих людей от работоторговцев.

– Он имеет в виду главу пиратов Порт-Роула, – повернулся Эр'рил к Элене, – наследного принца замка Мрил.

Девушка кивнула. Именно Тайрус заморочил головы Мисилл и трем ее старинным друзьям: Кралу, Могвиду и Фардейлу. И вот уже два месяца Элена ничего не слыхала о них за исключением того, что этот маленький отряд собирался отбить замок Мрил и Северную стену у Темного Властелина.

– Что ты знаешь о них?

– Я слышу шепот, – ответил шаман, с трудом подбирая слова всеобщей речи. – В нем боль, страх. Просьба о помощи.

– Они в беде! – Элена повернулась к Эр'рилу.

Воин нахмурился.

– Очень может быть, – твердо сказал он. – Но я не вижу, чем им помочь. За это время они могли затеряться в чащобах Западных Пределов.

– Но ведь должен быть способ... – пробормотала девушка и обратилась к зу'улу: – Что ты еще слышал?

Шаман покачал головой.

– Одно слово. Но оно мне незнакомо. Наверное, заклинание.

– И что же это?

Темное лицо низкорослого южанина скривилось от напряжения.

– Гр-грефф-ин...

Элена нахмурилась. Что бы это могло означать? Полная бессмыслица!

– Гриффин! – вздрогнул Эр'рил. Он подошел ближе к маленькому воину. – Ты сказал – «гриффин»?

Лицо шамана озарилось радостью.

– Да! – закивал он. – Гриф-фин! Да-да!

По всему выходило, зу'ул считал это слово очень важным.

– Я по-прежнему ничего не понимаю... – вздохнула Элена.

Эр'рил безмолвно застыл, перебирая в памяти события недавнего прошлого. А потом едва слышно выдохнул:

– Вейр!

Элена задохнулась. Вейр! Сердце ведьмы похолодело. Она вспомнила огромную статую чудовищной черной птицы – мифического виверна, который был куда большим злом, нежели простое, пускай и отвратительное, изваяние. Вырезанная из эбенового камня, статуя являла собой врата, ведущие к источнику темной магии, Вейру. А при воспоминании о злобе, таившейся внутри изваяния, кожа Элены покрылась мурашками. Тогда она едва не потеряла Эр'рила.

– Когда я освободил книгу, – продолжал воин равнин, – темный чародей Грэшим рассказал мне и о других вратах. Их четверо. С виверном мы уже сталкивались. Есть еще – мантикора, василиск и... – Эр'рил пристально глянул на Элену, – и гриффин.

– Но... – Девушка задыхалась, глотая слова. – Но разве врата Вейра в Западных Пределах? Почему? Почему зов исходит оттуда?

– Не знаю. Грэшим намекнул на какой-то замысел Гал'готы. Будто бы они намеревались расположить врата Вейра на самых важных участках вокруг Аласеи.

– Как в Зимнем Айри, – догадалась Элена, припоминая истинное предназначение врат виверна, воплощению которых они помешали. – Что же задумал Темный Властелин?

– Даже Грэшим этого не знал, – пожал плечами воин и добавил, обращаясь к шаману: – Я думаю, невзирая на планы Черного Сердца, врата опасны для всех, кто оказался рядом.

– Ты можешь поговорить с лордом Тайрусом? – спросила Элена у зу'ула. – Можешь узнать больше?

– Я пробовал. – Шаман снова раскрыл ладонь. – Монета стала холодной. Очень плохой знак.

– Но что нам делать? – Девушка взяла себя в руки. – Мы не можем пропустить мимо ушей просьбу о помощи.

Эр'рил быстрым движением сунул меч в ножны.

– Они сами этого хотели – приключений в западных чащобах. Нельзя распылять силы на бесполезные поиски.

– Но...

– У тебя достаточно собственных дел, Элена! И не забывай, что этой ночью нам нужно свериться с Кровавым Дневником, принять окончательное решение и озвучить его утром на военном совете. Ты выжгла свои обязательства на дубовом столе. И должна сдержать слово.

– Но как я могу? Ведь тетушка Ми в опасности...

– Мисилл – опытный воин. Она снова может сражаться в полную силу, – сурово прервал ее Эр'рил. – Как и все остальные, твоя тетушка может противопоставить врагу все свое умение и отвагу.

Но Елена не могла скрыть беспокойство. Эр'рил сжал ее плечи.

– Я отправлюсь в библиотеку Братства. Поглядим, удастся ли мне разузнать что-нибудь еще о вратах Вейра. А тебе надо сосредоточиться. Впереди долгая ночь. Думаю, тебе стоит отдохнуть, поспать. Забудь обо всех заботах на время.

– Как я могу? – прошептала она сокрушенно. – Почему ты не хочешь повиноваться зову сердца?

– Я знаю, что твое беспокойство ничем не поможет ни Мисилл, ни остальным. А если ты добавишь их бремя к своему собственному, хуже будет всем.

Елена кивнула, понурившись. Эр'рил прав. Она взяла на себя ответственность и должна объединить разрозненные отряды противников Гал'готы. Она потребовала, чтобы вожди, собравшиеся за длинным столом, обратились к своим сердцам и отринули все помехи. Может ли она сама поступить по-иному?

– Я сделаю так, как ты сказал, – призвав на помощь все самообладание, произнесла ведьма.

– Тогда позволь проводить тебя, – обрадовался Эр'рил. – Отдохни, а я разбужу тебя перед восходом луны.

Она снова кивнула и двинулась вперед, только теперь почувствовав, как она устала. Проходя мимо шамана-зу'ула, девушка тронула его за плечо. Темнокожий южанин выглядел измученным и больным, настолько глубоко потрясло его известие от лорда Тайруса.

– Мы подумаем, чем можно помочь, – пообещала она. – Не бойся. Если что-то можно сделать, мы это сделаем.

Шаман поклонился, прижимая кулак к изуродованному шрамом лбу.

Елена прошла через анфиладу залов, погрузившись в мысли об исчезнувших друзьях. Еле слышно она молилась об их спасении, но цепкий страх, завладевший сердцем, не отпускал девушку ни на миг. И сквозь него пробивалось еще одно чувство.

Что-то пошло не так.

Это казалось столь же очевидным, как и грядущее полнолуние. И если быть честной до конца, страх зародился не сегодня, не сейчас. В течение двух последних дней все мешало ей: солнечный свет резал глаза, голоса людей раздражали, пища была безвкусной, кожа непрестанно зудела. А сегодня утром ей почудилось, будто стены замка давят на нее.

Сказать по правде, именно эти ощущения подтолкнули Элену к выступлению перед советом и требованию принять решение немедленно. Эр'рил может считать ее энергичной и отважной, но причина ее поступка – озлобленность и беспокойство. Время уходит. Она не может больше сидеть на месте, ничего не предпринимая.

Оглянувшись, Елена поискала глазами мудреца-зу'ула. Но он скрылся в тени.

Если бы ее страхи могли исчезнуть так же легко.

С верхушки восточной башни Тол'чак наблюдал за людьми, которые копошились в лабиринте доков и полузатопленных строений, восстанавливая порт. Сидя на груде битого гранита и обсидиана – остатках разрушенного парапета, – огр предавался своим мыслям. С тех пор как корабли эл'винов разрушили башню, никто не рисковал пробираться сюда, кроме Тол'чака. Руины служили ему убежищем.

Голоса работающих людей – ругань, дружеские шутки – долетали даже сюда. С помощью сетей и канатов на берег вытаскивали обломки мачт и куски обшивки разбитых кораблей, загромождавшие улицы и переулки затопленной части А'лоа Глен.

Рутинная работа. Каждое утро прилив выносил на отмели тела погибших в последнем сражении. И так целый месяц.словно океанские глубины решили навсегда избавиться от напоминания об ужасах бывшего кровопролития. Рядом с деревянными обломками плавали в заво-

дах раздувшиеся тела людей, драконов, чудовищ со щупальцами. Смерд разложения привлекал на пир множество голодных птиц.

Мужчины и женщины, работавшие внизу, обвязывали лица платками, оставляя лишь глаза, отчего напоминали ночных грабителей. Но Тол'чаку вонь гниющих трупов не мешала. Еще до войны зловоние смерти стало для него привычным.

Повернувшись спиной к морю, огр вытащил из сумки на поясе алый сердце-камень. В тени, которую отбрасывала западная стена замка, самоцвет светился изнутри.

Но если раньше он излучал яркий свет, будто рубиновое солнце, то сейчас отсвечивал слабым, как бы болезненным, мерцанием. Держа кристалл в вытянутой руке, Тол'чак поочередно повернулся на север, запад, юг и восток – ничего... Сердце не отозвалось привычным биением. Реликвия, которая некогда вела огра, казалось, потеряла силу.

Он поднял камень к пылающему закату. Сквозь блестящие грани проступила тень, поселившаяся в глубине: зло, тьма, проклятие, наложенное на народ огров за клятвопреступление одного из вождей. Триада, старейшины племени Тол'чака, поручила молодому огру испить вину его предка и снять проклятие, уничтожив зло. Тогда ему и вручили этот камень – сосуд для едва теплящихся душ пращуров и проводник в большом мире. Но Погибель уже завершала свое гнусное дело. Зло росло, поглощая души огров, заточенные в кристалле. Когда Тол'чак приступал к поискам, тень была маленькой, не больше червя, с трудом различимого сквозь блики тысячи граней, а теперь он набрал силу, разъелся. Подобно превращению гусеницы в мотылька, Погибель изменилась, стала похожа на некую темную сущность, затаившуюся внутри рубиново-красного камня. Кем или чем оно было? Во что могло превратиться окончательно?

Тол'чак опустил сердце-камень.

В сущности, ответ на эти вопросы не имел значения. Души огров-пращуров оказались сожранными черной напастью. Тол'чак оперся о темный камень парапета. Почему сердце племени привело его к ведьме? Какой намек здесь таится? Возможно, помогая ей, он получит ответную помощь? Огр не знал. И не представлял, сможет ли когда-либо узнать.

Он задумчиво теребил сумку, поглядывая на уборщиков, копошившихся внизу. В небе кружились чайки, криками призывая сородичей к обильной трапезе. В море акулы подрались из-за унесенного течением трупа.

«Жизнь всегда кормится чьей-то смертью», – мрачно подумал он, отворачиваясь.

Запихнув, хотя и не с первого раза, самоцвет обратно в мешочек, огр, ворча, принялся завязывать ремешки. И вдруг камень, будто рассердившись на непочтительное обращение, запылал ярким светом. Тол'чак охнул. Выскользнув из его неуклюжих пальцев, сердце-камень покатился по каменному полу, остановившись у поваленного столба. И продолжал сиять, словно упавшая звезда.

Тол'чак недоверчиво смотрел на камень, и глаза его наполнились слезами от яркого света и облегчения. Сердце ожило!

Опустившись на колени, огр одной рукой оперся о пол, а ладонью второй прикрыл глаза от сияния. Он решил рассмотреть камень поближе. И тогда в глубине кристалла, затмевая рубиновый блеск, возникла тень. С каждым биением сердца она становилась все больше и больше, поглощая свет. Ужас сковал Тол'чака.

Погибель!

Зло явилось за ним.

Но он не стал убегать. Только выпрямился и расправил плечи. Если суждено умереть сегодня, он готов. И вот уже алый свет камня почти исчез, пожранный пульсирующей тьмой. Вскоре тень заполнила весь самоцвет, лишь красные отблески у самой поверхности озаряли его. Но они сияли, словно ореол вокруг солнца при затмении.

Сгусток тьмы зашевелился, обретая подобие формы. Несмотря на ослепительный свет, Тол'чак замер, не мигая. Перед ним появилось изображение огра, сотканное из теней. Сутулый, наклонившийся к земле, он опирался на руку толщиной с древесный ствол, на спине вздыбилась грива жесткой шерсти. Огромные глаза, похожие на водовороты осенних туч, смотрели на Тол'чака. Будто отражение на зеркальной глади озера. Собственно, в каком-то смысле это и было отражение.

Тол'чак придвинулся. Слезы застилали его глаза.

– Отец?

Темная фигура не шелохнулась, но лицо ее, похоже, озарилось радостью. Взгляд скользнул по выпрямившемуся Тол'чаку.

– Тот-кто-ходит-как-человек.

Молодой огр немедленно согнулся, упираясь мощным кулаком в гранит.

– Нет, – произнесло существо из глубины сердце-камня, и голос его звучал одновременно тихо и громко, далеко и рядом. – Не делай так. Триада дала тебе верное прозвище.

– Но, отец?..

– У меня мало времени, – качнулась черная голова. – Я должен торопиться.

– Но ведь камень вновь пылает!

– Только сейчас. – Черный огр посмотрел на сына. – Я – последний из духов, заключенных в нем. Наши с тобой кровные узы позволили мне так долго сопротивляться Погибели. Но на закате я исчезну.

– Нет!

– Камень падает сверху вниз, вода течет с горы, а не наоборот, – недовольно проворчал дух. – Даже горы не в силах воспрепятствовать этому. Ты – огр, сын мой. Смирись с судьбой, как смирился я.

– Но...

– Я уйду навсегда, но оставляю для тебя подсказку. Погибель уже рядом, и я осознал твой путь. Но теперь ты пойдешь без помощи духов. Один.

– Но зачем? Если Погибель опустошит камень, стоит ли куда-то идти?

– Не все еще потеряно, сын мой. Есть способ уничтожить Погибель и восстановить сердце-камень нашего народа.

– Не понимаю.

Изображение в камне дрогнуло и начало расплываться, подробности исчезали по мере того, как истончался ореол рубинового света. Даже голос духа стал невыразительным и надтреснутым.

– Возьми камень и отнеси его... Туда, где он рожден.

– Где это место?

Ответ прошелестел, будто легкий ветерок. Тол'чак отшатнулся, задыхаясь от волнения.

– Нет!

Но он знал, что услышал истину.

Темная фигура огра исчезала, сливаясь с другими тенями.

– Просто сделай это... Во имя своего отца...

Тол'чак сжал кулаки. Выполнить просьбу немыслимо, невозможно! Но все же он кивнул.

– Я попытаюсь.

Свет на миг возобладал над тенью. Донесся последний шепот:

– Как ты похож на свою мать... – Сияние исчезло. – Я ухожу счастливым, зная, что мы оба живем в тебе, сын мой.

Потускневший кристалл лежал на холодном граните.

Тол'чак не мог пошевелиться. От рубинового сияния не осталось и следа. Наконец огр пересилил себя и, сграбастав камень широкими лапами, положил его на колени, будто баюкая сердце своего племени.

Так он просидел, пока солнце не исчезло за линией горизонта. Лишь слезы время от времени скатывались по щекам великана. Когда очертания башни скрылись во тьме, Тол'чак поднес камень к губам и поцеловал холодную поверхность.

– До встречи, отец, – прошептал он.

Джоак поспешно шагал по пустым коридорам, всей душой желая сбежать куда-нибудь подальше.

Дыхание его сбилось, великолепную одежду покрывали пыль и паутина – ведь он пробирался по заброшенным коридорам. На миг юноша остановился, прислушался и, не уловив шагов преследователей, пошел медленнее, на ходу вытирая носовым платком измазанную бровь. Как же все это ему надоело!

Слева открылся вход на винтовую лестницу, и Джоак немедленно нырнул туда. Плечи молодого человека еле-еле проходили через узкий лаз. Скорее всего, этот ход проделали для слуг. Юноша поднимался по лестнице, шагая через ступеньку. Добраться бы только до главного зала, а оттуда путь к кухням он знает как свои пять пальцев. Жалобное урчание в животе пробуждало мечты о глубокой миске с тушеным мясом и краюхе свежеевыпеченного хлеба. Побег стоил Джоаку пропущенного обеда, но брат ведьмы не жалел о заплаченной цене.

Миновав последний пролет, юноша бочком протиснулся в дверь. Звуки кухонной суеты обрушились на него сладкой музыкой: стук горшков, шипение жира на противнях, трубный глас главного повара, умело управляющего здешним беспорядком. Дверные створки захлопнулись за спиной Джоака. Пламя очагов озаряло стены, будто заходящее солнце. Аромат запеченных кроликов щекотал ноздри, а запах хлеба с восхитительной ржаной корочкой, только что вынутого из духовки, смешивался с запахом жареного лука. Ноги Джоака, словно повинувшись темному заклятию, сами понесли его вперед. Юноша зачарованно двинулся на шум и запахи.

Но, едва переступив порог кухни, он налетел на девушку с золотисто-рыжими волосами, выглядывавшими из-под белой накрахмаленной косынки. Она оттолкнула его, приняв за одного из кухонных слуг, которые так и норовили украсть что-нибудь съестное.

– Руки прочь, болван! Я тебе не девка из таверны! – Не успев возразить ни словом, ни жестом, юноша получил локтем под дых. – На тебе!

И тут она разглядела его. Девушка отличалась от прочих работниц смуглой кожей, напоминавшей темную бронзу, которая как нельзя лучше оттеняла яркий золотистый цвет волос. Ее взгляд скользнул снизу вверх, от черных сапог юноши по серым бриджам до изумрудно-зеленой рубахи и плаща, небрежно накинутого на правое плечо, и остановился на лице.

Сдавленно пискнув: «Лорд Джоак!» – она упала на колени. Привлеченные ее возгласом, прочие кухонные работники остановились, вытаращившись на них. Казалось, что вокруг стало тише.

Джоак густо покраснел, его щеки стали почти такого же цвета, как и медно-рыжие волосы. Он наклонился и с усилием потянул девушку вверх, помогая встать, но она не держалась на ногах, обмякнув, будто тряпичная кукла. Джоаку пришлось поддерживать ее.

– Я не лорд, – твердо сказал он. – И когда-то работал в этих же кухнях.

– Да, он здесь работал! – послышался мощный голос.

Огромный человек растолкал толпу зевак. Необъятный живот был прикрыт идеально белым фартуком, щеки покраснелись от жара печей. Главного повара Джоак помнил еще со времен своего служения Грэшиму. Великан взмахнул половником на длинной рукояти над головами кухонной челяди.

– А ну, за работу! Живо, иначе надеру вам задницы – мало не покажется!

Толпа мгновенно рассеялась. Осталась только девушка, столкнувшаяся с Джоаком. Она сделала шаг назад, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Повар перебросил половник в другую руку.

– Не думаю, что ты явился за чьим-то ужином...

– И предположить не мог, что ты все еще здесь! – улыбнулся брат Элены. – Как ты пережил владычество черных магов?

– Даже чудища и черные маги не прочь вкусно поесть. – Повар прикоснулся к неширокой ленте, закрывающей левый глаз. Раньше ее не было. Джоак разглядел узкий багровый шрам, начинающийся с середины лба и уходящий под повязку. – Конечно, всегда нужно следить, чтобы их мясо не перетомилось. Ну, ты понял, о чем я? – На миг тень бывшего страха промелькнула в добрых глазах великана и исчезла. – Итак, чем я могу помочь моему малышу-лорду?

– Я не лорд, – устало повторил Джоак.

– Да? А я слышал другое. Говорят, ты принц крови у тех людей, что прилетели на кораблях.

– Это им так хочется, – вздохнул юноша. Эльвины вбили себе в голову, будто он и Элена – последние потомки их древнего короля. – Все, что мне известно, – я сын садовода. И большего не надо.

– Садовод! – Повар взревел, будто напуганный мул, и хлопнул Джоака по плечу, едва не сбив с ног. – Кажется, я готов тебе поверить. Ты такой долговязый! – Он подтащил юношу к столу, выдвинул табурет. – Судя по тому, как ты вынюхиваешь, где бы раздобыть вкусного, ты голоден как зверь. Я угадал?

– Признаться, я остался без обеда...

– Как это тебе удалось? – Повар чуть ли не силой усадил юношу на табурет. – Да я завалил едой стол в зале для пиров! Они не могли так быстро расправиться с моей стряпней.

– Сегодня мне не хотелось там появляться, – поежился Джоак.

– Уф! Я тебя понимаю! Шум, суета, крики...

Одним мановением руки с половником и суровым взглядом толстяк привел в движение толпу кухонной прислуги. Через мгновение на столе перед юношей появились нарезанный крупными ломтями хлеб, куски сыра, миска с разнообразными ягодами. Кухонный мальчик, взгромоздив на голову огромное блюдо, принес его и поставил перед Джоаком. Над тушеным с кореньями кроликом вился ароматный парок.

– Угощайтесь, милорд. – Повар взмахнул половником. – Может, не слишком изысканно, зато такой вкуснотищи не подают и на пирах.

И он отправился обходить свои владения.

Девушка-служанка, с которой Джоак столкнулся в дверях, взяла пузатый кувшин и начала наливать в кружку пиво, больше расплескивая его по столу от волнения.

– Простите, простите, простите... – бормотала она, будто причитая.

Джоак взял ее за руку, помогая побыстрее наполнить кружку.

– Спасибо, – сказал он и посмотрел на девушку.

Ее глаза, которые издали выглядели темно-карими или даже черными, вблизи оказались глубокого темно-синего цвета, напоминавшего небо перед закатом. Юноша понял, что утонул в них без возврата. Руки молодых людей все еще соприкасались, хотя кружка наполнилась до краев.

– Спасибо, – повторил Джоак.

Девушка смотрела на него не мигая, а потом медленно отняла руку. На мгновение ее глаза задержались на перчатке Джоака, изготовленной по особому заказу, чтобы скрыть увечье – два пальца и половину ладони ему откусил демон в битве за замок. Но служанка, похоже, не смутилась. Она слегка поклонилась и пошла прочь.

Джоак все еще протягивал к ней руку.

– Как тебя зовут? – спросил он торопливо.

Она вновь поклонилась, на этот раз опустив голову так низко, что юноша не мог видеть ее глаза, о чем тут же пожалел.

– Марта, милорд.

– Но...

Прежде чем он в очередной раз успел отказаться от ненавистного титула или просто промолвить хоть что-то, она убежала. Только ее юбка взметнулась стремительным водоворотом.

Вздыхнув, Джоак принялся за еду. Однако обнаружил, что голод куда-то пропал, будто его и не было. Через силу он ковырял ложкой тушеное мясо. Повар не соврал – подлива отличалась изысканным вкусом благодаря необычным специям, а мясо кролика таяло на языке. Последний раз такую вкуснятину юноша ел дома, в родной деревне. Помимо воли пришли воспоминания о матери, о том, как она старалась запасти побольше еды на зиму. И аппетит вернулся. Но какой бы замечательно вкусной ни была еда, Джоак не мог избавиться от видения сумеречно-синих глаз кухонной работницы.

Погрузившись в мечты и с удовольствием поглощая пищу, юноша не замечал никого, пока не услышал позади голос:

– А! Вот ты где!

Джоаку не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто стоит в дверях. Принц Ричалд, элв'ин и брат Мерики. От разочарования юноша застонал – ведь спасение казалось таким близким.

– Не подобает принцу крови трапезничать с простолюдинами, – произнес элв'ин, не скрывая брезгливости, и подошел к столу.

Вспыхнув от наглого заявления, Джоак повернулся, с трудом сдерживая ярость. Ричалд застыл с отрешенным лицом, отказываясь замечать суетившихся вокруг людей, чей нелегкий труд попросту презирал. Истинный элв'ин – чопорный, холодный, далекий от всех, кто ниже его по происхождению. Чертами лица он весьма походил на Мерику, но были они какими-то заостренными, будто вырезанными ножом. В серебряных волосах над левым ухом проглядывала медно-рыжая прядь.

Оттолкнув табурет, Джоак встал перед элв'ином, который был выше его ростом примерно на ладонь.

– Я не позволю тебе оскорблять этих людей, принц Ричалд! Они много и тяжело работают!

Синие глаза, холодностью и безразличием напоминавшие лед, равнодушно встретили его гневный взгляд.

– Я оскорбляю? Да моей сестре стоило невероятных усилий притащить на пир полдюжины наших кузин ради того, чтобы познакомить их с тобой. И что? Ты мог бы оказать им хоть чуть-чуть внимания, а не просто поздороваться и сбежать!

– Что-то мне не хочется за обедом отбиваться от стаи элв'инских девиц.

Брови Ричалда приподнялись – для элв'ина это означало высшую степень негодования.

– Следи за своим языком. Принц ты или нет, но я не позволю, чтобы полукровка смеялся над моими сородичами.

Джоак с трудом подавил усмешку. Наконец-то ему удалось пробить панцирь равнодушия и заставить элв'ина показать свое истинное отношение к нему. Полукровка! Наполовину элв'ин и наполовину человек.

За последний месяц элв'ины не давали Джоаку прохода. Эти среброволосые существа, будь то мужчины или женщины, так и лезли к нему на глаза со своими дочерьми и племянницами. Его представили бесчисленному количеству знатных дам – от юных, едва вступивших в пору зрелости, до пожилых, годящихся юноше в матери. Но вскоре он начал ощущать какую-то червоточинку внутри этого повышенного внимания – подспудную неприязнь, проявляющуюся

то в неосторожном слове, то в косом взгляде. Хотя в жилах юноши текла королевская кровь, большинство считали его полукровкой. И презирали Джоака, хоть и знакомили с чередой своих родственниц. Для эл'винов он оставался лишь дальним потомком королевского рода, племенным жеребцом для оплодотворения одной из девиц их несчастного племени, чтобы возродить династию. А после его можно и выбросить за ненадобностью, как обесценившийся грош.

Повторения тоскливой церемонии он и стремился избежать, удирая сегодня с пира. Сколько можно ходить вокруг да около? Пора с этим покончить.

Джоак смерил Ричалда взглядом.

– Я, несомненно, раздражаю ваше высочество, – прошептал он, почти не разжимая губ. – Как же тебя, сына королевы, должно бесить, когда ты видишь самых знатных дам народа эл'винов, которые лебезят перед полукровкой и пренебрегают тобой!

Губы Ричалда искривились, он задрожал от ярости, не в силах вымолвить ни слова.

Обойдя его, будто мебель, Джоак направился к выходу.

– Передай всем своим тетушкам и вообще всем, что полукровка больше не играет в ваши игры.

Принц не пытался его остановить. Проходя через кухню, Джоак боковым зрением заметил пару служанок, выглядывавших из-за полок с посудой. Два глаза следили за ним. Марта... Она сняла косынку и распустила волосы, будто покрывало из золотых и бронзовых нитей.

Юноша споткнулся о порог.

Его оплошность вызвала у девушки улыбку. Джоак поправил плащ и ответил ей дружеской усмешкой. Марта застенчиво опустила голову и скрылась в темноте за полками.

Поглядев ей вслед, Джоак покинул кухню. Лед эл'винов остался в прошлом. Тепло здешних очагов растопило его. Уже за дверью Джоак оглянулся. Сказать по правде, печи тут ни при чем – всему виной скромная девушка по имени Марта.

После месяца утонченной лести простота и открытость тронули его. Любовь не может возникнуть по договору или согласно купчей. Она должна начинаться со случайного взгляда, проникающего в самое сердце, а потом разрастаться в нем.

Кухни остались за спиной Джоака, но он не сомневался, что непременно вернется туда.

Не только ради вкусной еды, но и для того, чтобы проверить – что же можно выковать в жаре очагов.

Едва закатилось солнце, Мерик уселся на носу «Бледного жеребца», оперся спиной о релинг и вытянул ноги. Пристроив лютню на коленях, он прикоснулся к струнам, импровизируя. Мелодия плыла над портом, где стоял на якоре «Жеребец». Взгляд Мерика следовал за нею к потемневшим небесам.

Луна еще не взошла, и звезды сияли в вышине, будто драгоценные камни, покрывающие мантию. Высоко в небе, окружая кольцом остров А'лоа Глен, виднелись летающие суда, закрывающие звезды. Боевые корабли народа эл'винов нависали над замком, будто позолоченные облака или, вернее, грозовые тучи. Магическое сияние их килей, которое поддерживала сила стихий, можно было различить даже с такого расстояния.

Мерик нахмурился. Он знал, что его мать, королева Тратал, где-то там и наверняка задастся вопросом, почему ее сын проводит больше времени на «Бледном жеребце», чем на собственном флагмане «Солнечный охотник». Прожив почти месяц среди людей, она все еще не понимала тяги принца к существам не его крови. Да, королева терпеливо выслушивала истории о его приключениях, пережитых на этих берегах, но они ее не трогали. Эл'вины, дети ветра и облаков, мало интересовались тем, что находилось под килями их кораблей. Даже слушая рассказы сына, мать не могла проникнуться его чувствами к существам, населявшим землю.

Мерик провел ладонью по голове. Там, где когда-то багровела обожженная голая кожа – память о пытках в Тенистом Потоке, – вновь отросли серебристые локоны, щекодавие шею и уши.

Но всех шрамов волосами не скроешь. Длинная неровная отметина пересекала левую щеку.

– Сыграй что-нибудь, – слышался голос от бочек, прибитованных канатами к борту. Там сидел Ток. Он кутался в толстое шерстяное одеяло, почти затерявшись в его складках. Только взъерошенные песочно-желтые волосы мальчика торчали из этого кокона. Осень надвигалась на Острова, и ночи становились все холоднее и холоднее. Но Мерик радовался ночной свежести – она проясняла его разум.

– Что тебе сыграть, Ток?

Мальчик с радостью присоединился к элв'ину, когда тот брал в руки лютню Ни'лан. Мерик любил часы, которые они проводили вдвоем, наслаждаясь музыкой и неспешным общением. Иногда Ток просил разрешения поиграть на лютне и пытался разучивать песни. Последний раз им удалось посидеть вместе две недели тому назад.

– Неважно. Просто играй.

Элв'ин понял настроение мальчика. Мелодия не имела значения, оба они больше всего ценили сами звуки лютни. Инструмент был некогда изготовлен из сердцевины одного из вымирающих деревьев коа'кона, связанного с духом нифай Ни'лан. Магия стихий звучала в нежных переливах отшлифованной древесины. Она пела о потерянной родине и утраченной надежде.

Любовно склонившись над лютней, Мерик обхватил гриф и легко коснулся струн. Водопад звуков вырвался из-под его пальцев, будто бы инструмент надолго затаил дыхание и лишь сейчас запел в полный голос. Мерик улыбнулся и вздохнул. Слишком давно он играл, поэтому забыл, как музыка успокаивает сердце.

Но когда он вновь пробежал пальцами по струнам, рядом грохнул открывшийся люк и кто-то рывкнул:

– Сколько?

С нижней палубы поднялись два человека и оперлись о релинг неподалеку от Мерика. Чтобы не подумали, будто он подслушивает, элв'ин поднялся, держа лютню за гриф, и спросил:

– Что случилось?

Более высокий и широкоплечий из двоих повернулся в сторону принца и кивнул. Буйную гриву кровавый наездник Каст заплетал в косу, татуировка крылатого дракона покрывала половину его щеки и шею.

– Мы только что услышали решение совета, – едва сдерживая гнев, резко бросил Каст. – Ты уже знаешь?

Мерик покачал головой.

Худенькая девушка, стоявшая рядом с наездником, погладила приятеля по руке. Тот накрыл ее ладонь своей, невзначай коснувшись нежной кожи между большим и указательным пальцами. Подобными бессознательными знаками они часто выдавали трогательную привязанность друг к другу.

– Моя мать отправила гонца. – Сай-вен указала подбородком в сторону моря. – Похоже, Элена вынудила совет принять решение.

Поглядев вдаль, Мерик увидел, как среди барашков и гребней волн промелькнула горбатая спина левиафана – одного из живых чудовищ, в чреве которых мер'ай обитали и путешествовали по океану.

– Она поставила их перед выбором, – продолжала Сайвен, – согласиться с ее предложением или убраться прочь этой же ночью.

Не сумев скрыть потрясения, Мерик приподнял бровь. Кажется, Елена полностью вжилась в роль правительницы и ведьмы. В ее жилах текла кровь древних королей элв'инов. И наконец она проявилась.

– Главный шкипер уже поддержал ее, – сказал Каст. – Корабли дри'ренди остаются.

– Так же как и мер'ай, – добавила Сай-вен. – Мастер Эдилл убедил мою мать, что после нападения на остров обратного пути у нашего народа нет.

– А другие? – спросил Мерик, размышляя, каким же будет решение его собственной матери. – Мне нужно вернуться на «Солнечный охотник», чтобы убедиться, что флот элв'инов тоже останется.

– Нет нужды, – возразил Каст. – Хант, сын главного шкипера, сказал мне, что элв'ины решили поддержать наследницу древней династии.

Мерик кивнул, хотя столь быстрое решение королевы показалось ему подозрительным. Но, может быть, его истории все-таки нашли путь к ее сердцу? Или имелась иная причина для благородства ее величества Тратал.

– А остальные?

– Пусть Добрая Матушка, – нахмурился Каст, – проклянет жалких трусов. – И сплюнул за борт.

Сай-вен прикоснулась к его плечу.

– Еще не успеет взойти солнце, как почти все представители прибрежных городов снимутся с якорей. – Она указала на державшиеся особняком корабли, освещенные палубы которых были заполнены суетившимися людьми. – Я надеюсь, что те, кто останется, утром выслушают Элену, но разве можно что-то утверждать наверняка? Многие сбегут ночью.

Тень пробежала по лицу Мерика. Кровавые наездники, мер'ай, элв'ины – все они чужие для Аласеи, но, похоже, единственные, кто согласен сражаться плечом к плечу с ведьмой. Неудивительно, что эти земли были завоеваны пять веков тому назад.

– И что теперь? – спросил он.

– Дождемся рассвета, – ответил Каст, пристально разглядывая море, будто хотел выискать еще кого-нибудь, вознамерившегося покинуть остров.

Сай-вен прильнула к нему, стараясь лаской смягчить его суровость. Прижавшись друг к другу, они смотрели на волны.

Покинув парочку, Мерик вернулся на свое место на носу судна. Глаза приподнявшегося навстречу Тока отражали свет восходящей луны. Принц обещал сыграть для мальчика и не собирался его разочаровывать.

Облокотившись о борт, Мерик прижал лютню к груди, пробежал пальцами по струнам. Звуки показались слишком громкими в сравнении с поскрипыванием снастей и мягким шелестом волн. Элв'ин поморщился. Какие резкие ноты, можно сказать – злые.

Ток напрягся под одеялом, также заметив изменившееся звучание лютни. Сай-вен и Каст глянули в их сторону.

Мерик заиграл, стараясь вернуться к привычной печально-нежной мелодии, но из-под его пальцев вырывались лишь дребезжащие аккорды, несогласованные и безумные. Подкручивая колки, принц попытался вернуть инструменту былую напевность.

Мелодия ускорилась, но не потому, что элв'ин того желал. Казалось, сам инструмент потребовал от него быстроты движений. В звуках лютни явно слышались барабанная дробь и звон стали. Что же это за песня такая? Музыканта бросило в жар, несмотря на ночную прохладу, на его лбу выступили капли пота.

– Мерик? – встревоженно пробормотал Каст.

Элв'ин почти ничего не слышал. Его пальцы плясали вдоль длинного грифа, зажимая звенящие струны. И вот сквозь звуки лютни пробился далекий голос:

– Как долго я ждала...

Изумленный Мерик едва не отбросил инструмент, но что-то ему помешало. Он продолжал играть. Со стороны казалось, будто тело перестало ему повиноваться, пальцы жили своей жизнью. Каким-то образом лютня зачаровала принца.

– Приди ко мне... – продолжал голос.

Каст, ощутив состояние Мерики, потянулся к лютне.

– Нет! – выкрикнул принц. – Погоди!

Словно колокольчик, голос пел вместе со струнами, и казалось, будто его обладатель стоит здесь же, на палубе.

– Принесите мне лютню, иначе все пропало.

Глаза Мерики расширились, он узнал говорившую. Но ведь это невозможно! Он сам помогал хоронить ее.

– Н-Ни'лан?

– Принеси мою лютню, элв'ин. Только с ней можно противостоять Ужасу.

– Где ты? – выдохнул Мерик.

– Западные Пределы... Камень Тора... Приходи поскорее... – Голос таял.

Пальцы Мерики сами собой замедлились. Он попытался ускорить игру, но почувствовал, что заклятие рассеивается.

– Ни'лан! – выкрикнул принц, борясь с собственной слабостью.

Аккорды рассыпались на разрозненные звуки. Последние слова почти затерялись в них.

– Уничтожьте врата! Иначе все будет кончено!

Лютня выпала из обессиленных рук Мерики, но Ток в прыжке подхватил инструмент прежде, чем тот ударился о доски. Колени элв'ина подогнулись, и он осел на палубу.

Каст и Сай-вен осторожно приблизились к нему. Девушка склонилась над принцем, но прикоснуться поостереглась.

– Ты в порядке?

Мерик кивнул.

– Кто это был? – спросил Каст.

Принц промолчал, потому что не был готов ответить на этот вопрос даже себе.

– Ты можешь отвезти меня в замок? – обратился он к мужчине. – Мне нужно поговорить с Эленой. Немедленно.

Сай-вен глянула на Каста. Кровавый наездник кивнул. Вдвоем они вышли на середину палубы. Каст быстро раз-зусь, сбросил рубашку и штаны. Мгновение – и он стоял в одной лишь набедренной повязке.

Пока Сай-вен бережно складывала одежду кровавого наездника, Мерик заставил себя подняться и принял лютню из рук Тока. Девушка подошла к Касту, который наклонился и поцеловал ее на прощание.

Они не расставались уже очень давно. По щеке Сай-вен скатилась слезинка, упав на драконью татуировку ее друга.

– Я буду скучать... – нежно прошептала мер'ай.

Каст вздрогнул в ее объятиях, и в мгновение ока обоих окутал вихрь черной чешуи, серебряных когтей и широких крыльев. Трубный рев взлетел к небесам, и к палубе припал крупный морской дракон, глубоко вонзив когти в прочные доски.

Выгнулась могучая шея, блеснули клыки длиной в локоть. Торжествующий клич пронесся над кораблем.

Ток, затаив дыхание, прижался к Мерику. Он никогда не видел превращение Каста в дракона Рагнар'ка.

Сай-вен уже сидела на спине зверя и протягивала руку Мерику. Дракон скосил в сторону элв'ина круглый черный глаз.

– Забери одежду Каста! – воскликнула девушка. – Мы отправляемся!

Глава 2

По длинной лестнице Эр'рил спустился с площадки для наблюдения за небесными светилами в книгохранилище. На плече у него висела сумка, набитая книгами, в руке он сжимал маленький светильник с коротким фитилем. Воин сбежал из библиотеки, из нагромождения книжных полок и шкафов, ища уединения в тиши обсерватории. Здесь, среди старинных медных астролябий и отшлифованных линз, необходимых для наблюдения за звездами, он углубился в изучение древних сочинений. Однако его старания не были вознаграждены должным образом – ни в одной книге, ни в одном свитке он не нашел упоминаний о вратах Вейра. Разве что неясные сведения о самом Вейре, больше похожие на легенду.

Ну и что с того? Эр'рил не считал себя ученым. Он неплохо разбирался в оружии, в лошадях, еще в кое-каких мелочах. Но подводить Элену не хотелось. Воин видел решительный блеск в ее глазах, когда речь зашла о беде, в которую угодили Мисилл и ее спутники. Новые врата Вейра где-то на севере, неподалеку от замка Мрил... Почему именно там? Желая помочь Элене, он отправился искать нужные сведения на пыльных полках книгохранилища, но нашел лишь новые загадки.

Вейр.

В единственном источнике упоминалась сила стихий, присущая всему земному. Древний философ полагал, что ни одна стихия не может существовать без своей противоположности. У каждого явления есть две стороны, зеркально отражающие друг друга. Солнце и Луна. Огонь и Лед. Свет и Тьма. Даже два сверхъестественных духа, Чи и Чо, являются в какой-то степени противоположностями: мужское и женское начало. Такое двуначалие помогает поддерживать мировое равновесие. В книге допускалась возможность существования силы, противоположной силе земли. Магия стихий включает в себе все естественные, природные явления, а ее «зеркало» – противоестественно, чуждо земному миру. Ученый называл эту вымышленную магию Вейром.

Сходя с лестницы, Эр'рил содрогнулся. Его личный опыт подсказывал: Вейр – вовсе не выдумка. Когда-то воина втянула в себя черная статуя виверна – одни из врат Вейра. Правда, он ничего не помнил из этого приключения – разум загнал воспоминания в самый отдаленный уголок памяти и огородил их непроницаемой стеной. Эр'рил не противился, поскольку подзревал: если потайная кладовка памяти однажды распахнется, то его земному существованию придет конец.

Он прошел вдоль стеллажей книгохранилища и взгромоздил сумку с книгами и светильник на стол перед одетым в белое братом, который вызвался помочь ему в поисках сведений о Вейре.

Пожилой ученый глянул на воина поверх очков, сползших на кончик носа.

– Хоть что-нибудь пригодились?

– Не уверен, брат Рин. Мне нужно основательно обдумать прочитанное.

– Только так можно обрести мудрость, – кивнул бритоголовый брат и вернулся к развернутому на столе свитку. – Я вместе с другими учеными продолжу исследования. Отберем рукописи, откуда вы сможете почерпнуть что-либо ценное.

– Благодарю, брат Рин.

Эр'рил поклонился и повернулся к выходу, но ученый вновь заговорил:

– Эти врата Вейра... вы описывали их как естественные ловушки магии. И они способны втягивать в себя не одну лишь магию, но и людей, ею владеющих. Правильно?

– Так мне объяснил темный чародей Грэшим.

– Хм... Но с другой стороны, Вейр является источником магии Темного Властелина?

– Да, – согласился Эр’рил. Эту тайну ему удалось вытянуть из Грэшима во время их последней встречи.

– А эти врата являются единственным путем, через который можно получить доступ к Вейру?

– По-моему, Грэшим был уверен, что да. Он поведал, что четыре статуи из эбенового камня каким-то образом связаны и создают проход к Вейру.

Брат Рин посмотрел на Эр’рила, сняв очки. Глаза его, выдающие почтенный возраст, сияли задором молодого человека.

– Тогда, мне кажется, стоит разыскать все четверо врат, прежде чем начинать открытую схватку с Темным Властелином.

Эр’рил задумался. Предложение старика казалось простым и понятным, но невыполнимым. Он вспомнил, как слетали врата виверна с верхушки башни. А после его брат Шоркан вернул их и установил в Блэкхолле. Что же касается остальных трех, то никто не знал, где они находятся, да и разыщи их кто-нибудь – сумел бы этот смельчак найти способ уничтожить изваяния чудовищных существ?

– Знания – вот правильный ответ, Эр’рил из Станди, – как будто прочитав мысли воина равнин, пробормотал ученый и снова погрузился в чтение.

Кивнув, Эр’рил повернулся к дверям, но у брата Рина нашлось еще одно напутственное слово.

– Просто вы нуждаетесь в ключе.

– Что за ключ? – спросил воин, не оборачиваясь.

– Я размышлял две недели и понял, что в этой головоломке отсутствует одно звено. Разыщите его, и путь откроется сам собой.

– Какое звено? Что вы имеете в виду?

– Связующее звено. Нечто, объединяющее врата, Вейр и источник могущества Темного Властелина в единое целое. Мы рассматриваем все это по отдельности, в то время как совокупность явлений остается непознанной. Найдите последнее звено, и все сразу прояснится.

– Это легче сказать, чем сделать, брат Рин.

– Так же, как и обрести мудрость, – вздохнул пожилой ученый и отпустил собеседника, словно школяра. – Луна восходит. Идите к ведьме...

Эр’рил поклонился в последний раз и шагнул за порог. Его ладонь легла на рукоять меча. Слишком много загадок за один вечер. Пришла пора стать верным вассалом. Элене предстоит трудная ночь, и он будет рядом с ней, когда ведьма откроет Кровавый Дневник.

Отринув сомнения, Эр’рил проходил через залы, поднимался по лестницам замка, направляясь к западной башне, известной как Кинжал Ведьмы. Он перешагивал через две ступеньки, приближаясь к комнате, где отдыхала Элена.

Но, шагая, воин почувствовал боль в левой ноге. Когда-то давно, защищая Элену, он получил удар отравленным клинком от каменного гоблина. Теперь зажившая рана напомнила о себе. На полпути к башне Эр’рил пошел медленнее, чтобы не хромать.

Именно в такие мгновения воин чувствовал, что смертен. Вместе с магической книгой он передал дар бессмертия Элене. Заклятие покинуло его тело. Теперь Эр’рил ждал, когда же его волосы поседеют, руки и ноги высохнут, разболются суставы. Вопреки ожиданиям, он старел с той же скоростью, что и все люди, то есть незаметно для окружающих. Пожалуй, пройдет еще много зим, прежде чем он превратится в старика. Но сейчас, почувствовав ноющую боль от старой раны, он понял, что время ускорилося. Глубоко вздохнув, Эр’рил продолжил путь, но, достигнув верхушки лестницы, уже сжимал зубы, чтобы перетерпеть боль. Ему едва удалось скрыть хромоту от стражников, застывших по сторонам дубовых, окованных железом дверей.

Завидев его, воины приосанились, расправили плечи.

– Как самочувствие Элены? – спросил он.

– Старая целительница с ней, – ответил тот, что стоял справа. – Она дала ведьме выпить отвар сон-травы, чтобы та поспала до восхода луны.

Эр’рил кивнул и приблизился к двери.

Левый охранник тихо постучал, а потом открыл створку.

Комната тонула в полумраке. Несколько толстых свечей белого воска горели на каминной полке, в очаге багровели угли. Немного света проникало через окна – за ними в ночном небе ярко сияли звезды и виднелся край луны, поднимающейся из-за моря.

Негромкое покашливание донеслось из уютного кресла около камина, и Эр’рил обернулся на звук. Старуха, одетая во все темное, с седой косой, обернутой вокруг головы, такая же скромная, как и ее наряд, мягко улыбнулась и поправила лежащую на коленях книгу.

– Елена отдыхает в дальней комнате, – прошептала Мама Фреда. – Я намеревалась разбудить ее, когда выйдет луна.

– Она уже выглянула, но пускай девочка поспит еще чуть-чуть. А луна тем временем поднимется повыше. У Элены впереди непростая ночь и трудное утро.

– Да, я слышала. Судьба Аласеи зависит от ее решения. – Старуха улыбнулась, как будто сказала что-то очень радостное. – Слишком хрупкие плечи, чтобы взвалить на них ответственность за весь мир.

– Она справится, – серьезно ответил Эр’рил.

Губы знахарки дрогнули.

– Пока ты с ней, я спокойна.

Воин почувствовал себя несколько неуютно в присутствии старухи.

– Елена сильная, – твердо сказал он, чтобы положить конец разговору.

Мама Фреда зашевелилась, поуютнее устраиваясь в подушках, а на ее плече, протестуя, запищал небольшой зверек – Тикал, златогривый тамринк из ее родных джунглей. Его хвост – кольцо черного меха, кольцо рыжего – обвивал шею женщины, а на крошечной мордашке, выглядывавшей из буйной золотистой поросли, сверкали два больших черных глаза.

– Елена сильная... сильная... – заверещал зверек, подражая Эр’рилу.

Знахарка погладила тамринка и почесала его за ухом, успокаивая. Тикал был одновременно другом и глазами Мама Фреды. Родившись слепой, она прочно привязалась к зверьку и смотрела на мир его глазами. А сейчас его внимание приковал Эр’рил.

– Сильная, говоришь? – язвительно переспросила целительница. – Ты не помогал укладывать девушку в постель и не вливал в нее вдвое больше сонного отвара, чем обычно, чтобы заставить ее заснуть. На ее плечах очень большое бремя.

– Я знаю...

– Неужели? А ты не думал, что ей нужна настоящая поддержка? И что пара-тройка одобрительных слов или кивок не помогут облегчить ее ношу?

Эр’рил попятился, услышав обвинение. Сказать по правде, после танца на крыше башни он старался держаться от Элены подальше. К чему обнажать душу? Ведьме и без того достаточно тяжело.

– А ты знаешь, что завтра у Элены день рождения? – спросила Мама Фреда.

– Что? – хриплым от удивления голосом воскликнул Эр’рил.

– Да-да... – кивнула знахарка. – Мне сказал ее брат.

– Но почему она сама...

– Потому что хочет быть сильной. – Целительница поднялась с кресла. – Ведьмы не празднуют день рождения с пирогами и поздравлениями. – Она обошла Эр’рила. – Пойдем. Пора ее будить.

Воину пришлось заставить свои ноги сдвинуться с места. Он чувствовал себя полным болваном. Прожить пятьсот лет и так и не научиться понимать женщин. Вздохнув, он последовал за старухой.

Когда речь заходит о женщинах, бледнеет даже загадка врат Вейра.

Элена проснулась, услышав голоса в гостиной. Хоть она и не могла различить слов, но узнала чудной выговор Мама Фреды и слегка невнятное стандийское наречие Эр'рила. Девушка открыла глаза и потянулась. Вспомнив сон – родной дом, пение мамы, стряпающей обед, смех отца, возвращающегося после работы в саду, – она крепко зажмурилась. Как же ей не хотелось возвращаться в реальный мир, полный кровавой магии и полчищ демонов.

Но голоса приблизились, и пришлось открыть глаза. В спальне не было окон, поэтому девушка не знала, сколько времени прошло. Но раз Эр'рил здесь, значит, луна уже высоко. Скорее всего, он явился, чтобы разбудить ее.

Она рывком приподнялась. Несмотря на темноту, в углу ясно виделась подставка из таузианского мрамора, а на ней – потрепанная черная книга в позолоченной обложке с гравировкой – кроваво-красной розой.

Кровавый Дневник. Талисман Элены. Ее законное наследство и тяжелое бремя.

От золотой обложки струился голубоватый свет, напоминающий лунное сияние. Небесное светило тянулось к книге. Элена знала, что, когда полная луна окажется в зените, сияние сменится внутренним жаром. Тогда открытая книга соединит ее со звездами.

Осторожный стук в двери возвестил, что к ней пришли. Элена села.

– Войдите!

Скрипнула дверь.

– Как спалось? – спросила Мама Фреда.

– Спасибо, хорошо.

– Вот и чудесно, вот и замечательно...

Войдя, целительница поставила на ночной столик зажженную свечу. Следом за Мамой Фредой в комнату шагнул Эр'рил.

Взглянув на воина равнин, Элена сразу заметила, что он бережет правую ногу и слегка морщится, когда приходится на нее наступать. Значит, рана от гоблинского клинка все еще беспокоит его, хотя верный вассал умело скрывает это. А еще она увидела, что Эр'рил сменил изысканный наряд, приличный в большом совете, на обычную стандийскую одежду – черные сапоги, потертые коричневые штаны и кожаную зеленоватую безрукавку поверх домотканой рубахи. Черные как вороново крыло волосы он скрепил красной ленточкой.

Почему-то его привычная одежда растрогала Элену. Это был тот Эр'рил, которого она давно знала и на которого всегда могла положиться.

Девушка откинула покрывало, выскользнув из постели как была – в ночной рубашке. Ветерок, пронесшийся по спальне, заставил свечу вспыхнуть ярче. Мельком увидев себя в зеркале, висевшем над умывальником, Элена в который раз испытала потрясение. Что это за незнакомая женщина отражается в стекле? Она прикоснулась к лицу, тряхнула разметавшимися по плечам огненно-рыжими локонами. Ее глаза, по-юному ярко-зеленые, в свете свечи отливали золотом. Заклинание, перебросившее ее на борт «Морского стрижа», отняло у девушки четыре года, вызвав преждевременное взросление. Элена провела ладонью от шеи вниз, обводя округлости своего нового тела, которое иногда ей нравилось, но чаще все-таки удивляло.

– Луна почти взошла, – промолвил Эр'рил. – Нам пора готовиться.

– Пойдем прямо в башню, – кивнула ведьма, натягивая через голову теплое шерстяное платье прямо поверх ночной рубашки и засовывая ноги в меховые туфли.

Одевшись, она приблизилась к Кровавому Дневнику и сняла его с подставки. За время их разговора обложка стала светиться сильнее. На мгновение девушка заколебалась, прежде чем прикоснуться к книге. До сегодняшней ночи она не наблюдала ничего подобного. Мир

менялся, и она ощущала это. Но пути назад не было. Глубоко вздохнув, ведьма взяла книгу рубиново-алыми руками и повернулась к Эр'рилу.

– Я готова.

– Тогда пойдем.

Воин первым покинул спальню. В гостиной он подошел к одной из стен и откинул ковер, скрывавший потайную дверку, ведущую на крышу башни. Они поднялись по лестнице: Эр'рил впереди, Мама Фреда сзади, а Елена посередине. Сверху тянуло ночной прохладой. Уже через три лестничных пролета свежий бриз начал забираться за ворот платья. Елена поплотнее запахнула одежду и прижала книгу к груди.

Зверек знахарки заверещал от холода и сильнее прижался к хозяйке.

– Ты достаточно тепло одета, деточка? – заботливо спросила Мама Фреда, освещая путь фонарем.

– Да, но я чувствую, что зима уже близко.

– Мы можем найти комнату ниже этажом, – заметил Эр'рил. – Книгу можно открыть где угодно.

– Нет. – Елена покачала головой и приблизилась к парапету. Круглая луна ярко сияла над морской гладью. – Я хочу открыть ее здесь, пред ликом светила.

Она опустила Кровавый Дневник на камень. Роза на обложке горела огнем.

Не желая мешать Элене, Мама Фреда и Эр'рил отступили на пару шагов.

Девушка уже потянулась к обложке, когда ночную тишину разорвал трубный клич дракона. Первым побуждением Элены было – спрятать книгу, но она узнала голос Рагнар'ка.

Ведьма настороженно вгляделась в темноту. Ее спутники замерли рядом.

– Что-то случилось, – пробормотал Эр'рил, напряженно рассматривая ночной А'лоа Глен.

Внезапно черная крылатая тень промелькнула на фоне луны, устремляясь к ним.

Мама Фреда повыше подняла фонарь, а Тикал пронзительно заверещал:

– Большая птица... Большая, большая птица...

Дракон пронесся над шпилями и крышами А'лоа Глена, будто мотылек, стремящийся на свет. Поравнявшись с башней, он завалился на одно крыло и начал описывать круги в воздухе. Всадник, оседлавший дракона, что-то кричал, но его голос терялся из-за большого расстояния. Эр'рил помахал рукой, призывая Рагнар'ка садиться.

С ревом, хлопая огромными перепончатыми крыльями, дракон подлетел к дальнему краю площадки. Серебряные когти глубоко врезались в гранитный парапет. Черные глаза, отражающие свет звезд и луны, глядели изучающе и холодно.

На спине дракона сидели двое, и Елена узнала их: Мерик и Сай-вен.

Принц-эльв'ин соскользнул с чешуйчатой спины и, покачнувшись, легким танцевальным движением восстановил равновесие. Казалось, он и не замечал пропасти позади. Что такое высота для существа, сотканного из ветра и воздуха? Мерик спрыгнул с парапета, подбежал к трем людям и опустился на одно колено перед Эленой.

– Принцесса крови, – тяжело дыша, произнес он.

Щеки Элены вспыхнули, несмотря на прохладу.

– Встань, Мерик! Довольно этой ерунды. Что за срочное дело привело вас ко мне? – Она указала на дракона и Сай-вен.

Принц взмахнул рукой, все еще тяжело дыша.

Сай-вен тихонько соскользнула с шеи Рагнар'ка и спустилась на камни по его чешуйчатому боку. Мер'ай потрепала дракона по морде и на миг прижалась лбом к его щеке, очевидно мысленно общаясь с огромным зверем. Елена обратила внимание на печальную улыбку Сай-вен, когда та отошла в сторону.

Чешуя, когти, крылья взметнулись черным смерчем, из которого на гранитный парапет вывалился обнаженный человек. Каст. Елена отвела взгляд, дожидаясь, когда Сай-вен подаст ему узелок с одеждой.

Мерик наконец-то отдышался. Все еще стоя на коленях, он снял с плеча сумку и открыл ее, извлекая лютню. Отшлифованное дерево, красно-коричневое с золотым отливом, сияло в свете звезд. Елена узнала инструмент, и спазм горького сожаления сжал ей горло.

Лютня Ни'лан.

– Что произошло, элв'ин? – строже, чем следовало, спросила девушка.

Мерик поднялся на ноги, мрачно кивнув Эр'рилу.

– У меня для тебя новости, – сказал он. – Сообщение от... О, Добрая Матушка, понимаю, что это звучит почти безумно...

Ведьма мягко прикоснулась к руке принца.

– От кого сообщение?

– От Ни'лан. – Яркие синие глаза Мерика встретили пристальный взгляд Элены.

Девушка отдернула руку, задышав, будто от удара.

– Но это невозможно, – заметил Эр'рил.

– Вы думаете, я не удивился? – Элв'ин оглядел окружающих его людей.

К этому времени Каст и Сай-вен присоединились к остальным. Кровавый наездник хрипло проговорил:

– Элв'ин ничего не выдумал. Мы все это слышали. Струны лютни говорили с нами.

– О чем вы? – Эр'рил нахмурился.

Мерик коротко пересказал, что случилось на борту «Бледного жеребца».

– Я узнал ее голос, – закончил он. – Она требует, чтобы я принес лютню в Западные Пределы. Леса под угрозой.

– Но она же мертва.

– Может быть. А может быть, и нет, – рассудительно произнес Мерик. – Ни'лан – нифай. Она – существо корней и земли. В ней еще меньше человеческого, чем во мне.

Эр'рил открыл рот, чтобы возразить, но Елена жестом остановила его:

– Живая или нет, о какой угрозе она говорила?

Ведьма вспомнила срочное сообщение, принесенное шаманом-зу'улом. Опасность из Западных Пределов. Врата Вейра.

Мерик покачал головой, глядя в сторону.

– Не знаю точно. Какая-то угроза лесу. – Он пожал плечами. – Ее последние слова, на мой взгляд, вообще лишены всякого смысла. Но она торопила и настаивала на своем. – Принц посмотрел прямо в глаза ведьмы. – Уничтожьте врата, или все будет потеряно!

Потрясенная Елена повернулась к Эр'рилу. Оба молчали, но поняли друг дружку без слов. Врата Вейра. Второе предупреждение за один день.

– Мы не можем пропустить это мимо ушей... – прошептала Елена.

Воин слегка кивнул, но окончательное решение оставил за ней.

– Я прошу твоего позволения взять один из кораблей элв'инов, – проговорил Мерик. – Я разыщу Ни'лан или ее дух. И верну лютню хозяйке.

После недолгого колебания Елена посмотрела на Эр'рила, но заговорила с Мериком:

– Это не первое предупреждение о надвигающейся с запада опасности, которое мы услышали. – Она тронула локоть воина Станди. – Расскажи Мерiku о сообщении мудреца из племени зу'улов.

Эр'рил не стал возражать и вкратце поведал элв'ину о встрече с темнокожим шаманом и призыве лорда Тайруса.

– Мисилл и ее сподвижники отправились в замок Мрил, – продолжила Елена, когда он закончил. – Если ты, Мерик, решил лететь на запад, я бы советовала взять с собой зу'ула.

Его способности воспринимать мысли на расстоянии могут пригодиться. Мне кажется, оба сообщения говорят об одном и том же. Где-то там спрятаны врата Вейра, которые несут угрозу всем нам. И они должны быть разрушены.

– Мы кое-что упустили, – вмешался Эр’рил.

Все посмотрели на воина равнин.

– Что же? – спросила ведьма.

– Ни’лан просила уничтожить все врата, а не только эти. Вот их перечень: виверн, василиск, гриффин, мантикора. А еще раньше кое-кто просил меня о том же самом. Четверо врат – путь к Вейру, средоточию могущества Черного Сердца. Разрушив врата, мы лишим его силы.

Элена крепче сжала Кровавый Дневник. Неужели именно это – искомый ответ? Да, а возможно – и очередной шаг в противостоянии с Гал’готой.

Каст опередил ее, задав мучивший девушку вопрос:

– А как мы найдем остальные?

– Не знаю, – признался Эр’рил. – Шоркан перенес виверна в Черный Зал Гал’готы. Но остальные могут быть где угодно.

– А при чем тут Западные Пределы? Зачем прятать врата Вейра там? – вслух рассуждала Элена. – Эр’рил, ты искал ответ в замковой библиотеке. И что нашел?

– Брат Рин и другие ученые продолжают поиски, – угрюмо вздохнул воин.

Девушка подошла к парапету, положила на камень Кровавый Дневник.

– Эта книга поможет найти ответ. – Она глянула на взошедшую над башней луну, ярко сияющую в ночном небе. – Пришла пора узнать верный путь.

Прежде чем кто-либо успел возразить, девушка, победив собственные сомнения, открыла книгу. Столб света ударил в ночное небо с пожелтевших страниц, разлетаясь роем светлячков. Послышался перезвон хрустальных колокольчиков, подхваченный свежим бризом.

Затаив дыхание, Элена заглянула в Кровавый Дневник. Вместо чистых пергаментных страниц перед ней раскрылось окно в звездное небо. Она будто бы смотрела в зеркало, отражающее окружающий мир. Но, приглядевшись, девушка поняла: эти небеса – не ее Вселенная. Туманные облака, сияющие всеми оттенками радуги, плыли среди густой россыпи звезд. Удивительные ледяные луны, холодные и бесстрастные, кружили меж ними. Элена ощутила внутри книги пустоту, в которую так легко провалиться и навеки затеряться среди страниц.

Но этот путь был предназначен не ей. Из бездны возник призрачный силуэт, сотканный светом и сияющей силой, взмыл вверх со страниц и завис в ночной тьме.

Лица всех, кто собрался на крыше, озарял неясный свет. Над их головами призрак расправил руки и ноги, будто высеченные из лунного камня. Он потянулся, словно просыпаясь от долгого сна. А потом сгустился, обретая знакомый облик. Гостья посмотрела на луну, висящую в небе над Эленой, а потом спустилась на каменный пол башни.

Девушка знала образ этого духа так же хорошо, как свои пять пальцев. Уверенная в себе женщина, с тонкими, поджатыми губами и вздернутым носиком. Волосы заплетены в косы и спрятаны под чепец, чтобы выбившаяся прядь не съежилась от печного жара. Подобие во всем, вплоть до таких мелочей, как старый потрепанный передник.

– Тетушка Фила?

Призрак обратил на нее взгляд, и Элена тут же поняла, что ошиблась. Сходство оказалось обманом. В ледяных глазах сияли дальние звезды, древние солнца обжигали жарким прикосновением. Казалось, пустота книги вдруг обрела форму и вещественность. Но видение было не тетей Филой, а чем-то чужеродным, принявшим ее облик, но никогда не жившим под обычным небом.

– Чо? – прошептала девушка, называя по имени духа, одного из начал чародейства и могущества, силы и света, сущности, которая передала Элене магию крови.

Фигура словно и не заметила ее, внимательно изучая собравшихся на крыше башни. Никто из них не проронил ни слова, но никто и не помыслил об отступлении.

Временная передышка позволила Элене собраться и обрести дар речи.

– Луна вновь взошла. Я прошу тебя поделиться своей мудростью. Мы ждем совета.

Холодные глаза посмотрели на ведьму.

– Сейчас я говорю. – Простые слова были наполнены ледяной пустотой и безвременьем.

Призрачная фигура оглядела свои руки из лунного камня и приподняла голову. – Я поменялась с той, что носит имя Филадельфия, с той, кто установил духовную связь с вашим миром, с той, что поведала мне о ваших землях.

– Тогда ты знаешь наши горести. – Элена выпрямилась. – Великое зло поселилось здесь. Мы ищем способ остановить его, и нам тяжело без помощи Чи.

– Чи... – На миг лицо призрака смягчилось, голос потеплел. – Я ощущаю его во всем, что вокруг меня.

Элена опустила глаза. Она не понимала до конца отношений между Чи и Чо. Они являлись противоположностями, но вместе с тем одним целым, как брат и сестра или как жена и муж. Но их объединяла не родственная связь, а нечто большее. Что-то изначальное, как солнце и луну.

– Мы хотим спросить, – решила Элена, – где может находиться твой... твой...

Она замялась, не находя верного слова. Кем мог быть Чи?

Чо, должно быть, прочитала ее мысли. Тепло все еще слышалось в голосе призрака.

– Брат... Называй его моим братом.

Их взгляды встретились. Элена ощутила краткую вспышку печали в глазах чужой сущности. Хотя Чо и парила среди звезд, непохожая на любого земного обитателя, но эту боль не спутаешь ни с чем: горечь и печаль потери. Элена пережила это на улицах Уинтерфелла, когда чудовища похитили ее брата Джоака. И хотя они с Чо были слишком разными, девушка понимала ее горе, потому что испытала такое же.

– Много ученых и мудрых людей ищут твоего брата, – попыталась утешить призрака Элена. – И мы непременно найдем его. Но в этот мир прокралось зло, которое связывает наши силы, не позволяет действовать открыто. Только покончив с ним, мы сможем вплотную заняться поиском...

– Постой! – Голос сущности снова стал ледяным. – Зло не так важно! Отыщи Чи!

– Мы стараемся, но...

– Нет! Я чувствую страдания своего брата. Оно грызет меня изнутри, взывает ко мне. – Фигура из лунного камня источала холод, плиты парапета подернулись инеем. – Чи необходимо найти! И как можно скорее!

Гранит, не выдержав холода, пошел трещинами, которые расползались, словно паутина, от ног Чо. Элена услышала, как Эррил сделал шаг, готовый подхватить ее в случае опасности и унести подальше, но не собиралась так просто сдаваться.

– Я понимаю твою боль, Чо, – спокойно произнесла она. – Но твою просьбу выполнить нелегко. У нас нет ни малейшего представления, где его искать. А если начнем тыкаться вслепую, то зло будет мешать нам на каждом шагу. Мы не можем им пренебрегать. – Элена твердо смотрела в пустоту, открывшуюся в глазах духа. Сеточка трещин приближалась к ее ногам. – Мы стараемся изо всех сил. – Ледяная магия достигла пальцев ног Элены, но она стояла, не шелохнувшись, чувствуя, как лопаются камни. – Пока что это все, что мы можем сделать.

Плечи призрака поникли. Воцарилась гнетущая тишина. Потом светящаяся фигура заговорила, и из ее голоса исчез лед.

– Он нуждается во мне, – прошептала Чо. Из ее глаз потекли слезы, как у обычного человека. – Его страдания мучают меня сильнее, чем мои собственные.

Осторожно ступая по щебню, в который превратился камень, Элена подошла к призраку.

– Разделенная боль способна облегчить сердце, – проговорила она, протянув алую руку к фигуре и с удивлением ощутив под пальцами материю. Ведьма легко коснулась такого знакомого и вместе с тем такого чужого лица. – Мы пришли сюда ради тебя. Ты дала мне силу бороться за свободу моей земли. Мы обязаны тебе нашими жизнями и нашей свободой. И не подведем тебя.

Чо вздрогнула от ее прикосновения. Элене казалось, будто она трогает ледяную глыбу, но девушка не отступила, а, напротив, заставила магию перетекать из сердца в пальцы. Рубиновый жар медленно нарастал, стремясь согреть холодную щеку призрака.

– Я не подведу тебя, Чо. Клянусь. Мы найдем твоего брата.

На лунных губах промелькнула первая грустная улыбка.

– Та, кого прежде звали Филой, много рассказывала о тебе, Элена. И мне кажется, она не ошибалась. – Призрачная фигура выпрямилась и отстранилась, ее глаза смотрели отрешенно. – Она желает поговорить с тобой.

– Тетя Филя?

Чо кивнула.

– Но я выслушала тебя, Элена. Я дам тебе указания. Борись со злом так, как считаешь нужным, ведь ты чувствуешь мою боль, как свою. И разыщи моего брата.

– Обещаю, – поклонилась ведьма.

Хотя призрачная сущность оставалась на месте, ее голос отдалялся, будто проваливаясь в бездонную пропасть.

– Я дам тебе силу, Элена. И магию, не виданную до сих пор.

Что имела в виду Чо? Элена посмотрела на свои руки. Магия, не виданная до сих пор? Пальцы ведьмы дрожали, будто в руках у нее был Кровавый Дневник.

И вновь на крыше башни зазвучал голос. Но теперь он обволакивал и согревал, будто дружеское объятие в холодный день.

– Элена, дитя мое, похоже, ты стала взрослой, если судить по телу, в которое ты заключена.

Девушка удивленно встрепенулась. Все признаки пустоты исчезли. Та, что раньше выглядела изваянием из лунного камня, теперь наполнилась теплом родного дома. Элена не смогла сдержать слез.

– Тетушка Филя!

– Вытри слезинки, дитя мое, – приказала тетя, но сквозь напускную строгость просвечивали любовь и нежность. Пустые ранее глаза сияли участием и заботой. – Ты хорошо отдохнула со времени нашей последней беседы?

– Да, тетя Филя, – заверила Элена, но поджатые губы призрака показывали, что тетюшка ей не поверила. Тогда она быстро добавила: – Мы готовы к войне. После захвата острова все ждут от нас следующего шага.

– И что вы решили?

Боковым зрением девушка увидела, что Эр'рил подошел к ней.

– Пока что дальнейшее обсуждений дело не пошло, – брюзгливо произнес воин равнин.

– Ох, эти мне мужчины... – пробормотала Филя. – Их языки всегда смелее, чем руки.

Эр'рил не заметил упрека.

– Элена хорошенько их расшевелила. Она пообещала представить утром план, который надлежит не обсуждать, а беспрекословно выполнять.

– Я хотела услышать твой совет, прежде чем принять окончательное решение, – быстро добавила девушка. – Мне показалось, Чо хочет, чтобы мы прекратили борьбу с Гал'готой и все силы бросили на поиски ее брата. Но если мы оставим в покое Темного Властелина, все будет потеряно.

– Я согласна с тобой, – ответила тетя Филя. – Но иногда бывает, что две задачи сливаются в одну.

Элена задумчиво кивнула. Не так давно она сама говорила об этом Мерику.

– Но мы ничего не знаем о Чи. Все, что нам известно, – его дух исчез из этого мира пять столетий тому назад, когда пала Аласея.

– Он не исчез, – решительно возразила тетюшка. – Сейчас мой дух смешан с сущностью Чо. Я чувствую то же, что и она. И я слышу голос ее брата-двойника. Его крики эхом доносятся ко мне сквозь пустоту. Он здесь.

– Но где? – вмешался Эр’рил. – Как нам его увидеть?

Филя задумалась.

– Я пытаюсь проследить, откуда доносится крик Чи, но безуспешно. Все, что я чувствую, – это вспышки боли и разрозненные кусочки кошмаров. Странные животные нападают на Чи и терзают его. Они будто составлены из кусочков других зверей. Львиная голова на теле орла... Огр с хвостом скорпиона... – Она покачала головой. – Нет, все это только страшные сны...

Эр’рил шагнул вперед, едва не споткнувшись.

– Голова льва на орлином теле? Крылатый лев? – Он оглянулся на Элену. – Гриффин!

Девушка охнула, широко раскрыв глаза.

Воин повернулся к лунному существу.

– Нет ли среди этих чудовищ крупной черной птицы – крылатого ящера с крючковатым клювом?

Филя нахмурилась.

– Д-да... Это одна из злобных тварей, мучающих Чи в его снах.

– Добрая Матушка! – Эр’рил схватился за голову. – Это никакой не сон! Ответ был все время передо мною.

– Как?! – одновременно выкрикнули Филя и Элена.

– Слова темного мага Грэшима. – Эр’рил опустил руки и повернулся, чтобы видеть обоих. – Он рассказывал мне о природе черных врат.

– Что за ворота? О чем ты говоришь? – удивилась тетя Филя.

– Врата Вейра, – пояснила ведьма. – Путь к источнику силы. – Она кивнула Эр’рилу, чтобы тот объяснил.

– Темный Властелин, – послушно заговорил воин, – создал при помощи каменотесов д’варфов четыре чудовищных талисмана. Их окропили кровью и наделили способностью притягивать магию. Они могли втянуть в себя и человека, наделенного магическими силами, неважно, желал он того или нет. И вот однажды, как растолковал мне Грэшим, нечто странное провалилось в одни из врат. Слишком могучее, чтобы быть поглощенным одной статуей. Оно равномерно распределилось по всем четырем каменным изваяниям, соединив их, но попав, таким образом, в ловушку. И возник Вейр – источник силы Темного Властелина. – Эр’рил зажмурился, страдание исказило его лицо. – Только сейчас я все понял. Чи исчез из Аласеи, а сила Гал’готы возросла. Как же мы были слепы!

– О чем ты? – насторожилась Элена.

– Вейр – это Чи. – В глазах воина плескался ужас. – Он провалился во врата и оказался в ловушке. Теперь Темный Властелин сосет силу из Чи, будто мерзкая пиявка.

– Черная магия Темного Властелина – это сила Чи? – Девушка почувствовала, что ноги не держат ее.

– Да... – Эр’рил не мог скрыть отчаяние в голосе.

Ошарашенная, лишившись дара речи от удивления, Элена отступила от парапета, сжимая в руках Кровавый Дневник. Вглядываясь в бесконечную пустоту страниц, она почти ощущала тяжелую поступь предназначения.

– Теперь я знаю, что мы должны сделать, – пробормотала она.

Эр’рил приблизился к ней. Ведьма твердо встретила его тяжелый взгляд, равно как и взгляды всех остальных. Они казались пушинками по сравнению с весом судьбы, свивающей узор вокруг книги в ее руках.

– Кажется, две задачи в самом деле стали одной. Чтобы победить Темного Властелина, нужно спасти Чи.

– Но как мы это сделаем, Елена?! – задал Эр’рил вопрос, мучивший всех.

– Выполним просьбу Ни’лан, – ответила ведьма, обращая лицо к луне. – Разыщем и уничтожим эти проклятые врата. – Она посмотрела на Эр’рила. – Все врата!

Во внутреннем дворе у подножия башни скорчилась закутанная в плащ фигура. Ее очертания терялись в переплетении других теней среди груд битого камня и перекрученного железа. С самой полуночи она терпеливо ждала: наблюдала за вспышками огней на вершине ведьминой башни, видела, как прилетевший дракон сел на парапет и исчез. Но темная фигура не шелохнулась. Даже когда яркое лунное сияние угасло, она все еще неподвижно сидела в надежном укрытии. Терпению научил ее наставник. Тот, кто постиг искусство игры со смертью, знает – победа таится в тишине между схватками. Так прошла ночь.

Капли утренней росы скопились в складках темно-зеленого плаща. На запястье руки, упиравшейся в землю, взобрался сверчок. Неотрывно следя за верхушкой башни, тень чувствовала щекочущие кожу маленькие коготки, а потом услышала негромкий стрекот. Рассветная мелодия. Вот и пришла пора. Плавным движением она поднялась на ноги, будто остановилась лишь ненадолго, полюбоваться цветами в саду. Настолько мягко, что сверчок оставался сидеть на ее руке, напевая прощальную песню уходящей ночи.

Поднеся ладонь к губам, она сдула ничего не подозревающее насекомое. Ах, если бы ее сегодняшняя добыча оказалась бы такой же доверчивой.

Стремительно рванувшись из укрытия между кучами щебня, она пересекла внутренний двор. Ни один следопыт не смог бы обнаружить, где она прошла, поскольку наставники учили ее мчаться по пустыне, не потревожив ни единой песчинки. Главный вход в замок охранялся – сквозь витражи виднелись спины стражников. Это двери для званных гостей.

На бегу она дернула кистью – с пальцев сорвалась крепкая и тонкая веревка, свитая из паутины, и полетела к зарешеченному окну третьего этажа. Крюк с тремя жалами, привязанный к концу бечевы, зацепился за прутья. Не останавливаясь, тень дернула веревку, затягивая петлю, и взлетела по стене, перебирая руками и отталкиваясь ногами от кладки. Древний камень испещряли трещины и выбоины, так что путь вверх оказался легким, словно подъем по лестнице.

До оконной решетки тень добралась, даже не вспотев. Из кармана плаща появился пузырек с черным огнем. Она смазала зельем кованые прутья – сверху и снизу. Резкий запах горящего железа ударил в ноздри, но черный огонь не давал света. Не привлекать ничьих глаз – один из первых уроков, который усваивали ученики.

Выждав положенное время, тень вцепилась в решетку и дернула. Зелье черного огня прекрасно справилось с железом. Очень осторожно она сложила прутья на гранитный подоконник. Если просто швырнуть их вниз, то звон обязательно кто-нибудь услышит, рисковать нельзя.

Щелчок – и в руке тени возникло тонкое стальное лезвие, которым, просунув его в щель между оконными створками, она откинула щеколду. Легкий толчок – ржавые петли откликнулись визгливым скрипом. Поморщившись, тень вытащила из потайного кармана маленькую бутылочку и капнула маслом на каждую петлю.

Убедившись, что шума больше не будет, она приоткрыла окно на ширину пальца и, пользуясь отшлифованным лезвием кинжала, словно зеркалом, заглянула в зал. Никого. Не медля,

она перекувырнулась и оказалась внутри. Встала на ноги и растворилась в тени, затратив на все считанные мгновения.

Затем она помчалась дальше через короткий коридор и по двум лестницам, не оставляя отпечатков в пыли. И очень быстро достигла своей цели – входа в зал совета. Присев на корточки, тень несколькими движениями тонкой отмычки открыла замок. Дверь отворилась ровно настолько, чтобы позволить гибкому телу проскользнуть внутрь. По крайней мере, эти петли были смазаны хорошо.

Оказавшись внутри, она подбежала к длинному столу из прочной древесины, во главе которого стоял на возвышении трон с высокой спинкой, украшенной резными розами. Оказавшись рядом, она почувствовала – здесь сидела ведьма. По мере приближения к средоточию чародейского могущества ее шаги замедлялись. Казалось, будто ведьма смотрит прямо на нее. Разумом понимая, что это всего лишь игра воображения, тень не могла сдержать дрожь.

Поежившись, она на цыпочках прошла вдоль стола и достигла возвышения в дальнем его конце. Стоя спиной к трону, она откинула полу плаща и вытащила оружие – в полумраке зала блеснуло черное лезвие. Ее рука дрожала, но чуть-чуть, почти незаметно.

– Не торопи меня... – прошептала она в пустоту.

Но пути назад не было. Слишком долгий путь пройден, слишком много сил потрачено. Если есть хоть малейшая надежда закончить начатое, нужно ею воспользоваться.

Сжав черный кинжал двумя руками, она подняла его над головой, попросила прощения и вонзила острие в стол. Оружие вошло в твердое дерево, будто в теплое масло. Боль пронзила ладони, когда крестовина коснулась столешницы. Охнув, тень отдернула руки и спрятала их под плащ, пытаясь избавиться от неприятного ощущения.

А потом посмотрела на торчащую из стола рукоять – кинжал вонзился точно в середину отпечатка ладони, глубоко выжженного на столе. В след ладони ведьмы.

И тут темно-красная кровь хлынула из дерева, потекла по столу и ручейками пролилась на каменный пол. Но хуже всего было другое – пока она, обмирая, наблюдала за алой лужей, послышался слабый крик изумления и боли. Казалось, кричала сама кровь.

Сжав рукой горло, закутанная фигура устремилась прочь, бормоча:

– Что я натворила?

Она бежала обратно через лабиринты залов и коридоров, но даже там не могла скрыться от звенящего в ушах крика ведьмы.

«Великие боги, простите меня!»

Глава 3

Корчась на смятых простынях, Елена прижимала руку к груди. Ее ладонь горела огнем. Сквозь застывший сознание багровый туман боли она слышала яростный стук в двери спальни.

– Елена!

Она узнала голос Эр'рила.

Его крик помог ей сосредоточиться. Вытащив руку из-под покрывала, она ожидала увидеть на ладони кровоточащую рану. Но в сером свете занимающегося утра не видно было никаких повреждений. Боль медленно отступала, и Елена смогла соскочить с кровати и подойти к двери.

Стук не прекращался. От ударов Эр'рила доски содрогались.

– Елена! Ответь мне!

Трясущимися руками девушка откинула засов и распахнула дверь. За порогом стоял Эр'рил, взъерошенный и раскрасневшийся. Через его плечо она успела разглядеть скомканное одеяло на кресле у камина. Этой ночью воин равнин заснул у огня после того, как завершилось обсуждение судьбы Чи и врат Вейра. Мама Фреда уговорила Элену не будить Эр'рила.

– Ты не ранена? – спросил он прерывающимся голосом, сжимая в руке меч.

Боль отступала, и Елена смогла привести мысли в порядок.

– Со мной все хорошо, – ответила она, но скрыть дрожь в голосе не смогла.

– Что случилось? – цепко оглядывая ее с головы до пят, нахмурился Эр'рил.

Элена вспомнила, что одета лишь в тонкую льняную сорочку, и стремительно кинулась к одежному шкафу в поисках первого попавшегося платья.

– Не знаю. – Она просунула голову в ворот, пытаясь отыскать рукава. – Когда я проснулась, моя ладонь горела от боли.

Она высунула руку из манжета, показывая Эр'рилу ладонь, и задыхнулась, наконец-то разглядев ее сама. В свете факелов гостиной, озарявших теперь и ее спальню, она увидела изменение.

Воин шагнул ближе, сжал ее пальцы своими, внимательно осмотрел руку.

– Я не вижу раны, – он поднял глаза, – но где твоя Роза?

Девушка покачала головой. Ответа она не знала. Высвободив кисть из пальцев Эр'рила, она поднесла ее ближе к свету. Ладонь выглядела такой же бледной, как и предплечье, рубиновый оттенок исчез. И на ладони отсутствовал знак Розы.

Эр'рил внимательно оглядел спальню.

– Не понимаю, – прошептала Елена. – Я не колдовала. Не делала ничего, что могло бы истощить мою магическую силу.

Взглядом она пыталась заставить воина поверить ей.

– Не сомневаюсь. Если бы ты задействовала столько ведьмино огня, то пламя взметнулось бы выше башни. – Он глянул на занимающийся за окнами рассвет. – Но к тому времени, как солнце встанет, тебе лучше бы восстановить магию.

Элена кивнула, смущенная и встревоженная, прошла в гостиную к теплящимся углям камина и поднесла руки к умиротворяющему жару. Левая ладонь багровела, впитывая чародейскую силу, но правая оставалась молочно-белой. Что же произошло?

– Эр'рил, ты слышал о чем-то подобном? О волшебнике, внезапно лишившемся силы?

– Нет. – Он сунул меч в ножны и, проходя к камину, подобрал свалившееся на пол одеяло. – Даже после исчезновения Чи маги теряли силу не вдруг, а только когда растрачивали ее. – Эр'рил сложил одеяло. – Ничего подобного я раньше не видел.

Когда девушка повернулась, в ее глазах плескался страх.

– Хитрость Темного Властелина? Может, он нашел способ лишить меня силы?

– Не знаю. – Воин помрачнел. – Что бы там ни было, сегодняшнее происшествие выглядит весьма подозрительно. Уж не замыслил ли кто предательства?

Не успел он договорить, как в двери постучали. Бросив быстрый взгляд на Элену, Эр'рил снова обнажил клинок, прошептав:

– Стой позади меня.

Крадущимися шагами приблизился к двери и, не открывая, резко поинтересовался:

– Кто там?

– Это я – Джоак! Меня прислал гофмейстер замка. Он нашел нечто и хочет, чтобы Елена посмотрела.

Нахмурившись, Эр'рил вернул меч обратно и отодвинул тяжелый брус из обожженного дуба, служивший засовом. Елена стояла за его плечом.

Джоак был одет как обычно, но, вне всякого сомнения, собирался второпях – не заправил рубашку и криво застегнул штаны.

– Что случилось? – спросила девушка.

Джоак посмотрел на нее, потом на Эр'рила, приподнял бровь от удивления, увидев их вместе в такую рань. Елена покраснела, представив, что должен вообразить брат, увидев ее босые ноги и край ночной рубашки, выглядывающий из-под надетого второпях платья.

– Я... – Джоак поперхнулся, но откашлялся и продолжил: – Думаю, вам самим стоит на это посмотреть. Все уже собрались в зале совета, а помещения для прислуги гудят от слухов. Я потребовал, чтобы гофмейстер выгнал всех вон из главного зала и приставил к двери охрану.

– Почему? Что там случилось?

– Эл, одевайся, – покачал головой юноша. – Если у тебя нет других планов, спускайся к людям. Иначе слухи разрастутся настолько...

– Что случилось? – переспросила она.

– Может быть, ничего особенного. – Он явно уклонялся от прямого ответа. – Не исключено, что подгулявший наглец выразил таким образом недовольство твоим вчерашним заявлением.

– Выражайся яснее, Джоак! – рыкнула Елена, впившись взглядом в брата.

Эр'рил неторопливо подошел к ней, сдвинул кружевной манжет и показал юноше белую ладонь сестры.

– Магия Элены похищена. Затеваются что-то весьма недоброе, а ты нам головы морочишь недомолвками.

– Добрая Матушка... – Джоак, выпучив глаза, уставился на руку Элены. – Значит, это не дурацкая шутка.

– Что именно? – Теряя терпение, ведьма высвободилась.

– Кто-то – его никто не видел – воткнул кинжал в отпечаток ладони, который ты оставила на столе в зале совета. – Юноша не мог отвести взгляд от руки сестры. – Я-то думал, что это просто покуражился кто-то из обиженных.

Девушка потеряла ладонь. Неуверенно глянула на Эр'рила.

– Джоак прав! – сердито бросил воин равнин. – Нам надо посмотреть самим.

– А что ты об этом думаешь? – спросил юноша.

– Я думаю, – голос Эр'рила наполнился гневом, – что мы слишком мягкотелы и слишком доверяем мнимым союзникам. Среди нас появился предатель – некто, владеющий темным чародейством, скрывается под нашим носом. – Он повернулся к двери. – Надо поспешить.

Но Елена не сдвинулась с места.

– Подожди. – Она повернулась и решительно зашагала в спальню. – Вначале я должна подготовиться.

Эр'рил решительно пробивался сквозь толпу, скопившуюся перед входом в зал совета. Елена, одетая в простой, но изящный костюм для верховой езды – коричневые сапожки из телячьей кожи, черные брюки и куртка, – шагала за ним по пятам, окруженная стражниками. Волосы она заплела в сложную косу, их цвет подчеркивал пляшущие в зеленых глазах золотистые искорки. Чтобы скрыть потерю Розы, на руки она натянула замшевые перчатки в тон сапогам.

Перед дверью воин одобрительно оглядел спутницу. Она оказалась настолько мудра, что настояла на небольшой задержке, которую использовала, чтобы переодеться. Теперь ее наряд приличествовал предводителю, заменив обычное скромное платье. «Если предатель среди нас, – сказала она, – я хочу заставить его задуматься – сработал ли его замысел. А если изменник сбежал, то следует убедить всех, что мы не пали духом».

Эр'рил придержал двери перед ведьмой и вошел следом за ней. Среди присутствующих он сразу выделил верных сторонников и друзей. Каст стоял рядом с главным шкипером кровавых наездников, Сай-вен – около старшего из мер'ай, мастера Эдилла, а Мерик застыл плечом к плечу со своей матерью – элв'инской королевой Тратал. Елена встала во главе стола, а Эр'рил занял место в шаге за ее спиной.

Собравшиеся соблюдали тишину, лишь изредка шепотом обмениваясь словечком-другим.

Покосившись на Эр'рила, Елена наклонилась, чтобы осмотреть кинжал.

Длинная рукоять торчала из столешницы. Пока девушка осматривала эфес, Эр'рил опустился на колени и заглянул под стол – клинок выступал снизу. Его изготовили из того же материала, что и рукоять.

– Этот кинжал целиком выточен из черного камня, – пробормотал он, выпрямляясь.

Элена потянулась, чтобы потрогать оружие, но воин остановил ее, взяв за локоть.

– Давай не будем торопиться, пока не узнаем о нем побольше.

– Это эбеновый камень? – Мерик шагнул к столу.

– Нет, – покачала головой девушка. – Камень прозрачный. Похож на черный хрусталь.

Отодвинув Элену в сторону, Эр'рил оглядел резьбу наверху. Оно представляло собой сидящего на торце бескрылого дракона или ящера с длинным хвостом, которым он обвивал рукоятку до крестовины. Зубастый рот распахнулся в беззвучном шипении. Наклонившись поближе, Эр'рил сумел рассмотреть воротник из перьев вокруг шеи чудовища.

– Добрая Матушка... – с болью в голосе проговорил воин.

Все посмотрели на него, но в этот момент главный шкипер вышел вперед и резко заявил:

– Я знаю этот камень!

– И что же это? – выпрямился Эр'рил.

– Корабли дри'ренди торгуют со всеми землями Аласеи. Мы разбираемся в ценных товарах. Это – «ночное стекло». Оно немисливо дорого. Даже осколки стоят больших денег, а кусок такого размера, да еще мастерски украшенный, можно обменять на небольшое судно.

– Но откуда он?

– Если мне не изменяет память, – широкоплечий человек почесал затылок, – его добывают в Южных Пустошах. В рудниках Гибельных Песков, окружающих развалины Тулара.

– Тулар? – недоверчиво переспросила Елена.

– Это древняя крепость, – пояснил воин равнин, – покинутая целую вечность тому назад. Она так стара, что уже столетие назад никто не знал ее подлинной истории. Руины Тулара лежат в тени Южной стены.

При упоминании Южной стены глаза Элены расширились. Эр'рил мог с легкостью прочитать ее мысли – вначале опасность, зародившаяся у Северной стены, а теперь предзнаменование беды с юга.

– Это не все, – вздохнул воин.

– А что еще?

– Древний герб Тулара. – Он указал на ящерицу, вырезанную на рукояти. – Я только что вспомнил.

– А что это за зверь?

– Василиск, – обреченно вздохнул Эр'рил.

Элена охнула и отшатнулась от стола.

К тому времени заседающие в совете вожди приблизились к ним.

– Что это значит? – сурово спросила королева Тратал, и в ее голосе звучал гнев морской бури.

Эр'рил взглядом попросил разрешения у Элены.

– Скажи им, – кивнула девушка. – Все равно я собиралась объявить свое решение.

Воин повиновался, кратко изложив новости, которые они узнали нынешней ночью, оставившись подробнее на вратах Вейра и их значении.

– Итак, сын мой, – королева повернулась к Мерику, – ты намерен взять судно и отправиться на север искать врата?

– Да. Если будет на то ваша воля, я хотел бы двинуться в путь сегодняшним вечером.

– Я не возражаю, – кивнула Тратал и обратилась к Эр'рилу и Элене, указывая на кинжал: – А что вы намерены делать с этим?

Ведьма глубоко вздохнула.

– Думаю, намеки слишком прозрачны, чтобы оставить их без внимания. Одни врата Вейра Темный Властелин поместил около Северной стены. Из закона подобия следует, что еще одни могут оказаться у Южной стены. – Она указала на рукоять. – Василиска можно расценивать как намек на одни из четырех врат. Нужно хорошенько все обдумать.

– Я могу выделить еще один корабль, чтобы помочь вам в поисках, – холодно заявила королева элв'инов. – Не больше.

– Но Южные Пустоши бескрайни и малоисследованны, – возразил Эр'рил. – Если привлечь к поиску больше судов...

– Нет! – Серебряные волосы королевы потрескивали от стихийной магии. – Я не имею права ослаблять флот.

Эр'рил нахмурился, но ледяной взгляд правительницы ясно говорил – она будет стоять на своем.

– Я мог бы отправиться с ними, – подал голос Каст, пошептавшись прежде с Сай-вен. – Острые глаза дракона Рагнар'ка могут пригодиться в пути. – Он обнял девушку-мер'ай. – Мы будем сопровождать корабль элв'инов.

Эр'рил кивнул, довольный предложением кровавого наездника.

– Если идет Каст, – главный шкипер ухмыльнулся, выдавая распившую его гордость, – то я хочу, чтобы мой сын, Хант, также участвовал в поисках. Можете рассчитывать на помощь дри'ренди.

– Спасибо, – от всего сердца поблагодарила Элена. – Спасибо всем.

И тут заговорил мастер Эдилл:

– Если гриффин скрывается где-то на севере, василиск, предположительно, на юге, а виверна маг Шоркан перенес в логово Темного Властелина внутри вулкана... – Он обвел окружающих мудрым, внимательным взглядом. – Тогда где, по вашему мнению, спрятаны четвертые врата? Врата мантикоры.

Ответом ему было молчание.

– Что мы знаем о них? – продолжал Эдилл, картинно опираясь на трость. Пожилой мер'ай вряд ли нуждался в подпорке, чтобы ходить по твердой земле. Он не был в море уже почти месяц.

– Дух книги упоминал о них, – пожал плечами Эр'рил. – Огр с хвостом скорпиона.

– И больше ничего? Никаких подсказок?

Элена уже намеревалась покаяться в своем невежестве, как петли боковой двери заскрипели, заставив всех оглянуться. Почтительно кланяясь, вошел стражник. Беспокойным взглядом он обвел толпу.

– Что случилось? – строго поинтересовался Эр’рил.

– Я... – Стражник неопределенно махнул рукой. – Я пришел предупредить...

Но в двери уже протискивалась грузная фигура. Сутулый, широкоплечий огр с янтарными глазами, напоминающими кошачьи, сразу привлек общее внимание.

– Тол’чак? – удивился Эр’рил.

В последнее время огр стал нелюдимым, предпочитая отсиживаться в заброшенных частях замка. Но теперь он выказывал все признаки беспокойства. На бесстрастном ранее лице отражались безнадежность и отчаяние.

– В чем дело? – Элена встала рядом с Эр’рилом. – Что произошло?

Вместо ответа огр подошел поближе и поднял здоровенный кулак с зажатым в нем самоцветом. Сердце-камень, талисман его народа. Пламя факелов играло, отражаясь на гранях кристалла, но свойственный самоцвету внутренний свет исчез.

– Они ушли, – проговорил Тол’чак, стараясь правильно подбирать слова всеобщего языка. Крупная слеза скатилась по его щеке. – Души моих предков. Погибель пожрала их. Сердце умерло.

Элена подбежала к гиганту, погладила руку с мозолистыми пальцами.

– Тол’чак, мне очень жаль...

Эр’рил тоже хотел подойти к огру, чтобы утешить его, но Тол’чак отшатнулся от Элены и еще больше, чем обычно, ссутулился.

– Я недостоин ваших добрых слов. Я подвел свой народ. Теперь мне придется подвести вас – моих друзей и братьев.

– Что за чушь?! – возмутился воин, дружески похлопав огра по волосатому плечу.

Тол’чак вздрогнул от его прикосновения.

– Я должен вас покинуть.

– Что? – охнула ведьма. – Что ты хочешь сказать?

Эр’рил понимал ее растерянность – как-никак огр сопровождал их с самого начала пути.

– Призрак моего отца явился мне, – прорычал Тол’чак. – И просил восстановить сердце-камень любой ценой.

– Но как? – мягко спросил Эр’рил.

Тол’чак отстранился от него.

– Я должен вернуть сердце-камень туда, где его добыли.

– В Зубастые горы?

– Нет. – Лицо огра исказилось от внутренней боли. – В Гал’готу.

Элена отшатнулась, остальные тоже испытали потрясение от слов великана. Плечи Тол’чака поникли еще больше.

– Я не могу послушаться своего отца.

Эр’рил огляделся по сторонам. Вначале Мерик, призванный Ни’лан, теперь Тол’чак, получивший указание от призрака своего отца. И в том и в другом случае зов исходил от мертвых. Нахмурившись, Эр’рил размышлял – совпадение ли это?

Но мастер Эдилл заметил иное сходство.

– Огра отправляют на другой берег. Кто-либо считает это важным?

– Что вы хотите сказать? – удивилась Элена.

– Мы ищем тайник, где спрятаны четвертые врата – изваяние в виде огра с хвостом скорпиона. И вдруг появляется огр, изъявивший желание пересечь Великий Океан и добраться до земель Гал’готы. Не та ли это подсказка, которую мы искали?

– Не понимаю, о чем ты, – пророкотал Тол'чак. – Я хочу выполнить волю отца и найти способ освободить души моих предков от Погибели.

– А как выглядит эта Погибель? – заинтересованно прищурился мастер Эдилл, но, когда великан начал рассказывать, поднял раскрытую ладонь, останавливая его. – Я слышал твой рассказ, мастер Тол'чак. Я хочу в точности знать, как выглядит существо, скрывающееся в сердце-камне.

Огр поднял кристалл к свету.

– Не знаю... Оно изменилось, когда сожрало последнюю душу. Выросло.

– Я могу посмотреть?

Тол'чак кинул быстрый взгляд на Элену. Та кивнула, сама снедаемая любопытством.

Мастер Эдилл осторожно принял сердце-камень из рук огра. Старейшине пришлось удерживать крупный кристалл двумя ладонями. С трудом приподняв камень повыше, Эдилл посмотрел сквозь него на пламя факела. Самоцвет сиял отблесками отраженного огня. Пожилой мер'ай прищурился и скривился.

– Хм...

– Что? – напрягся Эр'рил.

– То, что я и предполагал. – Мастер Эдилл слегка отклонился, кивнув на противоположную стену.

Воин Станди и все остальные замерли, ошеломленные. Проходящий сквозь камень свет рубиновым пожаром охватил стену, но в середине его гнездилась тьма. И все ясно видели черный силуэт Погибели, окруженный алым огнем.

Тяжкий вздох прокатился по залу. Эр'рил подошел на шаг ближе.

Прямо на их глазах тень зашевелилась. Черные когти заскребли по стене, суставчатый хвост поднялся, подрагивая. Вся поза существа выражала недвусмысленную угрозу.

– Жало скорпиона! – прошептала Елена, поднося руку к горлу. – Погибель – это мантикора.

Джоак торопливо спускался на нижние этажи замка. Жалобное урчание в животе напоминало ему о пропущенном завтраке. Елена перенесла собрание военного совета на полдень. Раскрыв сущность Погибели, она сказала, что должна опять все обдумать. А когда сестра уже уходила, Джоак видел, как они с Эр'рилом о чем-то шептались, склонившись друг к другу, и воин равнин мрачнел с каждым словом ведьмы. С одинаково суровыми лицами Эррил и Елена покинули зал совета, не соизволив посвятить Джоака в свои планы.

Оставшиеся в зале разбились на небольшие кучки, что-то оживленно обсуждая, и юноша вдруг почувствовал себя лишним. Заскучав, он понял, что хочет есть. Поэтому покинул зал и направился вниз по лестнице, ведущей в замковые кухни.

Сказать по правде, не только голод влек его туда. Джоака не покидал образ девушки-служанки с глазами цвета летних сумерек и волосами червонного золота. Его губы беззвучно шептали имя: «Марта».

Чем ниже уводили ступени, тем быстрее двигались ноги Джоака. Перед самым входом в кухни его окутало облако соблазнительных ароматов. Слух радовал приятный звон утвари. Юноша мельком оглядел себя, расправил складки одежды, а потом нарочито неторопливо шагнул в кухонный жар. Не стоило позволять своим ногам следовать порывам сердца.

И тут он оступился и полетел вниз. Цепляясь за край стола, чтобы хоть как-то замедлить падение, юноша почувствовал, что пальцы его наткнулись на край большого блюда с овсянкой. Извернувшись, он все-таки смог упасть на бок. От удара воздух со свистом вышел из легких. Джоак перекатился на спину как раз вовремя, чтобы увидеть облако каши, воспарившее над столом, перед тем как обрушиться ему на голову.

Разваренные зерна облепили его от макушки до плеч, ослепили, набились в рот. Благодарение Доброй Матушке, недоеденная овсянка уже постояла после завтрака на столе. Недавно сваренная каша могла бы очень сильно обжечь. Но невзирая на счастливую случайность, щеки юноши запылали от стыда. Бормоча проклятия и упираясь в пол локтями, он приподнялся, выплевывая душившее его кушанье.

– Смотри, куда идешь, придурок! – послышался гневный голос.

Тряпка, смоченная в холодной воде, коснулась лица Джоака, очистив для начала его нос и губы, чтобы он мог дышать. Он смущенно залепетал:

– Мне очень жаль... Я не заметил... Я опрокинул...

Влажная тряпка прошла по глазам, убирая овсянку. Начав терять терпение, юноша сел прямо и перехватил тряпку.

– Я и сам могу! – заверил он с жаром.

Быстро вытерев лицо, он смог наконец-то разглядеть своего благодетеля и увидел перед собой синие, как сумерки, глаза, оттененные золотыми волосами. Бронзовая кожа светилась в пламени очагов.

– Марта! – охнул он.

Теперь, когда на его лице почти не оставалось каши, глаза девушки стали огромными и круглыми. Она склонила голову, пробормотав:

– Принц Джоак...

Но юноша успел разглядеть в ее глазах испуг, почти панику.

– Все хорошо, Марта. Это я виноват. Вечно не смотрю, куда иду... – Он не хотел, чтобы девушка испытывала вину из-за его неуклюжести.

– Я принесу полотенце, – зачастила Марта. – Отдайте мне свою куртку. Ее надо замочить в воде, пока грязь не впиталась.

– Не нужно. – Джоак вытер лицо. – Я и сам справлюсь. Но все равно, спасибо за заботу.

Он поднялся на ноги и тут только заметил, что кухонные работники столпились вокруг и глазят на них. Щеки юноши запылали. Проведя ладонью по волосам, он обнаружил овсянку и там. Нахмурившись, Джоак прошел к умывальнику, сбросил на ходу куртку и прежде всего сунул голову в глубокую миску с водой. На миг ему захотелось утопиться, лишь бы избавиться от назойливых взглядов. Но помимо воли на его губах возникла улыбка, когда он начал вычищать кашу из волос. Да уж, сегодняшнее посещение кухонь запомнится ему надолго.

Он отжал волосы и увидел, что Марта стоит наготове с чистым полотенцем. Джоак принял его с легкой улыбкой и удивился, заметив такую же усмешку на лице девушки.

– Я хотел быстренько позавтракать, – сказал он, вытирая голову. – Но не думал, что получится настолько быстро.

Марта улыбнулась его шутке.

– Я накормлю вас чем-нибудь более съедобным. – Она пригласила его к столу, знаком показав другим слугам, чтобы занялись курткой. – Садитесь, принц Джоак. Главный повар сейчас в большом зале, руководит обедом, но я раздобуду вам чего-нибудь поесть.

– Только не овсянки! – сказал юноша ей вслед.

– Не волнуйтесь, – кинула она через плечо. – Я приготовлю для вас нечто особое.

Марта уверенно прошла через кухню, на ходу отдавая распоряжения младшим слугам. Одна девчонка что-то шепнула ей на ухо, получила легкий подзатыльник и с хихиканьем убежала, успев прежде подмигнуть Джоаку.

Юноша покачал головой и спрятал улыбку в полотенце, которым как раз протирает рубаху и шею. Раньше чем он управился, вернулась Марта, неся вилку и глиняную тарелку, на которой возвышалась гора тушеного мяса в окружении мелко нарезанных овощей. Когда девушка поставила тарелку на стол, Джоак ощутил пряный запах множества неизвестных ему специй. Аромат еды слегка обжигал ноздри.

– Мои соплеменники едят это на завтрак, – сказала Марта. – Кушанье призвано пробудить язык на рассвете.

Джоак поддел кусочек мяса вилкой и поднес ко рту. Попробовал и приподнял бровь. Богатый аромат специй отлично оттенял вкус мяса.

– А что это? – спросил он, накалывая второй кусочек.

– Песчаная акула, – коротко пояснила девушка. – Их ловят близ Южной Пустоши – на моей родине. – Она сунула ему в руки кружку холодного пива. – Сейчас оно вам понадобится.

Именно в этот миг Джоак наконец распробовал специи. Казалось, они вспыхнули у него во рту языками пламени.

– Добрая Матушка! – задохнулся юноша, нащупывая пальцами кружку.

Щедрый глоток пива омыл гортань, снимая ощущение пожара.

– Значит, так твое племя приветствует утреннее солнце? – вздохнул Джоак.

– В самый раз для жителей пустыни, – хихикнула она. – Раскаленный язык для раскаленного солнца.

– Это я заметил. – Юноша подцепил вилкой следующий кусок. Несмотря на обилие пряностей, вкус у мяса был восхитительным. Но, что еще более важно, Джоак не хотел выглядеть теленком-сосунком перед Мартой. – Присоединишься ко мне? – Он кивнул на соседний табурет.

– Благодарю за предложение, принц Джоак, – поклонилась девушка, – но у меня полно работы. – А потом с хитрецей усмехнулась. – Кроме того, обычаи моей родины разрешают есть это кушанье только мужчинам.

Юноша глядел на нее во все глаза, наслаждаясь красотой девушки так же жадно, как совсем недавно – пивом, но не мог остудить ожог в душе. Когда Марта уже собралась уходить, он коснулся ее локтя.

– Спасибо.

Девушка остановилась, отбросила упавший на глаза локон и улыбнулась.

– Это честь для меня – служить принцу крови.

Джоак на какое-то время потерял способность дышать.

Алые отблески огня, игравшие на щеке Марты, настолько подчеркивали ее красоту, что Джоак почувствовал себя околдованным, словно вновь попал под власть темных чар. Шелковистый локон упал на лицо девушки, разрушив наваждение, и она умчалась к своим котлам и мискам.

– Я никакой не принц... – пробормотал юноша ей вслед.

Элена спускалась следом за Эр'рилом по темной узкой лестнице. Толстопузый охранник, шагающий впереди, освещал им путь, держа факел в высоко поднятой руке. Девушка перчаткой смахнула прилипшую к щеке мерзкую паутину и нахмурилась – эта часть главной башни не претерпела никаких изменений со времени их победы.

– До сих пор не пойму – зачем нам с ними советоваться? – продолжил давний спор Эр'рил.

– Если Тол'чак вынужден отправиться в Гал'готу, – устало отвечала Элена, – то я хочу помочь ему всем, чем смогу. Ты видел скорпиона в камне? Это явное указание на то, что в конце пути Тол'чака ждет мантикора.

– А что ты хочешь найти здесь, в подземельях?

– Надеюсь, что союзников... – вздохнула ведьма.

Стражник остановился перед тяжелой, окованной железом дверью и несколько раз бухнул кулаком в дубовую доску.

– Открывай, Джост!

В ответ слышалось ворчание, заскрипели старые, заржавевшие засовы. Под жалобный визг несмазанных петель дверь отворилась, и на пороге появился голый по пояс мужчина. В одной руке он держал высоко поднятый фонарь, в другой – сжимал толстую палицу из мореного дуба. Это был страж темницы. Его единственный здоровый глаз расширился при виде гостей. Вторая половина его лица представляла собой сплетение застарелых рубцов и шрамов.

– Это – Джост, – пояснил стражник, провожавший их до двери, – дальше поведет он. Но шуток и прибауток от старого ворчуна не дождетесь. – Он хихикнул. – Джосту отрезали язык, когда он сам был здесь в плену у Темного Властелина.

Услышав слова стражника, Джост поклонился Элене, слегка отвернув лицо от света. Это движение напомнило девушке Джастона, изуродованного жителя болот, также скрывавшего шрамы от солнца и яркого огня. Сердце ее наполнилось жалостью. Как много достойных людей было изувечено по злой воле владыки Гал'готы.

Шагнув в сторону, Джост пропустил вперед Эр'рила. Элена осторожно пошла следом.

За дверью открывался настолько узкий проход, что им пришлось идти гуськом. Единственным источником света оставался фонарь стража. Тишина позволяла ощутить едва заметное дуновение сквозняка в подземельях замка. Воздух был пропитан сыростью с легкой примесью морской соли. Стены коридора являли собой то каменные блоки, то грубо обтесанные скалы.

Наконец впереди забрезжил тусклый огонь – караулка перед темницами. Джост вошел в тесную комнатку первым и снял с крюка железное кольцо с прицепленными к нему ключами.

Элена огляделась. У одной стены жарко пылал небольшой очаг, камни вокруг которого покрывала густая жирная копоть, накопившаяся за долгие века. У дальней стены стояли четыре кровати, но на трех тонкие тюфяки были скатаны, а каркас покрыт пылью.

Джост жил здесь в одиночку, сообщила Элена.

Ожидая, пока страж выберет нужный ключ, девушка изучала быт человека, выбравшего жизнь взаперти. Несколько личных вещей висели на стене над единственной заправленной кроватью. Среди них была картинка, размером не больше ладони, с изображением улыбающейся женщины верхом на красивом гнедом скакуне. По бокам от нее – несколько уздечек и недоузdkов. Ухоженные кожаные вещи слабо поблескивали в свете очага, начищенные удила сверкали гораздо ярче. Серебро, догадалась Элена. Она смотрела на вещи, намекающие на жизнь Джоста до того, как он столкнулся с жестокостью Гал'готы, на жизнь до увечья и шрамов. И в тысячный раз обещала себе, что покончит с этим ужасом. Аласея достаточно натерпелась.

Хрипло заворчав, Джост привлек к себе ее внимание. Изуродованный страж выбрал длинный ключ. Довольно кивая, он провел воина и ведьму к дверке в дальней стене караулки и открыл ее, держа фонарь в левой руке.

Их взорам открылся коридорчик с рядом дверей. При виде их лицо Эр'рила потемнело, он даже сбился с шага. Элена вспомнила, что ее спутник не так давно сам был узником одной из этих камер. Сейчас же большинство дверей были распахнуты. После победы узникам даровали свободу. К сожалению, многих жертв внимания Темного Властелина пришлось добить на месте. Одичавшие существа, искалеченные, утратившие разум, корчились в собственных нечистотах, жалобно завывая. Бывшие когда-то людьми, они утратили последние проблески сознания, высосанного темными колдунами.

К счастью, Джост повел их мимо одиночных камер в разветвленный проход. Там располагались большие темницы, предназначенные для совместного содержания нескольких десятков пленников. Двери здесь были заменены решетками из железных прутьев толщиной в человеческую руку.

Джост остановился около средней темницы, самой большой, не уступавшей по размерам маленькому танцевальному залу. Здешние узники, единственные обитатели всей подзем-

ной тюрьмы, настояли, чтобы их содержали вместе. И Элена удовлетворила их просьбу. Да и как отказать, если она вообще не хотела отправлять их под замок. По окончании войны они поклялись ей в верности и принесли вассальную присягу. Но остальные ее союзники, включая Эррила, не доверяли им и настояли на заключении в подземелья.

Девушка остановилась у порога. Ей сразу понравились чистота и порядок. Посреди темницы стояли железные жаровни, немного согревающие влажный воздух и дающие чуть-чуть света. По всем признакам, Джост заботился о вверенных его попечению постояльцах.

Между жаровнями виднелись коренастые фигуры – кто-то негромко беседовал, кто-то оглушительно храпел. Ростом узники не достигали даже плеча Элены, но весили втрое больше и целиком состояли из костей и мускулов. Когда ведьма вошла в коридор, все обернулись на звук ее шагов. Узкие глаза из-под мохнатых бровей уставились на девушку.

– Присягали они или нет, – прошептал Эррил, – я не доверяю никому из д'варфов.

– Ты хоть кому-нибудь доверяешь? – вполголоса бросила девушка, подходя к самой решетке.

Предводитель д'варфов, старик со шрамом от темени до подбородка, выступил ей навстречу и опустился на одно колено.

– Госпожа Элена, – проговорил он, склоняя голову, – чем могу служить вам?

Кровь прилила к щекам ведьмы. Ей было стыдно за столь недостойное положение д'варфов. Поза предводителя напомнила девушке их первую встречу. Тогда отряд Веннара, вооруженный тяжелыми топорами, защищенный непробиваемой, благодаря магии, броней, пал на колени, но не перед ней, а перед древней святыней, которую она несла: Трай'силом – Молотом Грома – с вырезанными на нем рунами. Вид магического талисмана помог разрушить чары Темного Властелина, наложенные на суровых воинов-д'варфов.

– Ты не мог бы отпереть решетку? – обратилась она к Джосту.

Страж темницы немедленно повиновался. Ключ заскрежетал в замке.

– Думаешь, стоит? – Эррил приблизился к Элене, держа ладонь на рукояти меча.

Вместо ответа она бросила на воина равнин суровый взгляд.

Как только дверь распахнулась, девушка шагнула к коленопреклоненному д'варфу.

– Прошу тебя, Веннар, поднимись. – Она назвала предводителя по имени. – Я пришла просить о помощи.

Д'варф не спешил вставать и продолжал смотреть в пол.

– Вам не надо просить. Мы служим вам, приказывайте.

К этому времени все д'варфы прислушивались к их разговору. Даже те, кто всюду храпел, проснулись и наострили уши.

– Спасибо, – кивнула Элена. – У меня есть задание для всех вас.

Предводитель кивнул и вновь опустил глаза.

– Я надеюсь, вы знаете Тол'чака?

– Огр, – вновь кивнул Веннар.

– Он отправляется в опасное путешествие. – Д'варф, неуверенно прищурившись, поглядел на нее. Элена закончила: – В Гал'готу.

Узкие глаза вождя округлились. По толпе стоявших позади него воинов прокатился ропот.

– Он не должен туда идти, – заявил Веннар. – Там даже камни отравлены Неназываемым. Любой, кто не затронут злом, найдет там только смерть.

– Он должен идти. По приказу духа своего отца и чтобы помочь нам в войне с Гал'готой.

Предводитель д'варфов отвернулся.

– Ничего доброго он не найдет на тех берегах.

Элена глянула на Эррила. Воин стоял с таким видом, будто иного ответа и не ожидал.

– Чего же вы хотите от нас? – Веннар старательно смотрел на огонь жаровни.

– Я хотела бы, чтобы вы отправились вместе с Тол'чаком. Это ваши родные земли. Вы хорошо их знаете и можете помочь ему.

Плечи д'варфа дрогнули.

– Мы давали вам клятву верности, но то, о чем вы просите, невыполнимо.

– Почему?

– Сотни зим прошли с тех пор, как нога последнего д'варфа ступала на земли Гал'готы. Наша родина мертва для нас. Мы знаем ее не лучше, чем огр.

– Но вы же видели старые карты, кое-что знаете о...

Веннар резко повернулся к Элене, двигаясь стремительнее, чем можно было бы предположить. Эр'рил выхватил меч, но вождь д'варфов и не думал нападать.

– Наша родина мертва для нас! – закричал он. Слезы хлынули из его глаз, а морщинистое лицо исказилось от страдания. – Она запретна!

– Я же говорил, что ты пришла сюда напрасно, – произнес молчавший до сих пор воин.

– Мне очень жаль, госпожа Элена, – отвернулся Веннар.

Но она не собиралась отступить.

– А если вы возьмете с собой Трай'сил?

Плечи старика напряглись.

– Я обещала Кассе Дар, – продолжала девушка, – что рано или поздно верну священный талисман на его родину, в рудники Гал'готы. И я готова исполнить древнее пророчество.

– Молот Грома, – прошептал он.

– Было предсказано, что с возвращением молота начнется возрождение вашей родины.

Веннар произнес напряженным голосом, все еще не поворачиваясь:

– Но не рука д'варфа должна нести Трай'сил.

– Его понесет Тол'чак, – сказала Элена.

– Нет. – Старик медленно повернулся. – Неужели повелительница д'варфовских болот не объяснила вам? Легенда гласит: только тот, кто освободит молот, должен принести Трай'сил домой. – Он поднял голову и устремил на ведьму решительный взгляд. – Только вы можете освободить наши земли.

Эр'рил со щелчком вогнал меч в ножны.

– Элена не может пойти в Гал'готу. Она нужна здесь.

В первый миг девушка согласилась с мнением воина равнин. Они упорно сражались, понесли огромные жертвы, чтобы привести ведьму в А'лоа Глен. Теперь, когда назревает более страшная война, имеет ли она право рисковать, отправляясь в путешествие? Но слова Эр'рила заставили ее глубоко задуматься. Девушка вспомнила, как сидела на Троне Колючих Роз, слушая спорщиков, не обращавших на нее никакого внимания. Действительно, так ли важно ее присутствие? Они сражались не для того, чтобы утвердить власть ведьмы на острове, а для того, чтобы привести Элену к книге. Но поскольку цель достигнута, есть ли смысл оставаться здесь? Неужели она отсидится в безопасном месте, в то время как ее друзья рассеются по всей земле в поисках проклятых врат Вейра? Не лучше ли использовать полученную магию для достижения благой цели – поиска и разрушения врат? Элена сжала кулаки. Осмелится ли она покинуть отлично защищенный остров? Ответа пока не было – зато оставался вопрос, который следовало задать вслух.

– Если я пойду, вы будете моими проводниками?

– Элена! – воскликнул Эр'рил. – И думать не смей...

Движением руки она заставила его смолкнуть и пристально посмотрела на Веннара.

Д'варф медленно опустился на колени и склонил голову до самого пола. Остальные последовали его примеру.

– Мы подчинимся всем вашим приказам. – В голосе Веннара теплилась надежда. – Мы умрем, чтобы защитить вас.

– Замечательно, – кивнула Елена. – Я подумаю об этом.

– Но ты не можешь... – испуганно проговорил Эр'рил.

Даже не взглянув в его сторону, девушка повернулась и пошла прочь из темницы.

Джост остался запирать решетку, а воин Станди догнал Элену.

– Не стоит даже думать о путешествии в Гал'готу. Ты не должна рисковать собой. Здесь ты в безопасности. Армии всех народов и земель защищают тебя.

– В безопасности? – переспросила она, на ходу стягивая перчатку с побледневшей левой руки и показывая Эр'рилу ладонь. – В этих стенах скрывается убийца. Темный Властелин знает, что я здесь, и попытается вновь и вновь уничтожить меня. Я – неподвижная цель, безучастно ожидающая, когда прилетит стрела.

– Но...

Они вошли в караулку – обиталище стража тюрьмы. Здесь было больше света. Елена повернулась к Эр'рилу.

– Я еще не решила окончательно. Я лишь обещала по-думать.

– Тогда прошу тебя, подумай хорошенько. Отправляясь в логово Темного Властелина, ты, возможно, сыграешь ему на руку. Кто знает, быть может, цель убийцы вовсе не твоя смерть? Вдруг он просто хочет напугать тебя, заставить покинуть остров, лишить защиты и заманить таким образом в ловушку?

Элена вздохнула и посмотрела на принадлежащий Джосту портрет улыбающейся женщины на прекрасном коне.

– Никто не может предугадать, какую игру ведет Темный Властелин. Прикидывать, каким будет его следующий шаг, – это все равно что нерешительно и испуганно топтаться на одном месте. Весь минувший месяц я наблюдала за этим зрелищем в зале совета. – Она посмотрела Эр'рилу в глаза. – Ты можешь просто довериться мне? Довериться моему решению?

Воин равнин закрыл глаза и через силу кивнул. Затем произнес едва слышно:

– Конечно. Я – твой вассал.

Каст стоял на носу двухмачтового летающего корабля элв'инов под названием «Яростный орел» и смотрел вниз на суетящихся на причале людей. Они таскали корзины и тюки со снаряжением, лавируя среди толстых канатов, удерживающих судно. Скрипели лебедки, ржали лошади, с усилием натягивая веревки, поднимающие груз к распахнутым люкам корабля, зависшего на высоте в три человеческих роста.

Нахмурившись, кровавый наездник отвернулся. С погрузкой необходимых припасов можно было бы управиться гораздо быстрее, если бы удалось пришвартовать корабль у причала, как обычное морское судно. Но капитан «Яростного орла» принц Ричалд, брат Мерика, не позволил этого. «Никогда еще ни одна из «Грозовых туч» не садилась на воду, – заявил он высокомерно. – Если море испортит киль «Яростного орла», как мы будем путешествовать?»

Каст не спорил. Разве это его корабль? Здесь есть своя команда и свой капитан. Он поглядел на тонкокостных, хмурых элв'инов, ловко карабкающихся по вантам, перебегающих по реям со свернутыми парусами. Хотя ему не нравился подобный способ путешествия, но подчиненных Ричалда трудно было обвинить в недостатке мастерства. Они бежали по натянутым канатам с такой же легкостью, как человек ходит по палубе обычного судна.

Вздыхнув, он обратил взгляд вдаль. Там, на той же высоте, над досками причала парил корабль-близнец «Яростного орла». Собственное судно Мерика называлось «Крыло бури». Его стальной киль, пропитанный магией стихий, светился, как горячие угли, и удерживал корабль в воздухе. Ниже суетились люди, подтаскивая запасы воды, пищи и прочего снаряжения, необходимого для дальнего перелета в северные земли Аласеи. Даже на большом расстоянии Каст мог выделить из толпы элв'инов принца Мерика, а рядом с ним тройку воинов зу'улов, которые вызвались помогать в поисках пропавших друзей Элены.

Здесь так же проявлялся закон подобия. Два брата, два корабля, две цели. Один отправляется на север, а второй – на юг. Только чего следует ждать в итоге? Двойной победы или двойного поражения?

Стук босых пяток по палубе заставил Каста обернуться. К нему приближалась Сай-вен, одетая в накидку из пятнистой рыбьей кожи на голое тело. Все округлости ее груди и бедер соблазнительно обрисовывались под тонкой одеждой. Когда их глаза встретились, девушка улыбнулась, словно не замечая нескромности своего наряда.

Но вокруг стояли отнюдь не слепцы. Каст заметил, что принц Ричалд, расхаживавший неподалеку, безуспешно пытается отвести взгляд от фигуры Сай-вен. Щеки элвина полыхали румянцем всякий раз, когда он бросал взгляд на девушку. Оказывается, кровь этого народа еще не заморозилась до конца, усмехнулся Каст.

Сай-вен стремительно скользнула в объятия кровавого наездника, быстрым поцелуем прикоснувшись к щеке. Каст обвил рукой ее стан, давая понять каждому, кому принадлежат права на ее сердце.

Ричалд откашлялся и уставился в небо.

– Трюмы заполняются строго по списку, – сказал он. – С первыми лучами солнца мы тронемся в путь.

– А Мерик, похоже, отправится сейчас, – усмехнулся Каст.

– Замечательно, – скрипнул зубами Ричалд и, прищурившись, взглянул на «Крыло бури», – что команда моего брата так хорошо обучена.

Казалось, он не собирается уступать Мерику ни в чем.

– Да? По-моему, команда всегда хороша настолько, насколько хорош ее капитан, – негромко проговорил Каст.

– Все еще впереди. – Ричалд сжал кулаки. – Мой брат слишком много времени провел на земле. Кто лучше, сможешь убедиться, когда окажемся в бескрайних просторах небес.

– Мне кажется, ваш брат справится и там. – Сай-вен, уцепив Каста в наказание за постоянные издевки над Ричалдом, вывернулась из его объятий. – Я вас покину ненадолго. Меня позвала мать.

– Ты уходишь? – удивился кровавый наездник. – А как же совет, который собирает Елена?

– Я там не нужна. Мастер Эдилл представляет мой народ. А кроме того, – она кивнула на мачты «Яростного орла», – я и без того знаю, куда отправлюсь завтра. И если мы выступаем в путь на рассвете, у меня совсем мало времени, чтобы попрощаться с матерью. – Девушка шагнула к борту. – К сумеркам я вернусь!

Но Каст не собирался отпускать любимую просто так. Поймал за тонкое запястье, удержал, прижимая к груди, и заставил ее смущенно опустить глаза.

– Я буду ждать твоего прихода вместе с последним лучом солнца, – прошептал он, наклонившись поближе к уху девушки, чтобы никто не расслышал его слов. – У нас тут новая кровать, и сегодня ночью ее нужно опробовать.

Намек вызвал румянец на лице Сай-вен. А когда кровавый наездник прикоснулся к ее губам, они оказались так же горячи, как и щеки.

– Не бойся, мой дракон. Я вернусь, – выдохнула ме'рай.

Ее палец скользнул от его подбородка к шее, обегая черную татуировку. Прикосновение подруги будило жар в крови Каста.

Затем Сай-вен вновь отстранилась.

Со стороны замка послышался рев труб, возвещающих о начале совета.

– Я должна идти, – сказала она, и Каст не стал возражать.

Он лишь взмахнул рукой на прощание.

Сай-вен легко пробежала по палубе на подветренную сторону воздушного судна, вскочила на поручни и, не оглянувшись, нырнула в море.

Каст подошел к борту. Далеко внизу тонкая полоска пузырьков отмечала место, где она вошла в воду. Море радостно приняло свою обительницу.

Глава 4

Когда члены совета начали собираться, Эр'рил занял место рядом с Эленой, восседающей на Троне Колючих Роз. Он сразу обратил внимание, что половина кресел за столом пустуют. Этой ночью малодушные и те, кто примкнул к победителям ради сиюминутной выгоды, бежали, собрав вещички, не желая ввязываться в открытое военное противостояние с Гал'готой.

Покосившись на Элену, Эр'рил увидел, что она нахмурилась, поскольку тоже заметила незанятые места. Некоторые из членов совета, рассаживаясь, коротко переговаривались и кивали на пустующие кресла.

За окнами прогудела труба, возвещающая начало совета.

Услышав сигнал, Елена поднялась. На ней все еще была одежда для верховой езды, но на этот раз девушка отказалась от перчаток. Розы вновь ярко сияли на обеих ладонях. Чуть раньше черный кинжал со всей осторожностью извлекли из стола и передали в библиотеку для всестороннего исследования. Как только оружие вытащили, Елена ощутила, что ее правая рука вновь обрела способность впитывать солнечный свет, и дар ведьмы вернулся к ней. Сейчас она специально выставила ладони напоказ, чтобы опровергнуть возможные слухи о постигшем ее несчастье.

Несмотря на то что Эр'рил удостоверился – таинственное нападение не причинило Элене серьезного ущерба, он не мог избавиться от нехорошего предчувствия. Воин, впрочем, как и многие другие, буравил глазами пронзенный отпечаток на столешнице. Кто и с какой целью это сделал? Зачем было идти на серьезный риск ради такого ничтожного результата?

Поэтому он держался настороже, не убирая руку с эфеса меча.

Элена подняла кулак, выставив его на всеобщее обозрение. В свете факела видно было, как бордовые ручейки текут и переливаются под кожей. Постороннему они могли показаться точной копией магических сил, играющих в левом кулаке, но Эр'рил заметил некоторую блеклость Розы на поднятой руке – признак растраченной силы. Но не заколдованный кинжал был тому причиной. После того как Елена вернула магию, Эр'рил настоял на небольшой проверке – не ослабел ли ее чудесный дар. Девушка зажгла ряд свечей с десяти шагов, причем настолько точно и хладнокровно, что не пролила ни капли воска. Получалось, что покушение не нанесло ей существенного вреда.

Именно эта загадка досаждала Эр'рилу больше всего.

Не отрываясь, он смотрел на стол. С какой целью предпринималось покушение? Почему так много тайн и ухищрений? Отсутствие какого бы то ни было разумного ответа мучило Эр'рила. Он окинул подозрительным взглядом сидящих за столом. Здесь ли изменник или уже благополучно улизнул?

Будто придавленные его тяжелым взглядом, собравшиеся смолкли. Повисла тишина.

Шагнув вперед, Елена разжала кулак. Жар волнами поплыл по залу, исходя из ее руки. Но, вопреки ожиданиям, заговорила она негромко.

– Прошлой ночью мы видели, к чему может привести нерешительность. Пока мы сидели и без толку спорили, тьма росла среди нас подобно тому, как гниль поражает застоявшуюся воду. Довольно! С сегодняшнего дня мы будем подобны стремительному потоку огромной разрушительной силы, который не сможет остановить пробравшийся в ночи мелкий воришка. – С каждым словом в ее голосе нарастал жар, и вслед за ним все ярче пламенела Роза на ладони. Эр'рил уже не мог глядеть в стол или рассматривать присутствующих, Елена притягивала его взгляд, как огонь свечи влечет к себе ночного мотылька. Очень медленно ведьма опустила руку. – Я благодарна вам за истинную преданность в эти дни. Пускай нас меньше – но мы сильнее, как сталь тверже железа. Уже этой зимой, я обещаю, мы вонзим обновленный клинок в горло Черного Сердца.

Кулак гулко ударил по столу. Главный шкипер воскликнул с воинственным видом, сверкая глазами:

– Пусть океан станет красным от крови, но мы освободим наши земли!

Остальные одобрительно загудели. Теперь больше кулаков загрохотали по столешнице.

Элена подняла ладонь, призывая к тишине.

– Война неизбежна. Но прежде чем бросить войска на рифы Блэкхолла, следует хорошо подготовиться.

– Мы готовы! – вскричал главный шкипер, позабыв о торчащих из-под его одежды повязках на ранах.

– Я вам верю, – улыбнулась ведьма. – Дри’ренди не отступят в бою, даже если враги во много раз превосходят их числом. – Главный шкипер кивнул, выпятив грудь. – Но сейчас нас ждет иной путь.

– И что же это за путь? – произнес всем знакомый голос – толстопузый Саймон Ферауд, полномочный представитель Пенрина, никогда никому не верил на слово.

Он топорщил черные усы, выражая недовольство. Эр’рил удивился, увидев его. Для всех было бы лучше, чтобы склочник Ферауд прошлым вечером первым отчалил к родным берегам.

Но Элена спокойно ответила на его вопрос:

– Все вы прекрасно осведомлены, что нынешнюю ночь я провела, советуясь с духом Кровавого Дневника, и потом обдумывала полученный из иных миров совет. Теперь мы знаем источник могущества Темного Властелина. Это четыре статуи из эбенового камня – врата, содержащие ключ к его черной магии. Прежде чем мы направим войска к скалам Блэкхолла, нужно отыскать врата и разрушить их, лишив Темного Властелина его силы. Это – наша единственная надежда на победу.

Как заметил Эр’рил, Элена не рискнула объявить самую главную новость, которую узнала от духа Кровавого Дневника, – заключенный в узилище Чи являлся истинным источником могущества Черного Сердца. Не все смогли бы хладнокровно выдержать такой удар.

– И как вы намерены попытаться разрушить врата? – спросил Саймон.

– Мы не просто попытаемся, – отчеканила девушка. – Мы их разрушим. Суда элв’инов уже снаряжены на их поиски.

Негромкий ропот покатился волной вдоль стола.

– Посвятите нас во все ваши замыслы, – попросил мастер Эдилл.

Элена склонила голову перед старейшиной мер’ай, а потом ответила:

– Мы знаем о четырех вратах-статуях: виверн, василиск, гриффин и мантикора. К одной из них мы не сможем подобраться – изваяние виверна было перенесено Шорканом в Блэкхолл. Мы не будем пытаться его достать, пока не подготовимся к решительному сражению на подступах к Блэкхоллу. Но есть определенные знаки и свидетельства того, где могут скрываться остальные врата.

Она кратко изложила свой замысел: один отряд, во главе с Мериком, идет на север, второй, под командованием принца Ричалда в сопровождении Сай-вен и Каста, – на юг.

– А врата мантикоры? – спросил мастер Эдилл.

Несколько томительных мгновений Элена молчала.

– Огр Тол’чак будет искать их на востоке, за морем. В Гал’готе, – наконец ответила она. Ее слова ошеломили всех, кроме тех, кто пришел в зал раньше других.

– Это самый опасный поход, – покачал головой Эдилл. – Многие отправлялись к тем берегам, но никто не возвращался обратно.

– Именно поэтому я призвала на помощь проводников, – ответила Элена.

– Проводников? – поднял брови старейшина мер’ай.

– Д’варфы – пленники, сидящие в темнице под замком. Это их древняя родина.

При упоминании о д’варфах многие лица исказились от гнева.

– Даже если эти проводники и сохраняют верность, – с долей сомнения произнес мастер Эдилл, – все равно это путешествие – самое опасное, почти без надежды на успех.

– Это так, – легко согласилась Элена, – если с ними не отправлюсь я.

Тут все вскочили. Сидеть не остался никто. Даже Эр’рил сделал шаг к девушке, но взял себя в руки. Он поклялся повиноваться ей и примет любое ее решение.

Но другие не собирались так просто сдаваться.

Лицо главного шкипера покраснело, сравнившись цветом с окровавленными повязками.

– Вы не можете поехать в треклятые земли! Это – верная смерть!

Эр’рил не удержался и кивнул, соглашаясь с чужими доводами. Совершенное безумие.

Ведьма выдержала вал гневных упреков, как скала останавливает прибой.

И тут заговорила королева Тратал. Ее обычно непроницаемое лицо исказилось от негодования.

– Этого я не позволю!

– А я поеду! – медленно проговорила Элена в глаза королеве.

Обе женщины впились взглядами друг в друга. Крошечные молнии вспыхнули в серебряных волосах королевы Тратал, окружив ее голову наподобие сверкающей короны. Ее ледяному высокомерию Элена противопоставила собственное холодное спокойствие. Зал затих, наблюдая за их противостоянием. Воздух, казалось, пропитался предчувствием небывалой бури, время тянулось мучительно медленно.

Наконец Тратал разжала кулаки и уселась на место.

– Похоже, в твоих жилах и в самом деле течет кровь королей. – Молнии вокруг нее погасли, но раскосые глаза оставались холодными и острыми, как осколки льда. – Что ж, если ты хочешь пересечь Великий Океан, то сделаешь это только на борту моего корабля.

– Почту за честь, – поклонилась Элена, в равной степени ощущая себя и ведьмой, и дипломатом.

Но главный шкипер не собирался сдаваться:

– Если идет Элена, то идут дри’ренди. Мы поклялись кровью, что будем защищать вас.

– Я ценю вашу дружбу, главный шкипер дри’ренди. Для меня это двойная честь. Но А’лоа Глен нуждается в защите. Я прошу, чтобы дри’ренди и мер’ай охраняли остров во время нашего путешествия. Если мы добьемся успеха, то должно быть место, где мы вновь соберем и объединим силы. Мне не хотелось бы начинать новую войну за острова.

Главный шкипер еще что-то ворчал, но, казалось, ветер в его парусах поутих.

– А еще важнее, – продолжала Элена, – что этот небольшой остров станет семенем, из которого вырастет новая свободная Аласея. И я не допущу, чтобы семя это упало в землю под тенью Темного Властелина.

– Пока жив хотя бы один дри’ренди, этого не случится. – Кровавый наездник низко поклонился, прижимая ладонь к горлу.

Элена ответила старинным жестом дри’ренди – скрестила руки на груди. Клятва принята. А потом обвела взглядом собравшихся:

– Так мы договорились?

Этого вопроса можно было не задавать.

Отвернувшись, чтобы не видеть, как десятки кулаков бьют по крепчайшей столешнице, Эр’рил смотрел на Элену. А в голове его эхом звучали слова королевы Тратал: «В твоих жилах и в самом деле течет кровь королей».

В этом не осталось сомнений.

В заброшенной части замка, в тени маленькой ниши скорчилась закутанная фигура. В обществе одних лишь пауков и тараканов она ждала сигнала. И вот зов трубы пронесся, отражаясь от стен, по залам и коридорам главной башни. Заседание совета началось.

Ведьма и ее соратники какое-то время будут заняты. Гибкая фигура выпрямилась, выскальзывая из ниши, словно тень, не потревожив паучьи сети над головой. Прошагала сквозь скопище тараканов, не раздавив ни одного. Наставник учил, что нельзя оставлять ни малейших следов. Залы, через которые она шла, пустовали. Скорее всего, сейчас обезлюдели даже самые густонаселенные части замка; оби-татели их, затаив дыхание, ждут результатов совещания в большом зале. Но политика и интриги мало ее волновали. Она выполнила лишь половину задания. Теперь осталось завершить его и убраться подобру-поздорову.

Бесшумно переступая ногами, обутыми в сапожки на тонкой подошве, она не оставляла отпечатков на толстом слое пыли, устилавшем пол. Пробежав через залы, направилась на верхние этажи замка и в конце последнего лестничного пролета обнаружила нужную дверь. Осторожно толкнула створки. Заперто. Она облегченно вздохнула. Значит, внутри никого нет. Позволив себе легкую улыбку, опустилась на одно колено. Отмычка легко скользнула в ладонь. Ловкие пальцы вставили тонкое стальное острие в замочную скважину, пошевелили, отыскивая рычажки.

Щелчок механизма стал наградой за усилия. Она выпрямилась и вновь толкнула дверь. На этот раз створка подалась очень легко.

Оценив мастерство своей работы, темная фигура приоткрыла дверь настолько, чтобы можно было протиснуться в щель. Шагнула через порог, позволив двери захлопнуться за ее спиной. Защелкнула замок.

Только маленькая лампа, оставленная на столе в дальнем углу, освещала затемненную комнату, да и то прикрученный фитиль давал совсем мало света. Она нахмурилась, увидев лампу. Почему ее не потушили? Обычная рассеянность ученых? Затем быстро зашагала в глубь комнаты, не давая дурным мыслям завладеть сознанием. И все же... Ни один ученый никогда не забудет здесь зажженную лампу.

По обе стороны от прохода тянулись ряды книжных полок, забитые пухлыми томами и свитками. Стеллажи возвышались на три человеческих роста, а чтобы работники библиотеки могли добраться до нужного источника знаний, повсюду были расставлены лестницы. У дальней стены, куда нужно было добраться таинственной фигуре, у высокого камина стояли попитры для книг, столы и табуреты. Убедившись, что никто не скрывается по углам среди теней, она приложила ладонь к камням очага. Еще теплый. Огонь погасили совсем недавно.

Нервно закусив губу, таинственная фигура поспешила выполнить оставшуюся часть задания. Нужно уметь прислушиваться к болтовне в коридорах твердыни, и тогда будешь точно знать, где искать. Тень скользнула к самому большому столу – настоящему дубовому чудовищу с закругленными углами, заваленному настолько, что из-под пергаментов не выглядывало ни единого кусочка столешницы. По углам громоздились высоченные стопки книг, посредине – груды свитков, ряды чернильниц и россыпь разрозненных листов. Поверх этого беспорядка лежали три развернутых свитка, придавленные по углам свинцовыми грузиками, изображавшими различных зверей.

Не интересуясь чьими-то прерванными исследованиями, она полезла в ящик стола. Не заперт. Неужели она ошиблась? Опасаясь худшего, потянула ящик, тот выдвинулся с противным скрипом.

Вдох облегчения сорвался с губ тени. То, что она искала, было на месте. Не больше мгновения понадобилось ей, чтобы протянуть руку и схватить кинжал. Фигурка василиска – древний символ вампиров Тулара – не вызвала у нее ничего, кроме отвращения, но она вытащила кинжал из ящика и тщательно оглядела острое лезвие из «ночного стекла». В отраженном свете край лезвия по всей длине пылал огнем, и совсем не от света тусклой лампы. Наставник не ошибся!

От радости она потеряла бдительность, и щелчок замка застал ее врасплох. Она похолодела. Из-за дверей слышались голоса. Кто-то из ученых вернулся!

Сунув кинжал в ножны, пришитые к подкладке плаща, она устремила к ближайшему ряду полок и вскарабкалась по ним без всяких лестниц. Застыв на самом верху, она лишь молилась, чтобы старые доски выдержали вес ее тела.

Двери распахнулись, и в освещенном проеме возникли двое ученых. Один молодой, второй гораздо старше. Они несли тарелки со скудной трапезой и переговаривались на ходу.

Не дожидаясь их приближения, она перебежала по верху полок к стене, туда, где тьма казалась гуще. Никто не заметил ни ее движения, ни мельтешения теней на потолке. Наставник всегда советовал перемещаться поверху – большинство людей имеет привычку смотреть под ноги или прямо перед собой. Он был прав.

Очень осторожно, так как ученые продолжали путь к столам, закутанная фигура перепрыгнула на соседний ряд полок, чтобы иметь возможность тихонько пробраться к двери.

– Прошу простить меня, брат Унгер, – говорил ученый постарше, когда они проходили прямо под ней, – но мои глаза уже не так зорки, как прежде. Я хотел бы, чтобы вы убедились лично...

– Всегда рад помочь вам, брат Рин. Я ведь знаю, что исследовать кинжал чрезвычайно важно.

– Потому я так и нуждаюсь в ваших молодых глазах. Лезвие порождает неясное пламя, но я не могу понять, что это – отражение света или внутреннее свойство «ночного стекла».

Разговор ученых едва не заставил убегающую похитительницу оступиться. Взмахнув рукой, она удержалась на краю последней полки, а потом присела на корточки, чтобы успокоить колотившееся сердце. Они собрались изучать кинжал. Надежда исчезнуть незамеченной испарилась, как роса на солнце. Стараясь не шуметь, она поползла по полкам вниз.

Голоса ослабели, став почти неслышными. Она выглянула из-за ряда книг. Ученые остановились передохнуть, поставив тарелки на один из маленьких столов.

Младший, говоривший погромче, предложил:

– Брат Рин, может быть, я разожгу очаг?

– Нет, нет! Не будем терять время. Давайте взглянем на кинжал.

Две фигуры в мантиях скрылись из виду.

Душа ее ушла в пятки, она скользнула к двери, повернула ручку замка, молясь, чтобы он не щелкнул, и потянула створку на себя, чтобы приоткрыть хотя бы немного.

Уже оказавшись с той стороны, она услышала изумленный возглас из книгохранилища. Кражу обнаружили! Она дернула дверь, намереваясь захлопнуть ее и заклинить замок. Пусть ученые братья посидят взаперти – когда еще их крики услышат? Поглощенная этим занятием, она шагнула назад и столкнулась с человеком, неслышно подошедшим сзади.

Прежде чем она осознала, что обнаружена, сильные руки железной хваткой вцепились ей в локти, заламывая их назад. Она охнула, дернулась и, выкручиваясь из захвата, ударила пяткой по лодыжке нападавшего.

Настал его черед вскрикнуть и дернуться, но он не разжал пальцев, а толкнул ее к двери книгохранилища. Она ударилась лбом так, что из глаз посыпались искры.

– Ты почему тут прячешься? – закричал он, снова толкая ее и прижимая к двери. – Ответь! – прошипел он в самое ухо.

Она ощутила, что из разбитой губы сочится кровь. Слов не находилось. «Так близко! – простонала она про себя. – Так близко».

Неожиданно дверь распахнулась и двое братьев, зацепившись о порог, рухнули прямо на них. Она попыталась воспользоваться сумятицей, чтобы освободиться, но тот, кто схватил ее, не был новичком. Несмотря на то что она отчаянно вырывалась, лягая его изо всех сил, он не ослабил хватку, а только кряхтел и вполголоса ругался. Извернувшись, она почти выкрутилась из захвата, но ткань плаща не выдержала и с треском лопнула. Кинжал выпал и со звоном

запрыгал по каменному полу. Она протянула за ним руку, но один из братьев опередил ее, схватив оружие.

– Мы поймали вора! – закричал он.

Потеряв кинжал, она почувствовала, что силы оставляют ее. Придавленная к полу весом нападавших, она в отчаянии стонала: «Так близко!»

И уже не сопротивлялась, когда ее перевернули на спину, все еще удерживая за руки. Сквозь слезы, застилающие глаза, она увидела, кто же ее поймал, – рыжие волосы, сердитые зеленые глаза. Брат ведьмы.

– Лорд Джоак, – с болью прошептала она.

Он потянул с ее головы капюшон. Слабо сопротивляясь, она шептала: «Только не это».

Тогда он дернул сильнее, открыв ее лицо. Она смотрела на него, не сдерживая слез. Его глаза расширились, а лицо исказилось от боли – он узнал ее. Закрыв глаза, чтобы не видеть его страдания, она все же услышала голос, дрожащий от обиды и разочарования:

– Марта?

Когда совет закончился, Елена покинула большой зал, сопровождаемая своей вечной тенью, Эр'рилом. Она чувствовала, что за ее спиной собирается гроза, и знала, что разгневанному воину равнин не терпится высказать свое мнение по поводу ее намерения отправиться в Гал'готу, но он ничего не говорит, поскольку обещал повиноваться. В какой-то мере это было еще хуже. Молчание Эр'рила угнетало ее. Напряженная спина и побелевшие костяшки пальцев на рукояти меча выражали протест явственнее, чем любые слова.

Покинув толпу, они смогли идти рядом. Следовало уладить разногласия до начала путешествия.

– Эр'рил, – сказала она, – я должна отправиться в Гал'готу.

– Я – твой вассал, – покорно ответил он. – Ты свободна в выборе пути, а я последую за тобой куда угодно. Ведь я поклялся.

– Я приняла это решение обдуманно, – вздохнула Елена. – Эр'рил, если Тол'чак сумеет отыскать врата мантикоры, ему понадобится моя помощь.

– Я понимаю твоё желание помочь, а не сидеть сложа руки. Даже я...

– Не только поэтому. – Она изо всех сил старалась подобрать убедительные слова. – Предзнаменования и знаки указывают нам путь на восток, в Гал'готу. Скорпион в камне, слова отца Тол'чака, легенды д'варфов о возвращении Трай'сила. Я чувствую... Я чувствую, что должна быть там. Слишком долго земля Гал'готы принадлежала Темному Властелину. Если мы надемся когда-либо освободить наш мир от порчи, эти края тоже нужно очистить. – Она дернула Эр'рила за рукав и заглянула ему в лицо. – Ты можешь это понять? Поддержать меня? Не из-за вассальной клятвы верности, а просто как друг...

Суровая уверенность воина медленно таяла.

– После твоей беседы с д'варфами, – вздохнул он, опуская глаза, – я знал, какое решение ты примешь. Но я надеялся на что-то...

– Прости...

– Нет, перед советом я долго обдумывал и слова д'варфа, и твои... Возможно, поход в Гал'готу не такое уж и безумие. Ведь именно в тех дальних землях появился Черное Сердце. Может быть, оказавшись там, мы сможем больше узнать о владыке Гал'готы. Ведь даже по прошествии пяти веков мы почти ничего не ведаем об истинной его природе. Где еще, как не на родине Темного Властелина, можно обнаружить нечто большее, нащупать уязвимые места в его защите?

Елена почувствовала, как с каждым его словом становится теплее на сердце. Поддержка воина сняла часть бремени с ее хрупких плеч.

– Значит, ты согласен, что я должна ехать?

Эр'рил поднял полные муки глаза.

– Мне жаль, что я не могу запереть тебя и воспрепятствовать опасному путешествию. – Он отвернулся. – Но сердцем я чувствую, что нигде нет достаточно безопасного для тебя места. Ни в Гал’готе, ни здесь.

Девушка смотрела на воина равнин, долго не решаясь сказать то, о чем думала, но наконец, отбросив сомнения, взяла его за руку.

– Нет, Эр’рил, есть. Есть такое место, где я всегда буду в безопасности.

Он взглянул на ее руку, но своей не отнял.

– Где оно? – тихим, глухим голосом произнес он. – Скажи мне, и я увезу тебя туда.

– В этом нет нужды. – Она мягко сжала его руку, придвинувшись ближе. – Я уже там.

Он напрягся. Она говорила слишком смело, слишком открыто. Он избегал смотреть ей в глаза, но руки не убирал.

– Елена, – прошептал воин. – Я... Я...

Внезапная суматоха впереди отвлекла их. Елена почувствовала, как ладонь Эр’рила выскользнула из ее пальцев, когда из-за поворота коридора показались Джоак и ученый брат из книгохранилища. За ними спешили два стражника, которые волочили за собой связанную девушку.

При виде сестры Джоак широко раскрыл глаза и ускорил шаг.

– Я поймал преступницу! – заявил он на одном дыхании, мотнув головой в сторону стражников.

– Что? – не понял Эр’рил, невольно делая шаг вперед, чтобы закрыть Элену.

Джоак выставил перед собой длинный черный кинжал, держа его на раскрытых ладонях.

– Она хотела украсть его, но попалась! – И шагнул в сторону, чтобы Елена могла рассмотреть злоумышленницу.

Девушку толкнули так, что она упала на колени, но, хотя и ударилась о твердый камень, не издала ни звука. Только опустила голову так, что волосы скрыли лицо. Ее одежда – плащ поверх свободной рубахи и облегающие штаны – несли следы тщательного обыска: прорехи, оторванные карманы, вспоротая подкладка.

– Она притворялась кухонной прислугой, – сказал Джоак дрогнувшим голосом.

– Но это еще не все, – вмешался пожилой ученый в коричневом балахоне. Как припомнила Елена, его звали брат Рин, он служил главным библиотекарем замка. Старик подошел к девушке, прикоснулся к ее затылку. – Самое любопытное... самое любопытное... Я думал, они давно исчезли.

– О чем вы, брат Рин? – поторопил его Эр’рил.

– Когда мы обыскивали ее, то наткнулись кое на что... – Пожилой ученый мягким движением сдвинул в сторону прядь темно-рыжих волос за ухом девушки. – Вам знаком этот символ?

Эр’рил подошел поближе, нагнулся. Не отстававшая от него Елена заглянула через плечо воина. За ухом пленницы ясно виднелась крошечная татуировка – кинжал, обвитый змеей.

– Отметка касты... – нахмурился Эр’рил, выпрямляясь. – Касты убийц.

– Как у Кассы Дар? – Елена вспомнила похожую татуировку у болотной ведьмы. – Но я думала, после падения замка Дракк их больше не существует.

– По всей видимости, отравленные семена упали на плодородную почву и частично возли, – с отвращением сказал Эр’рил. – Но с чего это она напала на нас?

Элена опустилась на колени перед девушкой, приподняла ее подбородок, чтобы заглянуть в глаза, и была поражена их насыщенным темно-синим цветом и поселившейся там глубокой безнадежностью.

– Кто послал тебя? – мягко поинтересовалась она.

Девушка молча смотрела в сторону.

– Она отказывается говорить, – вмешался Джоак. – Мы уже задавали ей те же вопросы.

Судя по синяку на щеке и разбитой губе, с убийцей не слишком церемонились, допрашивая. Элена нахмурилась. Она не ощущала в девушке вражды, только глубокое отчаяние. Прищурившись, ведьма продолжала:

– Как тебя зовут? Если, конечно, это не страшная тайна.

– Ее имя – Марта, – опять встрял Джоак.

Элена глянула на брата, но тут девушка негромко произнесла:

– Нет. На самом деле меня зовут – Кесла.

– Кесла?

Девушка кивнула и вдруг быстро, с мольбой заговорила:

– Я прошу вас, позвольте мне уйти. Верните мой кинжал, и я исчезну с этого острова навсегда.

– Вот это вряд ли, убийца, – фыркнул Эр'рил. – Ты исчезнешь в наших темницах.

Кесла, не обращая на него внимания, не сводила глаз с Элены.

– Я не хотела причинить вам вред... По крайней мере, на долгий срок. Я воюю не с вами.

– А с кем же?

– Глава касты запретил мне говорить, – пробормотала девушка, рассматривая камни под ногами.

Вздохнув, Элена поднялась.

– Моя башня рядом. Может быть, продолжим беседу там?

– Не вижу смысла, – возразил Эр'рил. – Отправь ее в подземелье. У нас на сегодня слишком много дел, не терпящих отлагательства.

Элена видела, что Джоак помог пленнице подняться на ноги. Кесла бросила на юношу быстрый взгляд и отвернулась, а он, проглотив комок в горле, передал ее стражникам. Элена догадалась, что взаимоотношения ее брата и девушки сложнее, чем кажутся на первый взгляд, и громко объявила:

– И все же я хочу расспросить ее подробнее.

Обойдя Эр'рила, она решительно направилась к башне.

Воин пробурчал что-то невразумительное, но пошел следом. Остальные потянулись за ними. У самого входа в башню брат Рин извинился и ушел в книгохранилище, а оставшиеся продолжили подъем, не говоря ни слова.

Шагая вверх по ступенькам, Элена терла правую ладонь левой, вспоминая острую боль, с какой магию вырывали из ее тела. Зачем было совершено покушение? Вот тайна, требующая осмысления. Когда-то другой член касты убийц, Касса Дар, лишила ее магической силы при помощи настоя болотных трав, заманив в трясину и хляби Топей якобы для исцеления. А чего хотела каста на этот раз? Ответ необходимо было найти до того, как отправиться в путь.

Наконец они дошли до верхней площадки длинной лестницы. Два внимательных стражника вытянулись в струнку, держа копыя наготове. Элена кивнула, и один из них с усилием отворил дубовую, окованную железом, дверь.

Ведьма вошла первой, знаком приказав Эр'рилу зажечь свечи. Джоак тем временем занялся растопкой камина.

– Я сама поговорю с ней, – сказала Элена охранникам. – Можете возвращаться к своим обязанностям.

Поколебавшись мгновение, старший из стражников поклонился, и оба они вышли. Элена закрыла дверь и подвела Кеслу к скамейке у огня, только что разведенного Джоаком.

Когда убийца села, Эр'рил встал слева от нее, хмурясь и сжимая рукоять меча. Джоак пристроился рядом, облокотившись о каминную доску, не выпуская из рук кочерги. Он угрюмо смотрел на пламя.

Элена опустилась на колени перед скамеечкой Кеслы.

– Расскажи мне о себе. Откуда ты приехала?

Девушка глянула на нее и отвернулась.

– Она из селения близ Южных Пустошей, – ответил за нее Джоак, а потом добавил с горечью в голосе: – Если это не очередная ложь.

– Никакая это не ложь! – пылко возразила Кесла.

Нахмурившись, Элена посмотрела на Эр'рила. Южные Пустоши? Может быть, это опять знак, указывающий, что одни из врат находятся на дальнем юге?

Воин равнин прочитал вопрос в ее взгляде и пожал плечами.

– Мне нужно вернуть кинжал из «ночного стекла», – с отчаянием проговорила Кесла.

– Зачем? Если ты не стремилась нанести мне вред, то почему не хочешь назвать цель твоего появления здесь?

– Я поклялась... Я не имею права...

Элена вздохнула и, не вставая с пола, села на корточки. Несколько томительных мгновений она размышляла.

– Если хочешь добиться от нее ответов, – проговорил Эр'рил, – у нас найдется достаточно пыточных инструментов – наследство Темного Властелина.

Опешив, Элена подняла на него глаза, но воин, стоя за спиной Кеслы, незаметно подмигнул – он вовсе не собирался прибегать к пыткам, но пленнице знать об этом было обязательно.

Успокоившись, Элена решила подыграть ему.

– Ну, Эр'рил, я не знаю, придется ли нам использовать крайние меры...

Убийца напряглась и застыла.

– Итак, Кесла, – начала ведьма, – хоть мы и не собираемся причинять тебе вреда, но и оставить без внимания твой поступок не можем. Ты же меня понимаешь... – Губы девушки скривились. – Давай начнем сначала. Если ты не можешь открыть причину своего поступка, то расскажи немного о себе. Как ты попала в касту убийц? Где ты обучалась?

– Я не помню, – понурилась Кесла, – как я оказалась в Альказаре, цитадели касты, крепости из песчаника. Мне говорили, что глава касты нашел меня десять зим тому назад, совсем маленьким ребенком. Я потерялась в песках Пустошей. Но не знаю, правда ли это.

– А как же твоя метка? – прорычал Эр'рил в притворном гневе. – Твоя татуировка убийцы? Кинжал, обвитый змеей!

Элена вспомнила знак, который несла Касса Дар. Кинжал, обвитый ядовитой лианой, – отметина убийцы, главным образом использующего яды.

– Я обучалась искусству скрытного передвижения, – пояснила Кесла. – Входить невидимкой, уходить, не выдав себя. Змея символизирует хитрость.

– Одним словом, ты – вор, – насмешливо фыркнул Эр'рил.

Девушка обернулась, чтобы посмотреть на него, и воскликнула:

– Я не просто вор! Десять зим меня обучали навыкам убийцы!

– Тебе случалось убивать? – с нескрываемым презрением спросил Эр'рил.

– Не кровь на руках создает убийцу!

Поверх ее головы воин кивнул Элене, призывая продолжать.

– Итак, – примирительным тоном заговорила ведьма, – ты явилась из Альказара, что в Южных Пустошах, притворилась кухонной служанкой и просочилась через все армии, охраняющие остров. Впечатляет... Тебя, наверное, хорошо учили.

– Да, – гордо ответила южанка. – Глава касты мастер Белган – один из лучших наших наставников.

– Значит, ты, подобно змее, проникла к нам и затаилась, выжидая подходящего случая. Кесла кивнула.

– И когда случай подвернулся, – почти закричал Эр'рил, – ты взяла кинжал и вонзила его в отпечаток ладони Элены, отбирая ее силу, причиняя ей боль!

– Я... – Девушка съежилась от его жестких слов. – Я не думала... Я не хотела... – Слезы хлынули из ее глаз.

– Не нужно, Эр'рил. – Елена положила ладонь на колено Кеслы. – Я понимаю, у тебя была какая-то очень важная цель. Вот если бы ты поделилась с нами, то, возможно, мы сумели бы как-то помочь.

– Я... Я не могу... – всхлипнула девушка.

– Неужели твоя клятва важнее выполненного задания? – прошептала ведьма. – Если ты нарушишь клятву, то выполнишь поручение. По-моему, цена не слишком высока.

Кесла подняла глаза на Элену. Нерешительность и на-дежда смешались в ее взгляде.

– А если... Если я все вам расскажу, вы позволите мне забрать кинжал и уплыть с острова?

– Если твоя цель благородна, я подумаю.

Девушка сжалась в комок, а потом прошептала горько:

– Кинжал мне нужен, чтобы убить чудовище.

Элена озабоченно глянула на Эр'рила, но тот кивком показал, чтобы она продолжала разговор сама.

– Что за чудовище? – спросила ведьма.

– Мерзкая тварь, обосновавшаяся в развалинах Тулара. – Кесла попыталась глубже вжаться в скамейку.

Элена сжала кулаки, услышав название одной из крепостей на Южной стене.

– Тулар? – подбодрила она собеседницу. – Это на северной оконечности Пустошей?

– Да. От руин начало распространяться разложение, гниль отравила источники и домашний скот. Сотни людей умерли от болезней и голода.

– И вы решили, что мор насылает какая-то тварь?

– Крылатый демон с бледной кожей, – кивнула Кесла. – Он явился как-то ночью в один из поселков. И потребовал дань с жителей пустыни. Если люди откажутся, пригрозил он, то порча будет шириться до тех пор, пока в Пустошах не вымрут все. – Она поглядела на Элену, потом снова уставилась в пол. Ее голос дрогнул. – У людей н-не осталось выбора. Каждую полную луну они стали отправлять дань в развалины Тулара, чтобы уменьшить алчность чудовища. Иначе гибель ждала бы всех.

– И сколько они платили?

Кесла затрясла головой, из ее горла вырвались глухие рыдания.

– Объясни нам, – попросила Элена. – Мы хотим понять.

– Этой данью... Этой данью были дети.

– Что?! – Элена не смогла сдержаться.

– Каждую полную луну, – Кесла горестно покачнулась на скамейке, – оно требовало тридцать детей. По одному за каждый день месяца.

– Добрая Матушка... – пробормотал Джоак, отрывая наконец взгляд от огня.

– Однажды, – продолжала Кесла, – несколько деревенских старейшин приехали в Альказар с выюками, набитыми золотом и драгоценными камнями. Они попросили помощи касты. Хотели, чтобы мы убили чудовище. Но как только мастер Белган услышал их историю, то отказался от платы...

– Настоящий убийца, – фыркнул Эр'рил. – Все их племя – трусы в душе. Только и могут, что красться под покровом ночи.

– Нет, вы не поняли, – нахмурилась Кесла. – Он отказался от золота. Но не от просьбы. Из всего привезенного он выбрал лишь одну вещь.

– И что же? – спросил Джоак.

Девушка повернулась к брату Элены и взглядом указала на пояс, где висел кинжал из «ночного стекла».

– Это – сокровище, равное по ценности всему остальному предложенному богатству. Но мастер Белган выбрал кинжал не из-за его ценности. Один из старейшин оказался шаманом. Его гадальные кости сообщили ему: только этот клинок способен поразить чудовище.

– Почему? – Джоак прикоснулся пальцами к рукояти.

– Кинжал уже использовали прежде, чтобы убить чудовищную тварь, защищавшую тиранов Тулара. Наши люди тогда обрели свободу. Шаман считал, что успех можно повторить.

– Я не понимаю, – вздохнула Елена. – Зачем нужно было приносить кинжал сюда?

– Шаман и мастер Белган провели половину луны, изучая старинные свитки и бросая гадальные кости. Они узнали, что тварь, когда-то жившая в Туларе, была защищена прочной броней. Даже такой кинжал не способен пронзить ее без... – Кесла повернулась к Элене, – без омовения клинка в крови ведьмы. Так можно втянуть в кристалл ее магию. В далеком прошлом людям помогла кровь Сиса'кофы.

– Ведьмы духа и камней, – выдохнул Эр'рил.

– И моего предка, – добавила Елена.

Кесла кивнула.

– Слава о вашей победе распространилась по свету – новая ведьма, появившаяся в нашем мире. Осыпавшиеся курганы я миновала на быстром скакуне, а через море перебралась на лодке. Мастер Белган повелел мне искать кровавый след ведьмы. Обнаружив его, я должна была пронзить его кинжалом и оставить на одну ночь. Тогда лезвие напиталось бы магией. После этого у нас появилась бы надежда справиться с чудовищем Тулара.

Элена украдкой потеряла ладонь, вспоминая мучительное ощущение утечки магии. Кинжал втянул в себя ведьмин огонь.

– Расскажи нам еще об этой твари.

– Только один человек видел ее, – содрогнулась Кесла. – Тот, кто ведет к нему детей на верную погибель. Всем, кто захотел услышать, он рассказал об ужасном звере, прячущемся в древней крепости. – В голосе девушки зазвенел страх. – Это вампир Тулара, возродившийся заново после многих столетий. Он вернулся, чтобы уничтожить наши земли.

– Вампир Тулара?

– Зверь, некогда хранивший Тулар. – Кесла повернулась к Джоаку. – Его изображение на рукояти кинжала.

Брат Элены вытащил кинжал. Оперенный змей обвивал рукоять, открыв морду-клюв в беззвучном, но злобном шипении. Василиск, древний символ Тулара!

Резко поднявшись на ноги, ведьма обратилась к Эр'рилу.

– Я уверена, это врата Вейра! – Воин кивнул. – И дети... Эбеновый камень всегда жаждет крови. – Она побледнела от одной только мысли о жертвоприношениях.

– Это все, что я знаю, – проговорила Кесла. – Меня ждет лодка, чтобы увезти обратно в Альказар. Кинжал нужно вернуть мастеру Белгану.

– И ты вернешь его, – твердо заявила Елена.

– Вы отпустите меня? – распрямилась Кесла.

– Да. Но я доставлю тебя к крепости быстрее, чем какая бы то ни было лодка или конь. Завтра на заре один из кораблей элв'инов отправляется к Южным Пустошам. Мы и так собирались отыскать и уничтожить ту тварь, что истребляет ваш народ. – Глаза убийцы расширились от удивления. – В благодарность за свободу я прошу тебя дать новую клятву, мне. Обещай привести наш корабль в Альказар и убедить касту принять нашу помощь в борьбе с этим проклятием. Ты можешь пообещать мне?

– Я могу только пообещать быть проводником до твердыни, – склонилась Кесла. – Но я не уполномочена говорить за мастера Белгана. От имени касты решает он.

– Что ж, по крайней мере честно! – Елена кивнула Джоаку. – Развяжи ее и отведи на «Яростного орла». Представишь ее принцу Ричалду и передашь ему мои распоряжения. Мы с Эр’рилом повидаемся с ним позже, чтобы обсудить подробности предстоящего похода.

Джоак торопливо развязал путы Кеслы. Она поднялась, растирая запястья, но, когда потянулась к кинжалу на поясе юноши, брат ведьмы отстранился.

– По-моему, он должен пока побыть у меня. Так надежнее. Кажется, в этом замке слишком много вора.

Он сурово посмотрел ей в глаза.

– Мне очень жаль, – покраснела Кесла, – что мне пришлось лгать вам, лорд Джоак.

– Я не лорд, – устало возразил он. – Когда ты прекратишь называть меня лордом?

– Когда ты прекратишь называть меня воровкой, – дерзко отвечала девушка.

– Ну ладно. Ты – не воровка, ты – убийца. Так лучше? – Юноша закатил глаза, шагнул к Элене и отвел ее в сторону. – Эл, у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Я хотел бы, – он стиснул рукоять кинжала, – отправиться в это путешествие на «Яростном орле».

– Что? Почему?

Джоак оглянулся на Кеслу.

– Поскольку я спас кинжал, то, думаю, должен за ним присматривать.

– Почему?

Настал черед Джоака краснеть.

– Ну, это всего лишь... Ладно, я имею в виду... Мне кажется, что кинжал не просто так попал мне в руки. – Он раздраженно вздохнул. – Трудно объяснить. Но я думаю, что должен ехать.

Элена вспомнила, как совсем недавно приводила такой же точно маловразумительный довод в разговоре с Эр’рилом. Похоже, судьба вознамерилась разделить их, разбросав по свету.

– Ты достаточно взрослый, чтобы принимать самостоятельные решения, Джоак. Если ты чувствуешь, что это путь, по которому ты должен следовать, я не стану тебя переубеждать.

Юноша улыбнулся и порывисто обнял сестру.

– Спасибо, Эл. Я знал, что ты меня поймешь.

– На самом деле я ничегошеньки не поняла, – шепнула она ему на ухо. – Я бы оставила тебя здесь. – В душе она не хотела, чтобы Джоак куда-либо уезжал, но как она могла запретить ему, если сама вознамерилась покинуть остров? Девушка крепко обняла брата, будто этим могла защитить его. Но она знала, что это, увы, невозможно. – Только обещай мне, что вернешься.

– Не волнуйся, я вернусь. – Джоак настойчиво высвободился и хотел уже уходить, но Эр’рил взял его за плечо.

– Прежде чем ты уйдешь, я хотел бы перекинуться с тобой парой слов.

– О чем? – Юноша поднял бровь.

– Следи за ней внимательно. – Эр’рил кивнул на Кеслу, стоявшую у дверей.

– Почему?

– Я видел, как ты смотрел на нее. Видел облегчение в твоих глазах после ее рассказа. Но не позволяй своему сердцу затмить разум.

– Я не собирался...

– Когда-то ты принял меня за слугу Темного Властелина. – Эр’рил сжал его плечо. – А теперь ты готов без размышлений поверить в историю убийцы. Вот тут-то и может таиться ловушка.

На лице Джоака отразилось смущение.

Элена дернулась было, чтобы опровергнуть подозрения Эр'рила, но сдержалась. Хотя она не ощущала в этой девушке угрозы, а только затаенный страх за свой народ, немного осторожности не повредит.

Джоак посмотрел на Элену, прочитал одобрение в ее глазах и вздохнул, напустив на лицо строгость.

– Я буду очень внимательным. И сердцем, и разумом.

С этими словами он отвесил прощальный поклон Элене и Эр'рилу и пошел прочь, уводя за собой Кеслу. Элена смотрела ему вслед, и сердце ее тревожно щемило.

Кроме нее в гостинной остался один лишь Эр'рил.

– Согласись, – спокойно сказал он, читая ее мысли, – не очень-то легко наблюдать, как кто-то, кого ты любишь, отправляется навстречу опасности?

Она оперлась на его руку, слишком усталая и расстроенная, чтобы спорить.

За много лиг от них, в пещере, укрытой глубоко в чащобе Каменного леса на северном побережье, одинокий человек сгорбился над маленькой дырой, вырубленной в гранитном полу. Нараспев произнося заклинание, он вливал жидкое серебро из сосуда в отверстие, заполняя его до краев. В скудном освещении, дарованном пасмурным небом, гладкая поверхность сияла как зеркало, отражая лицо колдуна.

Хмурясь и подозрительно щури белесые глаза, человек наклонился пониже, изучая собственное отражение. Кривой палец обвел очертания древнего изможденного лица. Сбросив капюшон, человек обнажил голый череп, украшенный всего лишь несколькими седыми волосками.

– Скоро... – пробормотал он.

Шуршание у входа в пещеру привлекло его внимание. В светлом проеме черным силуэтом вырисовывалась коренастая фигура его слуги. Ростом это существо не доставало человеку и до пояса, но состояло из крепких костей и мускулов. Мало кто, кроме коротышки гнома, мог выжить в отравленном лесу, окружавшем пещеру. Простое колдовство подчинило его человеку.

– Подойди ближе, Рукх! – резко бросил колдун.

Гном проворчал что-то. У этого племени разума было не больше, чем у дрессированной свиньи, но зато они отличались изрядной силой и напористостью. Гном вошел в пещеру. Вблизи его лицо сильно напоминало поросычье рыло. Будто бы кто-то основательно приложился по нему дубиной. Глаза словно отшлифованная черная галька, а под ними расплюснутый нос. По обе стороны от голого черепа торчали уши, казавшиеся чужеродными наростами.

– Ты принес то, что я приказал?

Рукх принудил свой толстый язык проталкивать слова всеобщей речи сквозь желтые гнилые клыки.

– Да, м-мастер Гр-рэшим.

Его зловонное дыхание чувствовалось даже на большом расстоянии.

«Воняет, как мокрый козел», – подумал Грэшим, сморщив нос.

– Тогда оставь и убирайся! – приказал он.

Дернув бочонкообразным плечом, Рукх скинул добычу к ногам хозяина. Шея оленухи выгнулась под неестественным углом, свернутая могучими руками коренастого гнома. Грэшим одобрительно кивнул. Слуга, должно быть, забрался далеко, чтобы найти зверя, не тронутого порчей.

Отойдя от пещеры, Рукх остановился, вдыхая аромат свежего мяса. По его подбородку текли слюни. Маг живо представил себе, какой пыткой для этого недалекого существа было удержаться и не сожрать добычу на месте. Быстрым движением обнажив длинный кинжал с наконечником в виде розы, Грэшим приступил к свежеванию оленухи – прежде всего следовало извлечь сердце. К тому времени, как он закончил, его рукава пропитались кровью. Вытащив

еще теплый орган из вскрытой грудной клетки, колдун поманил культей второй руки Рукха, разрешив ему забрать остальное. Все, в чем нуждался Грэшим, он получил.

Гном со всех ног кинулся в пещеру, впиваясь когтями в мясо.

– Сладкое мясо... – рычал он, утаскивая награду.

Грэшим не стал отвлекаться на хруст костей и чавканье, а вернулся к сосуду с живым серебром.

Подняв сердце оленухи, он выдавил кровь на блестящую поверхность. Алая влага растеклась, пятная серебристый слой жидкого металла. После маг коснулся края зеркала пальцем, прошептав всего лишь одно слово. Имя.

– Шоркан.

Кровавое пятно заволновалось и создало подобие окна в иное место мира. Ожившая картинка показывала одетого в белое человека, который стоял на берегу, устланном черным песком, и глядел на юг. Губы Шоркана беззвучно шевелились. Позади него виднелся черный конус вулкана Блэкхолл, изрытого ходами, лазами и пещерами наподобие огромного муравейника. Грэшим прекрасно знал, что на нижних уровнях располагалось подземелье, служившее обиталищем самому Темному Властелину. Над вулканом поднимался ввысь черный столб дыма, казалось, стремившийся окрасить в мрачные тона само небо. Дым подпитывался не только вулканическими силами, создававшими поток пепла и копоти, но и бесчисленными кузницами, устроенными в горе и отравлявшими мир темной магией.

Вытянув шею, Грэшим выглянул из пещеры. Даже отсюда, хотя от моря его отделяли лиги пути, он видел черный столб, поднимающийся над горизонтом. Южный ветер беспрестанно нес дым и пепел сюда, к лесу, делая его непригодным для жизни любого существа, кроме устойчивых к ядам тварей, наподобие гнома Рукха, который пришел сюда в поисках убежища. Конечно, эти земли не всегда были отравленными. Когда-то давно, еще до первого извержения вулкана, здесь рос живой лес. Но беспощадное порождение пламени Блэкхолла за одну-единственную ночь выжгло деревья раскаленным пеплом и ядовитым дымом, уничтожив все живое и превратив цветущие растения в каменные изваяния.

Грэшим и поселился-то в лесу потому, что остаточная магия, принесенная ветром из Блэкхолла, ощущалась здесь повсюду. Она помогала восстанавливать его колдовскую силу, изрядно подрасстроченную в сражении месяц назад. Измученный и ослабевший маг едва доковылял до этого ядовитого местечка. Долгими днями он блуждал в лесу, еле живой, почти ослепший, и впитывал магию Блэкхолла, постепенно накапливая силы.

И вот наконец он готов был оставить добровольное изгнание и вернуться, чтобы отомстить.

Живое серебро показало, как его бывший соратник-колдун внезапно обернулся, оторвавшись от созерцания побережья, и вперил взгляд в Грэшима. Съежившись, темный маг взмахнул рукой, стирая изображение. Он чуть не выдал себя, Шоркан, должно быть, ощутил слежку. Но теперь Грэшим, по крайней мере, знал, где прячется один из его врагов – в Блэкхолле.

– Значит, Шоркан, ты все еще зализываешь раны... – злорадно прошептал чародей.

Он успел заметить темные следы ожогов и бледную недавно зажившую кожу, уродующие некогда красивое лицо Шоркана. Даже любимчика Темного Властелина порядочно потрепали в сражении на А'лоа Глен.

– Замечательно. – Грэшим позволил себе улыбнуться одними губами.

Привлекательное, юное лицо Шоркана всегда раздражало его. Хотя старинное заклинание вдохнуло в каждого из них вечную жизнь, для обитателя пещеры что-то пошло не так. В то время как возраст Шоркана не менялся, плоть Грэшима старела и дряхлела, как у обычного человека, и только смерть избегала его. Он улыбнулся шире и захихикал. Его смех походил на кудахтанье тощей курицы.

«Теперь Шоркан знает, что значит быть уродом».

Сдавлив сердце оленухи, Грэшим повторил заклинание. Теперь он макнул палец в жидкое серебро и произнес другое имя:

– Елена.

Кровь заволновалась, создавая новое изображение. Грэшим приподнял брови, удивившись открывшемуся зрелищу. Огненноволосая ведьма стояла у релинга могучего корабля, а позади нее возвышались три мачты. Но моря не было видно. Тогда маг догадался, что она, скорее всего, на борту одного из элв'инских воздушных судов. Он прикинул положение солнца. Курс судна лежал на восток. Значит, прочь от Аласеи? На щеке ведьмы блестела слеза, прокладывая мокрую дорожку. Старый маг снова улыбнулся. Она что, решила удрать? Покинуть Аласею?

Он изменил угол зрения зеркала. Вдали, на фоне городских шпилей и башен, от острова отбывали еще два воздушных судна. Они стремились в разные стороны: одно – на север, второе – на юг. Грэшим заметил, что ведьма следит за кораблем, отбывающим к югу. Он видел, как задрожали ее губы. И хотя он не мог расслышать звуков, но без труда прочел произнесенное имя: «Джоак!»

Единственный кулак Грэшима сжался. Брат ведьмы! Проклятый мальчишка, который дважды умудрился помешать магу и даже расщепил его посох во время их последней схватки.

«Значит, брат и сестра разлучились, – подумал он, продолжая глядеть в зеркало. – Пытаются избегнуть мести Гал'готы».

Согнувшись над ямкой с живым серебром, Грэшим впился глазами в крошечный кораблик, мчащийся на юг. Он следил за ним, пока магия не истаяла и изображение снова не превратилось в кровавое пятно. Часто дыша, колдун отстранился от зеркала. Можно было попытаться в третий раз сотворить чародейство, чтобы как можно точнее разузнать путь Джоака, но он не осмелился расходувать силы на очередную слежку. Не сейчас, когда предстоит еще одно, весьма трудное, дело.

Со скрипом и хрустом в суставах колдун распрямился, подошел к стене пещеры и взял в руки новый посох. Изготовленный из сердцевины одного из ядовитых каменных деревьев, он напоминал цветом светлую древесину ясеня, но был куда тверже. Грэшим погладил ладонью каменную поверхность, за столетия пропитавшуюся отравленным пеплом и избыточной магией. Кончики пальцев начало покалывать. Усиленный заклинаниями новый посох превосходил прежний, сделанный из дерева пой. Возможно, Джоака следовало поблагодарить за то, что он избавил мага от старого оружия.

Грэшим шагнул к выходу из пещеры в серый мутный свет.

– Рукх, ко мне!

Коротышка оторвался от пожирания оленьего брюха, вытер губы тыльной стороной ладони и с тоской поглядел на объедки. Голод правил его существованием, но неповиновение хозяину могло оказаться куда страшнее. Волоча ноги, Рукх приблизился.

Посохом Грэшим очертил на земле круг, в середине которого оказались они оба.

Еще немного магии! Прикрыв веки, он произнес заклинание переноса. Почва внутри круга стала вдруг черной, словно горное масло. Не обращая внимания на дрожащего гнома, Грэшим повернулся лицом к югу. Прищурился, будто вглядываясь в даль, потом, довольный, кивнул и взмахнул посохом. Стукнул им о землю. Почва разверзлась под ногами, и темный маг вместе с гномом провалились во тьму.

В голове исчезающего Грэшима огнем горела одна лишь мысль: «Отмщение!»

Книга вторая

Замок Мрил

Глава 5

В предрассветных сумерках усталая и залитая кровью Мисилл опустилась на колени у воды. Ее мерин, Гриссон, стоял рядом, бока его вздымались, золотистая шкура взмокла после долгой утомительной скачки. Он потянулся губами к воде, но Мисилл дернула повод. Не следует поить холодной водой разгоряченную лошадь, если не хочешь ее потерять. А до лагеря еще больше лиги.

Подняв голову, она прислушалась к звукам погони. Где-то глубоко в чаще пропел рожок. Довольно далеко к северу. Мисилл облегченно вздохнула. Когда она поднималась, хруст ветки заставил ее развернуться, мгновенно выхватить парные мечи и замереть. Клинки отразили яркий свет луны.

В кустах бузины сверкнули два янтарных глаза, а перед мысленным взором воительницы вспыхнула картинка: два усталых волка приветствуют друг друга на тропе, толкаясь носами и облизывая уши друг другу.

– Благодарение Доброй Матушке, – сказала Мисилл, вкладывая мечи в ножны, поскольку узнала знакомое обращение. Затем на безмолвном си'лурийском языке она вернула образ: «Здравствуй, Фардейл».

В ответ из зарослей, настолько тихо, что не шелохнулся ни один листок, выскользнуло гибкое тело. На ветку перед этим Фардейл наступил вовсе не случайно, а чтобы привлечь к себе внимание.

Огромный древесный волк, хоть и выбрался из кустарника, оставался почти невидимым под темным пологом леса. Его шкура, испещренная золотыми и медными пятнами, сливалась с пестрыми тенями, а потому, казалось, принадлежала скорее призраку, чем живому существу. Чего нельзя было сказать о ярких глазах – словно высеченных из гранита. Нынче ночью Мисилл и Фардейлу посчастливилось выжить.

– Я думала, ты погиб, когда на нас напали, – сказала воительница.

Фардейл глянул на нее и по-волчьи напряг холку, мягким шагом подступая к воде. Он всего лишь смочил язык, прекрасно зная, что после длительного бега лучше воздержаться от питья. Затем уселся на задние лапы и наострил уши, ловя звуки, разносящиеся над рекой.

– Они далеко, – заметила Мисилл. – Думаю, мы оторвались.

Волк повернулся к ней, устанавливая зрительную связь, – так он мог общаться. Пришел образ: разъяренный, злобный зверь рыщет, приюхиваясь, по лесной чаще. Фардейл не ошибался. Погоня так просто не отстанет. Их единственная надежда на спасение – достигнуть лагеря, разбитого у подножия Камня Тора, и поискать иной путь в замок Мрил. Лес впереди слишком опасен.

Три ночи назад они с Фардейлом оставили друзей, чтобы разведать обстановку к северу от Ледяной реки, но столкнулись с отрядом д'варфов. Пришлось убегать, спасая свои жизни. К счастью, разбойники не захватили с собой ни одного грима. Ни волк, ни всадница не спаслись бы, повстречайся они с этими измененными Темной Чащей сущностями.

С прошлой луны лорд Тайрус уверенно вел отряд на север сквозь чащобы Западных Пределов. Достигнув Камня Тора, остроконечной скалы в месте слияния Ивового потока с Ледяной рекой, они разбили лагерь. По сведениям, полученным от звероловов и охотников, леса к северу от Ледяной реки стали опасными как для человека, так и для зверя. У походных костров

шепотом рассказывали о странных огнях, заманивающих путников прямоком в лапы погибели, о пронзительных воплях, услышав которые даже самые сильные мужчины падали в ужасе на колени, о деревьях, искривленных и изуродованных, будто замученных до смерти.

Мисилл и Тайрус догадывались, о чем идет речь. Мрачные призраки Темной Чащи действительно распространились по всем лесам Западных Пределов. Если им не воспрепятствовать, то их прикосновения очень скоро изменят великий лес. Даже сейчас, подумав об этом, Мисилл сжала кулаки. Она не допустит, чтобы такое произошло. Но единственная надежда на успех – достичь замка Мрил и восстановить разрушенную Северную стену, которая служила преградой между зараженной Темной Чащей и просторами нетронутых лесов. Мисилл глянула на стремительный поток Ледяной реки и мрачный лес на том берегу. Придется искать другой путь к замку.

Неожиданно Фардейл оказался рядом, будто соткавшись из капелек тумана. Его низкий рык предупреждал об опасности.

Мисилл, не мешкая, выхватила мечи.

– Что такое, Фардейл? – прошипела она.

Чутье волка все же превосходило ее собственное.

На своем предплечье Мисилл почувствовала шевеление и легкое касание чешуи. Скосив взгляд, она увидела, что лиловая с голубыми и зелеными полосками змейка, обвившаяся вокруг ее руки, зашевелилась и приподняла голову. Даже пака'голо, змея-целительница Мамы Фреды, предчувствовала беду.

Мисилл прислушалась к лесу. Прижавшийся к ее колену Фардейл настороженно вздыбил холку.

Долго ждать не пришлось. Усиливающийся ветер пробежал по древесным кронам. Листья затрепетали, сухая хвоя дождем посыпалась вниз. Вслед за этим по лесу раскатился зловещий стон, проникающий в плоть до самых костей. Мисилл задрожала. То, что приближалось к ним, имело сверхъестественную природу.

– Бежим! – крикнула воительница. – Пробираемся к лагерю!

Пока Фардейл мялся в нерешительности, Мисилл запрыгнула на Гриссона.

– Побег – единственный путь к спасению!

Стенание перешло в пронзительный вопль.

– Призрак-грим! – силясь перекричать врага, возвысила голос Мисилл. – Бежим! Сражаться с ним невозможно!

Она натянула поводья, разворачивая Гриссона. Конь выпучил глаза от страха. Пена хлопьями летела с его морды. Мисилл изо всех сил ударила мерина пятками, но тот дрожал, не двигаясь с места. Она хлестнула коня по крупу, но он лишь присел – должно быть, оцепенел от ужаса.

Отбежавший на несколько шагов Фардейл вернулся, наблюдая, как Мисилл борется с Гриссоном. Быстро сменяющие друг друга картинки поплыли в ее сознании. Олень, обомлевший при виде волка. Человек, вставший на четвереньки и превратившийся в белого волка, стремительно убегает прочь.

Мисилл застонала сквозь зубы и вновь ударила коня пятками, но Гриссон только вскинул голову, испуганно заржав. Фардейл был прав. Мерин полностью подчинился крику призрака. Воительница соскользнула с седла. Если спастись можно лишь бегством, то как это сделать?

Она попыталась погладить морду Гриссона, чтобы успокоить коня, но тот клацнул зубами. Животное совсем обездумело от страха. Надежды нет. Мисилл потянулась к седельной сумке, но рычание Фардейла остановило ее.

Си'лтура опустила руку. О чем она только думает? Наверное, слишком долго пробыла в человеческом облике и мыслить стала соответственно. Ей не унести с собой ни припасов, ни оружия.

Мисилл наклонилась к древесному волку.

– Бежим! – сказала она, начиная преобразование.

Под ее кожаным доспехом и нательным бельем плоть расплавилась, потекла, кости изменились и преобразились. Поводя плечами и освобождаясь от человеческого одеяния, она упала на локти и колени. По ее коже пошел зуд, мгновенно выросла снежно-белая шерсть, появились когти, а звериная морда втянула холодный воздух. Через обновленные глаза мир воспринимался гораздо ярче, а в ноздри ворвались незаметные ранее запахи следов и мускуса.

Уши терзал крик призрака-грима. Он был уже совсем рядом. Мисилл бросила последний взгляд на Гриссона, кучу сброшенной одежды и перекрещенные ножны с мечами. Она почувствовала боль потери – будто оставляла часть себя, но времени на переживания уже не было. Все, что ей позволено унести с собой, – это маленькая змея, зарывшаяся в мех на передней лапе. Пака'голо нельзя было терять ни при каких обстоятельствах. Змейка помогла ей воскреснуть в Порт-Роуле, и с тех пор магические укусы поддерживали жизнь воительницы.

Со всех ног она рванула мимо Фардейла. Прочь, в лес. Волк присоединился к ней. Теперь две стремительные тени мчались через чащу.

Внезапный крик коня, наполненный беспредельным страхом, коснулся сознания Мисилл. Она оглянулась и увидела, как сгусток темноты, словно оторвавшись от земли, атаковал несчастного Гриссона.

Острый нос волчицы уловил ни с чем не сравнимый запах лошадиного ужаса. Она чуть помедлила, повернувшись. «Беги», – мысленно умоляла она Гриссона.

Словно услышав ее призыв или переборов наконец оцепенение, конь кинулся под защиту леса. Но корни черной сосны, повинаясь воле призрака, вырвались из земли, опутывая ноги Гриссона. Он вновь заржал, и на этот раз в его голосе слышались безысходность и ожидание смерти.

Призрак накрыл пойманную в ловушку добычу. Когда он приступил к еде, ветви соседнего дерева, черной корявой сосны, скрючились от мучительной боли и сплелись в клубок. Дерево попало, как и лошадь. Гримпил жизнь из леса и из его обитателей, не делая между ними разницы. Зеленые сосновые иглы мгновенно пожелтели и осыпались к подножию ствола, лошадиная шкура обтянула кости. Призрак выпил их. Остов животного лежал под засохшим деревом. Так гримы обычно поступали с живыми.

Мисилл мчалась прочь, а крики умирающего коня звучали у нее в ушах. Но что она могла поделать? Только убежать подальше, прежде чем лесной призрак закончит трапезу и снова отправится блуждать по лесу в поисках очередной жертвы. Никто не знал, как победить грима. Ходили слухи, что оружием против него может послужить серебро, но, скорее всего, в этом не было ни толики правды. В замке Мрил воительницу учили, что единственный способ избежать смерти от магии грима – быть настороже. Нападению всегда предшествовали душераздирающие стоны. Острое ухо и быстрые ноги – лучшая защита.

Признавая мудрость этой простой истины, Мисилл мчалась за Фардейлом, ощущая устойчивый запах его следов. Большую часть долгой ночи два волка не останавливались, пересекая заводи и следуя по руслам ручьев, чтобы запутать возможных преследователей. И все время они прислушивались – не раздастся ли в чаще новый вопль грима. К счастью, ночная тьма оставалась тихой, почти беззвучной.

Они задержались ненадолго, чтобы перекусить маленьким зайцем, которого поймал Фардейл. Волчьему языку Мисилл вкус теплой крови и еще трепещущей плоти показался великолепным, лучше самых изысканных человеческих кушаний и напитков. Куда там молодому вину и седлу барашка! Несмотря на страх и усталость после долгого бега, си'лура не смогла сдержать дрожь удовольствия. Слишком давно она в последний раз жила свободной жизнью в теле дикого создания.

Скорее всего, Фардейл почувствовал ее восторг. Янтарные глаза сверкнули, сформировалась картинка: одинокий волк, усталый со стертыми лапами, возвращается к стае после долгой ночной охоты.

Она проворчала одобрительно. Да, с похожим ощущением приходишь домой.

Мелкие косточки и остатки шкуры съеденного зайца они закопали под кустом, чтобы скрыть запах, и вновь помчались, стремясь за один, последний переход достичь лагеря. Их лапы отматывали лигу за лигой. Мисилл и Фардейл взяли ровный размеренный темп и могли бежать так очень долго, почти вечно.

И все-таки, когда солнце поднялось из-за далеких гор и теплые рассветные лучи согрели Мисилл, она начала спотыкаться. Силы, казавшиеся неиссякаемыми, постепенно покидали ее. Даже Фардейл прихрамывал, вывалив язык, стараясь охладить разгоряченное бесконечным бегом тело.

Наконец впереди показалась гранитная башня, пронзающая полог леса, чтобы устремиться к небу. Камень Тора. Утреннее солнце, возвещая о начале нового дня, поднялось уже достаточно высоко, осветив скалистые уступы.

Обрадовавшись при виде цели их ночной гонки, оба волка помчались с удвоенными силами. Из-за волнения и восторга они ощутили разлитый в воздухе смрад лишь в нескольких шагах от поляны.

Фардейл замер как вкопанный. Мисилл припала к земле рядом с ним. Ее уши насторожились, улавливая хоть какой-нибудь шум, но не услышали ничего. Даже если бы люди спали, можно было бы уловить хоть какие-то признаки жизни. Неслышно ступая, она пошла вперед. Фардейл крался рядом. Что же это? Осторожно высунув морду из подлеска, желая рассмотреть лагерь, Мисилл застыла от увиденного зрелища.

Поваленные палатки, разорванные одеяла, мертвые люди и лошади в лужах запекшейся, остро пахнущей крови. Стаи отвратительных птиц, клюющих падаль, взлетели при ее приближении. Некоторые попытались пронзительными криками отогнать волчицу, но Мисилл не замечала их. Она целеустремленно двигалась вперед.

Тень от Камня Тора, вздымавшегося на востоке, все еще накрывала лагерь. В полумраке Мисилл и Фардейл пытались отыскать хоть кого-нибудь. Кто-то ведь мог выжить? Воительница наткнулась на секиру с короткой рукояткой, липкой от крови. Принюхалась. Мерзкая вонь д'варфов еще не выветрилась.

Мисилл приказала телу измениться. Для дальнейших поисков могли потребоваться руки, а не лапы. Нелегко оборачиваться дважды в день, но она заставила снежно-белый мех исчезнуть, а плоть – стать человеческой. Выпрямившись, си'лура приняла более привычный облик. Обнаженная, лишенная меха и одежды, воительница сразу почувствовала утренний холодок. Обхватив себя руками, чтобы хоть чуть-чуть согреться, она приказала Фардейлу:

– Ищи любые следы!

Волк взмахнул хвостом и убежал. Мисилл с беспокойством поглядела ему вслед. Способность Фардейла к передаче образов ухудшалась, мысленные разговоры велись все реже. Пройдет немного времени, и Фардейл окончательно станет зверем – он уже врал в волчье тело.

Но по мере продвижения в глубь разрушенного лагеря эти мелкие опасения уступили место подлинному ужасу. Рядом с тушей пегой кобылы Мисилл нашла тело одной из воительниц-дро, которые охраняли лорда Тайруса.

Белокурые косы женщины покрывала смесь грязи и крови. Она лежала на боку, а рядом расплзались ее внутренности, вывалившиеся из рваной раны на животе. Поодаль Мисилл обнаружила еще двух воительниц дро, сестер первой. Каждая умерла мучительной смертью.

Но она не смогла, как ни старалась, отыскать следы лорда Тайруса, Крала, Могвида и Ни'лан. Нахмурившись, Мисилл возвратилась к телу одной из дро.

Помолившись за их души, она раздела труп и натянула на себя кожаный доспех, пристроив парные ножны за спиной. Несмотря на усталость, ей удалось подстроить свое тело под одежду.

– Я отомщу за вас! – пообещала она, засовывая мечи в ножны.

Фардейл в это время рыскал чуть западнее. Коротким рыком он привлек внимание Мисилл. Она подбежала к волку.

Даже ее обоняние, более слабое, чем присущее зверю чутье, позволило ей уловить, что отвратительная вонь усилилась. Прямо перед Фардейлом она увидела на земле черную, выгоревшую плешь. Опустившись на колени, Мисилл потрогала пятно пальцем. Здесь грязь спеклась в гладкую корку.

С тяжелым сердцем она окинула взглядом разоренный лагерь. Где же остальные? Что здесь произошло? Пока они занимались поисками, солнце поднялось еще выше, выглянув из-за остроконечной скалы и озарив царящий беспорядок яркими лучами. Мисилл уже повернулась к лагерю спиной, когда вспышка света посреди опаленного круга привлекла ее внимание. Хмурясь, она неохотно ступила на черную землю, спекшуюся до твердости камня.

Добравшись до источника блеска, Мисилл опустилась на одно колено, наклонилась и увидела серебряную монету. Чтобы поднять ее, воительнице пришлось повозиться – металлический кругляш прочно прилип к расплавленной и вновь затвердевшей земле.

Она внимательно рассмотрела монету, покрутила ее в пальцах. На одной стороне виднелось знакомое лицо – король Рай, отец принца Тайруса, а на другой был отчеканен их родовой герб: снежный барс, приготовившийся к прыжку.

Зажав монету в кулаке, она глянула на выжженный круг – наверное, лорд Тайрус тоже погиб.

Фардейл ткнул носом ей в колено и послал воительнице мысленное изображение. Он не нашел в лагере ни единой живой души.

– Тогда мы отправимся на поиски, – решительно заявила Мисилл, опуская монету в карман.

Крепко-накрепко связанный Могвид лежал, привалившись к стенке фургона, и притворялся спящим. Каждый подскок колеса на камнях и выбоинах заброшенной лесной дороги отдавался болью в его костях. Когда повозка наехала на особенно большой корень, Могвид подлетел на несколько ладоней вверх и стукнулся о стенку спиной. От удара воздух вылетел из его легких. Слева послышался глухой стон. Могвид с трудом повернул затекшую шею, чтобы рассмотреть гигантские очертания горца Крала, лежавшего позади него.

В серых предрассветных сумерках, которые проникали внутрь сквозь крошечное зарешеченное окно фургона, он мог различить лишь густую черную бороду Крала, покрытую запекшейся кровью. Могвид считал, что великану и дальше полезнее оставаться без сознания, чтобы попыткой освободиться не вынудить охранников-д'варфов проявить присущую им жестокость. Щуплый человечек с тоской огляделся. Из всего отряда их осталось четверо – силы слишком неравны, чтобы противостоять шагающим следом за фургоном д'варфам в тяжелой броне.

«Если бы я был повнимательнее...» – подумал Могвид, остро ощущая свою вину. И закусил губу от внезапного приступа злости. Нет! Не в нем дело!.. Даже если бы он не спал и вовремя поднял тревогу, их бы в конечном итоге все равно победили бы и захватили в плен. И дальше на север за Камень Тора они бы все равно не прошли. Сколько раз он, Могвид, уговаривал остальных прекратить безумный поход к замку Мрил, но его не слушали. И кто же после этого виноват, что они теперь связаны и заперты?

«Нужно бежать, как только появится малейшая возможность», – ожесточенно подумал Могвид. Но в душе он знал, что надежды на спасение нет. В тысячный раз подергав спутанными

руками, человек добился лишь того, что узлы затянулись сильнее. И не веревки связывали его с остальными пленниками, а несбыточные мечты.

Лорд Тайрус, бывший пират и наследный принц Мрила, соблазнил его и брата древним пророчеством, подарив надежду на освобождение от проклятия, которое заманило в ловушку двух близнецов-оборотней. Один навсегда стал волком, а второй – человеком. Слова принца и сейчас звучали в голове Могвида: «Придут двое скованных, один уйдет целым».

Но теперь даже эта призрачная надежда истаяла, как роса под солнцем. Проклятие не снять, ведь Фардейл затерялся где-то в лесу.

Могвид подпрыгнул, поскольку под колесо фургона опять попал камень или корни. Теперь пленник перекатился к другому борту, где скорчился лорд Тайрус. Принц не подавал признаков жизни, лежал безвольно, как дохлый угорь, голова его качалась в такт с тряской фургона, а изо рта и носа слабо сочилась кровь. Могвид не мог понять – дышит лорд или нет. Да и какое это имело значение? Что они получили, несмотря на отчаянное сопротивление и мастерское владение оружием? Три женщины дро погибли на месте, а они едва живы. Глупые людишки... Во время схватки Могвид прятался. Как только битва окончилась, он подполз к одной из мертвых воительниц и намазал лоб и щеки ее кровью, после растянулся рядом, изображая беспомощность.

Припомнив свою хитрость, Могвид помимо воли вернулся к страшной картине нападения. Там ржали от боли лошади и перекрикивались на своем грубом наречии д'варфы. Притворяясь раненым, он наблюдал сквозь щелочки век, как лорд Тайрус, прикрытый живым щитом из телохранительниц дро, размахивал старинным мечом, клинок которого сливался в сплошное размазанное пятно. Он вел танец смерти, и всякий, кто осмеливался приблизиться, погибал.

Чуть ближе к середине лагеря горец, оскалившись, атаковал д'варфов с топором в руках. Даже сейчас при этом воспоминании озноб пробежал по спине Могвида. Казалось, будто Крал в большей степени хищный зверь, нежели человек. Д'варфы вокруг великана падали один за другим.

На какой-то миг Могвид почти поверил, что им удастся отбиться, но даже самый сильный медведь отступает перед волчьей стаей.

Крал рухнул на землю, придавленный шестью коренастыми д'варфами. Но лорд Тайрус продолжал кровавый танец. Падение Крала не испугало его, а сделало еще более неукротимым. Он не получил ни царапины, хотя его телохранительницы пали в неравном бою. Стальной клинок принца, как и его взгляд, светились надеждой на победу.

И тогда раскат грома расколол небо, и Тайруса накрыла громадная тень. Хотя поляну освещал один-единственный походный костер, Могвиду не составило труда различить нападавшего во всех подробностях.

Он был таким черным, что выделялся даже во мраке. Когтистые лапы поддерживали могучее кошачье тело, два распростертых крыла делали его похожим на ночной кошмар.

Тайрус узнал чудовище.

– Гриффин!

От ужаса Могвид уткнулся лицом в дерн. Когда они спешили на север, к Камню Тора, встречавшиеся на их пути беженцы рассказывали о существе настолько ужасном, что люди умирали от одного его вида. Могвид решил не рисковать и крепко зажмурился. Последнее, что он видел, – лорд Тайрус падает навзничь, и серебряная монета выскальзывает из его пальцев.

А потом над поляной прокатился рык настолько громкий, что, похоже, разум не мог выдержать такого. И спасло Могвида только то, что он лишился чувств почти сразу же, как только услышал крик гриффина. Когда же он пришел в себя, лагерь был тих и пуст, как забытая могила. Быстрый взгляд показал – чудовище исчезло, и лишь окровавленный лорд Тайрус распростерся в середине пятна выжженной земли.

Уцелевшие д'варфы неторопливо приблизились и начали собирать оставшихся в живых. Могвиду не составило труда сделать вид, что он ранен, ведь его руки и ноги от ужаса совершенно обессилели, словно утратили кости. Но брошенный в фургон, будто мешок с отрубями, он сохранял способность трезво мыслить и видел, что их везут на север – туда же, куда стремился их отряд.

Яркая листва, мелькавшая ранее в щелях стенки фургона, сменилась темной хвоей черных сосен. Значит, они добрались почти до севера Западных Пределов. Могвид прикинул, что до Северной стены осталось не больше дня пути.

Колесо опять угодило в глубокую выбоину, отбросив Могвида назад. Пленник охнул и внезапно увидел пару ярких глаз, пристально глядящих на него из мрака. Они отражали слабый свет из маленького окошка и, казалось, пылали.

Четвертый и последний участник похода, переживший нападение. Как и Могвид, она не сопротивлялась, не боролась с врагами. В рассеянном солнечном свете ее волосы рассыпались медовым водопадом, окружая хрупкую фигуру.

– Ни'лан? – осторожно позвал Могвид.

Ответа он не ждал. С тех пор как женщина-нифай вышла навстречу их отряду на границе Западных Пределов, миновал почти месяц, и за все это время она не произнесла ни слова. Не отвечала на вопросы, не вступала в разговоры. Ни'лан бесцельно скользила вокруг лагеря, используя незаметные лесные тропинки, и глядела на окружающих отсутствующим затуманенным взглядом. Ее оставили в покое, но частенько у походного костра обсуждали ее поведение и гадали, с какой целью она присоединилась к отряду.

Могвид, Фардейл и Крал своими глазами видели ее гибель в предгорьях Зубастого хребта от укуса паукообразного чудовища. Часто они задавались вопросом, кем была их теперешняя неприметная спутница – воскресшим товарищем или необъяснимой уловкой лесной магии? Могла ли Ни'лан восстать из мертвых? Нет, это невозможно...

– Не бойся, Могвид, это я...

От этих простых, внятно произнесенных слов Могвид охнул и отпрянул. Будто бы призрак ни с того ни с сего заговорил.

– К-как можно... – бормотал он. – Я же видел... Та тварь, похожая на паука, убила тебя!

– Ты заблуждаешься, Могвид, – прервала его лепет Ни'лан. – Во мне не больше человеческого, чем в тебе. Я – нифай, создание корней и земли. Это тело – смесь праха и воды, в которую вдохнуло жизнь древо коа'кона, хранящее мой дух. Побег можно растоптать, но, пока жив корень, я не умру.

– Н-но почему тогда... – Могвид изо всех сил пытался осознать ее слова. – Почему тогда ты возрождалась так долго?

– Все не так просто. Я нуждалась в поддержке могучего древнего леса. Древесная песня Западных Пределов была необходима для восстановления сил. После гибели тела прежней Ни'лан Елена бросила в мою могилу семя древнего дуба. – Могвид кивнул, припоминая черный желудь, который он отдал ведьме. – Я переместила свой дух в это крошечное семя, скрываясь в нем, пока не набрала достаточно сил для возрождения. В образе призрака я передала желудь твоему брату, рассчитывая, что вы в конце концов вернетесь на родину, в наши обширные, заросшие лесами края. Только здесь стихийная магия корней и земли достаточно сильна, чтобы вытащить меня из семени и вновь наделить вещественной формой.

– А почему ты раньше молчала? Почему не объяснила нам?

– Я не могла полностью переместить старый дух в новое тело. После целой зимы, проведенной в бесплотном состоянии, трудно отделить себя от песни деревьев. Требовалось предельное напряжение сил, чтобы вырваться из плена бесконечной музыки леса. Но когда явилось чудовище и набросилось на этого человека, – она указала на лорда Тайруса, – пение деревьев

смогло на многие лиги вокруг. И тогда мой дух окончательно переместился в тело, завершив восстановление.

– Не слишком-то удачно. – Могвид опять ударился о стенку фургона при очередной встряске. – Ты восстановилась как раз вовремя, чтобы быть замученной и убитой нашими захватчиками.

– Все может быть. Но я отослала просьбу о помощи. Я видела смутный образ иного места – море, над ним паруса. И элв'ина Мерики... Он все еще хранит мою лютню, оберегая сердце моего родного дерева. Пока цела лютня, есть надежда.

– Для тебя, может, и есть. А если я умру, то уже не воскресну.

Но Ни'лан, казалось, не слышала его и продолжала, задумчиво глядя в угол:

– Деревья нашептали мне о крылатом чудовище, напавшем на наш лагерь. Оно живет в каменных вратах поблизости от Северной стены. И я слышала упоминания о его злобном близнеце, черном чудовище, обитающем далеко на юге, рядом с Южной стеной. Деревья плачут и стонут от одного его присутствия. – Взгляд Ни'лан обратился к Могвиду. – Эти врата необходимо разрушить.

– Зачем? – устало ответил оборотень.

– Я... Я не знаю наверняка. – Ни'лан смотрела вдаль. – Но они угрожают самой земле. В их власти навести порчу на весь мир.

– Что же мы можем поделать? – задрожал Могвид.

– У нас есть лишь одна надежда, – отрешенно проговорила нифай.

– Что же именно?

– Гримы из Темной Чащи.

Могвид от неожиданности сел.

– Кровожадные призраки? Темные духи затронутого порчей леса? Ты что, с ума сошла? Как можно надеяться на помощь подобных тварей?

– Я надеюсь их убедить.

– Каким образом? Они служат Темному Властелину!

– Нет. – Ни'лан покачала головой. – Они – дикие создания, чья жажда убийств совпадает с интересами Черного Сердца. Но никто не управляет гримами.

– А ты, значит, рассчитываешь перетянуть их на нашу сторону?

Она надолго замолчала, а когда заговорила, то в ее словах звучала скрытая боль.

– Они меня послушают.

– Почему это? – продолжал настаивать Могвид.

– Потому что земля – жестокая хозяйка, – загадочно ответила нифай, отворачиваясь и замыкаясь в себе, как и раньше.

В полдень Мисилл стояла около трех холмиков свеженасыпанной земли, опираясь на заступ, которым вырыла три могилы. Разгромленный лагерь становился все более опасным местом. Стервятники кружили в вышине, призывая своих собратьев присоединиться к роскошному пиру. Скоро соберутся и наземные хищники. Но Мисилл не могла оставить сестер по мечу на съедение падальщикам. Ведь их связывала клятва.

Солнце начинало клониться к западу. У них еще оставалось время, чтобы к сумеркам оказаться отсюда как можно дальше. Отбросив лопату, Мисилл преклонила колено у могил. Запах свежескопанной земли перебивал зловоние крови и выпущенных кишок от конских трупов, лежащих неподалеку. Воительница склонила голову.

– Я скорблю, сестры мои. Покойтесь с миром. Пойдите и отыщите своего владыку – короля Райя. Передайте ему, что я отомщу за смерть его сына.

Слезы потекли из ее глаз. Вот уже дважды она нарушила присягу. И когда не услышала призыв замка Мрил, атакованного жестоким врагом, и теперь, не сумев защитить последнего принца Стены от гибели.

Мисилл вытащила из кармашка позаимствованной одежды серебряную монетку. Изображение снежного барса, казалось, сияло ярче, чем утром. Она крепко сжала монету в кулаке.

– Я выслежу ваших убийц и сожгу их трупы, чтобы вы могли почувствовать силу моей мести. Клянусь!

Легкое покалывание в отдаленном уголке сознания – свидетель чужого присутствия – заставило ее обернуться. Она увидела на опушке леса Фардейла, которого, пока сама копала могилы, отправила искать следы напавших на лагерь. Волчьи глаза сияли, словно расплавленный янтарь. Изображение, посланное им, показало в четверти лиги от поляны две свежие колеи, ведущие на север. Фардейл обратил внимание на глубину отпечатков колес. Вполне возможно, фургон загружен пленниками.

Значит, кто-то выжил? Мисилл позволила слабому огоньку надежды затеплиться в душе.

Новая картинка пришла от оборотня: два волка, один снежно-белый, а второй темный, идут по следу.

Воительница кивнула, поднимаясь на ноги. Нападавшие опережали их по меньшей мере на полдня, но волки могли передвигаться гораздо быстрее, чем неповоротливые д'варфы, связанные к тому же загруженным фургоном. Вот только отправиться в погоню в волчьем облике означало для Мисилл остаться безоружной и голой. Она потрогала рукоять одного из мечей, торчащую за плечом. Без клинков не стоит и надеяться освободить друзей. И тем не менее бросать соратников тоже нельзя. Должен быть какой-то выход...

– Нужно поторопиться.

Она взглянула на серебряную мриланскую монету на ладони и поклялась умереть, но не испытать неудачи вновь. Поднесла холодный кружочек металла к губам и поцеловала его, намереваясь оставить у себя монету как символ клятвы. Но чуть только ее губы коснулись гладкой поверхности, серебро потеплело, а по руке побежали мурашки, как от озноба.

Пака'голо зашевелился на ее предплечье, явно ощущая что-то необычное. Змейка подняла голову и пошевелила розовым языком.

Опустив ладонь с монетой, Мисилл внимательно осмотрела ее. Что же происходит?

Как будто в ответ на невысказанный вопрос, в ее голове зазвучал чей-то голос, напоминая обмен образами с Фардейлом. Едва слышные слова, будто шорох ветра в поле.

– Я слышу тебя. Горе твоего сердца воззвало ко мне через монету.

Она оглядела поляну, а потом наклонилась к серебряному кругляшку.

– К-кто ты?

– Я – Ксин, зу'ул. Друг Тайруса. Назови мне свое имя, чтобы я мог сделать связь более устойчивой.

Мисилл не понимала ничего, но вспомнила, что принц упоминал о чернокожих дикарях, которых он освободил из рабства. Кажется, он говорил, что их предводитель не чужд магии. И еще... Несколько дней назад, после первой стычки их отряда с блуждающими по лесу д'варфами, лорд Тайрус сидел у костра, сжимая в кулаке эту самую монету. Он утверждал, что может послать весть на восток, предупреждая об опасности и ширящихся слухах о гриффине. Но потом с расстроенным видом отложил серебряный диск и пробормотал: «Слишком далеко». Больше о монете он не вспоминал.

Но видно, кто-то все же услышал.

– Меня зовут Мисилл, – твердо произнесла она, сжимая серебро.

– Я понял твое имя, Мисилл из племени дро, – торжественно ответил голос. – Я хорошо знаю тебя со слов других. Мы спешим, чтобы помочь вам. Расскажи, где мы можем отыскать вас? Наша связь устойчива, значит, ты находишься не слишком далеко.

Воительница нахмурилась. Что же это получается? Ведь зу'улы отправились с Тол'чаком и Мериком искать Элену на Архипелаге, за тысячи лиг отсюда.

– Нет, я слишком далеко, – ответила воительница. – В глубине Западных Пределов.

– Мы это знаем. Мы летим над широким зеленым морем. Скажи, где тебя искать?

– Н-но как? – Мисилл прикинула на глазок высоту солнца, все еще не вполне понимая, что происходит.

– Элв'ин Мерик. Мы летим на его воздушном судне.

– Мерик?! – охнула она, вспоминая израненного элв'ина, едва живого после сражения с любимцем Темного Властелина.

– Он здесь, – продолжал голос. – Скажи нам, как тебя разыскать. Я теряю силы и скоро не смогу поддерживать связь.

Он не лгал. Шепот монеты стихал. Мисилл приходилось наклоняться все ниже и все крепче сжимать ее пальцами. Она глянула на восток, на каменную громаду, вздымающуюся к небесному своду.

– Камень Тора! – закричала она, опасаясь не успеть, поскольку монета становилась холоднее и холоднее. – Я буду ждать на вершине Камня Тора!

Ответа не последовало. Безжизненный кусочек металла лежал на ее ладони, ничем не отличаясь от обычного серебра. Сжав монету в кулаке, она попробовала подпитать ее магией.

Фардейл ткнулся мокрым носом ей в руку, привлекая внимание. Она посмотрела на него и, используя образный си'лурианский язык, объяснила, что же здесь произошло.

Волка ее рассказ не слишком обнадежил.

«Волчица обнюхивает мертвого щенка, пытаясь вернуть его к жизни», – ответил он.

– Может быть, ты и прав, – вслух ответила Мисилл. – Я не знаю.

Она повернулась, чтобы повнимательнее разглядеть Камень Тора. Освещенная солнцем скала возвышалась над самыми высокими деревьями. В обширных и густых лесах она казалась самым подходящим местом для швартовки летающего корабля. Мимо пролететь очень трудно. Но с лица Мисилл не сходило озабоченное выражение. Услышали ли ее? И кто явится к ним? С кем она разговаривала посредством монеты?

Мисилл прижала кулак к сердцу. Есть лишь один способ проверить. От лагеря к вершине горы тянулась узкая тропинка, выделяющаяся более темным цветом даже на черном камне.

– Пошли, – сказала она, делая первый шаг. – Проверим, правда ли, что в монете покойного принца заключена какая-то магия?

Мерик стоял на носу «Крыла бури» и смотрел на солнце, клонящееся к закату. Одетый в просторную льняную рубаху и обтягивающие штаны, он ощущал каждое дуновение ветерка. Его отросшие серебряные волосы, призванные еще теснее связывать элв'ина с небесами, свободно вились по плечам. Мерик провел ладонью от темени до затылка. Отрасти-то они отросли, но недостаточно, чтобы чувствовать ветер и укрепить связь Мерика со стихийной магией воздуха. Хотя расчесывать уже есть что.

Он опустил руку, не собираясь сетовать на судьбу. Единение с судном вполне заменяет эту потерю. Хотя Мерик не ступал на палубу более двух лет, он воспринимал «Крыло бури» как продолжение собственного тела. Лишь магия стихий способна поднять корабль в воздух и направить его куда захочется капитану. Только с ее помощью элв'ины управляют своими судами. Стоя на носу, Мерик ощущал каждый гвоздь, каждую доску в обшивке, воспринимал упругость натянутой парусины так, словно это была его рубашка. Каждый скрежет корпуса отзывался болью в его суставах.

На борту «Крыла бури» он будто бы обрел прежнюю цельность. Попытки и страдания в Тенистом Потоке отодвинулись в дальний уголок памяти. Казалось, все эти ужасы происходили с кем-то другим. Здесь же, паря под облаками, Мерик становился неуязвимым для зла, господствующего внизу, на земле.

Однако в глубине сердца он знал, что безопасность его иллюзорна и мнима, как легкие облака, сквозь которые пролетал корабль. Даже небеса не спасут от прикосновения порчи Темного Властелина. За время путешествий Мерик постиг простую истину – земля, море и небо едины. Стихийная магия окутывала мир бесконечной сетью, покрывала его, сплетенная, скрученная и связанная. Нельзя исказить одну из стихий, не затронув остальные.

Он пытался донести свое открытие до разума королевы Тратал, но опасался, что его слова упали на неблагоприятную почву. У элв'инов иное понимание мира. Слишком долго они были оторваны от земли, считая себя свободными от всяческих обязательств. Но Мерик-то знал... Чтобы победить зло, следует объединить все стихии разом. По отдельности они обречены.

И он не позволит этому произойти.

Крепко сжимая поручни ограждения, элв'ин смотрел на океан листвы, колыхавшийся в четверти лиги ниже корпуса судна. Не так давно шаман-зу'ул принес весть, что ему удалось мысленно пообщаться с Мисилл. Хотя Ксин не все понял, но, к счастью, связь с потерявшими установлена. Воительница определила место встречи – гору под названием Камень Тора. Мерик и зу'ул тщательно изучили имеющиеся карты Западных Пределов и нашли указанный пик на слиянии двух рек.

Теперь они следовали вдоль серебристой нити, пробивающейся сквозь плотный лесной полог. Узкая река, Ивовый поток, как называли ее местные жители, проложила себе дорогу через Чашу. Там, где она сольется с Ледяной рекой, находится их цель.

Мерик пристально вглядывался в горизонт, помимо воли вводя некоторые поправки в курс корабля, чтобы следовать строго за бегом речных вод. Там, впереди, показалось нечто, напоминающее черную грозовую тучу.

– Это там? – прозвучал голос за его плечом.

Как он мог забыть о Токе, своей неотвязной тени, который сидел на бочонке поблизости?

– Думаю, да, – ответил Мерик, с трудом ворочая языком из-за неожиданного возвращения с небес на палубу. Он поднял руку, приказывая своей команде подровнять паруса. – Мы поспеем туда до темноты.

– Надо сказать мастеру Ксину. – Ток спрыгнул с бочки, стукнув пятками по доскам.

Мерик ощутил его шаги, как легкий зуд на коже.

– Да, беги. Он отдыхает в каюте вместе с двумя соплеменниками. – Даже короткая беседа с Мисилл истощила силы шамана. Когда он рассказывал о своей удаче Мерику, ноги зу'ула подгибались, а покрасневшие глаза все время закрывались от усталости. – Если он в состоянии, то пускай попробует снова связаться с ними.

Ток поклонился и умчался выполнять приказание. Оставшись один, Мерик смотрел, как тень на горизонте приближается, обретая плотность. Очерченная закатными лучами, верхушка скалы с прямыми линиями утесов выделялась, словно выставленный из кулака указательный палец. Забрав немного магии из стального кия, элв'ин позволил судну снизиться по мере того, как они приближались к пику.

Мерик полностью сосредоточился на изящном танце ветра и магии, а потому скорее почувствовал, чем услышал, как подошли трое зу'улов и Ток.

– Они сами сюда шли, – пояснил парнишка. – Я только передал им твои слова.

Принц повернулся и приветливо поклонился. Маленький чернокожий шаман поклонился в ответ. Белесый шрам на его лбу, изображающий руну в виде глаза, едва ли не светился. Два его собственных глаза тоже горели. Похоже, силы полностью возвратились к нему.

– Ты можешь вновь поговорить с Мисилл?

Ксин смущенно покачал головой и оперся о борт.

– Нет. Чтобы говорить, она должна взять монету в руки и захотеть беседы, – извиняющимся тоном сказал он. – А пока все тихо.

В душу Мерики закрались нехорошие предчувствия. Он вновь поглядел на горизонт. Камень Тора продолжал расти. Капитан хотел уточнить курс заранее.

– Мы скоро прибудем на место. Лучше всего быть готовым.

– Скорее всего, мы опоздаем. – Ксин вперил горящий взгляд в Мерику. – Я свалил дурака. Слабость помешала мне услышать вовремя...

– Что услышать? – Предчувствия элв'ина вспыхнули с новой силой.

– Я чувствую чужие взгляды. – Шаман прикоснулся к шраму на лбу. – Затронутые порчей. Их злые помыслы заставляют сжиматься сердце.

– Где они? – нахмурился Мерик.

– Они нас не замечают. Но они приближаются к высокой скале. Я чувствую – они мчатся так же быстро, как мы летим.

Мерик окинул взглядом безликое лесное пространство. Ничего не видно, однако элв'ин не сомневался в способности шамана проникнуть мыслью под навес листвы, ощутить нечто незримое, скрывающееся под ним. Ксин уже не раз доказывал свое мастерство.

– Что нужно, чтобы успеть? – спросил Мерик.

– Лететь быстрее. – Зу'ул смотрел обеспокоенно и пристально.

Элв'ин доверял ему, а потому согласился:

– Я попытаюсь.

Вернувшись к поручням, Мерик послал магический зов, но не судну, а небесам, окружавшим их, стремясь заманить побольше ветра в паруса. Уделять внимание и кораблю, и воздушной стихии оказалось сложно, несмотря на весь его опыт. Голубоватые искры силы потрескивали на коже элв'ина... Или на корпусе «Крыла бури»? Мерик находился где-то посередине.

Собирая магическую энергию, рассеянную меж облаков и беспризорных ветров, он свивал из нее тугое плетение, вытягивая, создавая канал для силы.

– Иди же ко мне, – призывал элв'ин.

И вдруг, словно толчок в спину, он ощутил рывок воздушного судна. Паруса над его головой раздулись, натягивая снасти. Все новые и новые ветры, свистом отзываясь в ушах, проносились мимо корпуса. «Крыло бури» мчался вперед быстрее и быстрее. Мерик закрепил магию на киле и направил судно вниз, как ястреба на стаю голубей. Он сознательно использовал вес корабля, чтобы увеличить скорость хода.

Все стоявшие на палубе (а теперь они судорожно вцепились в борта и такелаж, чтобы не покатиться кувырком) воспринимались им, словно ряд призраков за пределами сознания. На лбу Мерики выступили капельки холодного пота – свидетели усилия, с каким он поддерживал связь с ветрами.

– Н-ну, что ты чувствуешь? – сквозь стиснутые зубы процедил он.

– Мне жаль, – в голосе шамана звучал могильный холод, – но темные сущности двигаются слишком быстро. Мы опоздали.

Всего пару шагов оставалось сделать Мисилл, чтобы достичь вершины Камня Тора. Ветры, гуляющие на скальном выступе, где она остановилась, вызывали озноб. Тропинка заканчивалась около небольшого, высеченного из камня алтаря. Мисилл почтительно приблизилась к нему. Хотя никто не знал, кем был создан этот жертвенник, его по-прежнему использовали для обрядов поклонения Доброй Матушке в дни солнцестояния и равноденствий.

Фардейл, фыркая, обнюхивал боковые стенки алтаря, рассматривая вырезанных на нем диковинных зверей. Его внимание, казалось, привлекло одно из них, изображенное на северной стороне. Мисилл взглянула и нахмурилась. Крылатый лев занес для удара когтистую переднюю лапу. Гриффин... Слухи о подобном чудовище распространяли беженцы. Не здесь ли таилась подсказка?

Воительница обошла жертвенник кругом. На южной стороне она увидела еще одного монстра – петуха со змеиным хвостом. На двух других – птицу, напоминающую больше ящера, и странного вида толстое существо с хвостом скорпиона. Мисилл отвернулась. Она ничего не слышала об остальных чудовищах, но в груди шевельнулся холодок нехорошего предчувствия. Что означают все эти картинки? Есть ли между ними связь?

Так и не найдя ответа, она подошла к краю уступа и посмотрела на небеса.

Бескрайнее синее пространство выглядело пустынным за исключением нескольких низких облаков и поднимающегося из леса тумана. И никаких кораблей – ни летающих, ни еще каких-нибудь. Мисилл вынула из кармана монету. Сжала ее. Неужели они напрасно взбирались на эту вершину? Потратили впустую полдня, гоняясь за призраком? Сейчас ей начинало казаться, что разговор с зу'улом – лишь плод ее больного воображения. Слишком уж неправдоподобным он казался теперь.

Вдруг монета потеплела в ее кулаке. Беспокойный голос прозвучал в мозгу:

– Они идут! Берегись леса!

Мисилл испытала облегчение, смешанное со страхом. Она уже не чаяла услышать никаких голосов.

– Кто?! Кто идет?

– Испорченные сущности с враждебными помыслами! Сейчас они окружают скалу!

Воительница глянула вниз, на обширные леса. Сущности? Ничего враждебного она не увидела.

– Мы ждем вас на самом верху, – сказала она. – И я никого не вижу.

– Они там. Но мы спешим. Очень спешим.

Мисилл подняла глаза к небу, но не смогла разглядеть корабль.

– На востоке! – подсказал голос, будто прочитав ее мысли. – Над Ивовым потоком.

Повернувшись, Мисилл вновь принялась высматривать спасительное судно, напрягая глаза. Ничего... И вдруг яркий солнечный блик сверкнул, отражаясь от чего-то, плившего над деревьями едва ли не у самого горизонта. И оно приближалось, медленно увеличиваясь. Вскоре стали различимы ряды парусов. Поразительно! Летучий корабль! Но это невозможно!

Фардейл заскулил у ее бедра. Наверное, он тоже разглядел удивительное судно. Она наклонилась к приятелю-си'луре, но внимательный взгляд волка был прикован отнюдь не к небесам. Он внимательно изучал темный лес у подножия горы. Хотя вершину еще озаряло закатное солнце, деревья уже погрузились в сумрак и густой туман.

Мисилл посмотрела вниз.

– Что там, Фардейл?

В ответ волк только глухо зарычал.

– Объясни мне, что ты...

И тут она тоже услышала это. Говорили не монета, не волк, а сам лес.

Вместе с ветром снизу донесся крик. С ветром ли? Мисилл уже догадалась. Она не могла оторвать взгляда от верхушек деревьев. У основания пика стволы и ветви корчились и коржились, мучимые чем-то, что скрывалось в тенях. Она догадалась, о чем хотел предупредить голос из монеты. Испорченные существа! Не выдуманные чудовища с алтаря, а нечто гораздо худшее.

Гримы!

Мисилл прошла вдоль края площадки на вершине скалы. Все деревья, окружающие гору, скрючивались, ветки засыхали, листва желтела и облетала бледно-коричневым облаком, гонимая вечерним ветерком. Казалось, что крик внизу – это голоса замученных деревьев. Но воительница догадалась – на самом деле это свидетельство появления призраков. Сотен призраков!

Наконец она смогла различить тени, скользящие меж изуродованных стволов. Почему их так много, гадала она. Гримы любили уединение, охотились по одному, редко – парой. Что же привело их сюда? Чего они хотят? Пока что гримы просто клубились внизу, двигаясь так стремительно, что могли бы взлететь на вершину за несколько ударов сердца. Но они не покидали лес, рассаживаясь на убитых ими деревьях. Что их удерживало?

Мисилл оглянулась на алтарь. Может, в нем заключено какое-то древнее волшебство? В тысячный раз с начала путешествия она пожалела, что потеряла способность улавливать окружающую магию. Ей казалось, что утрачено нечто очень важное, жизненно необходимое.

Воительница проговорила в монету:

– Я вижу эти сущности, но они пока не нападают. Поторопитесь, прежде чем их соберется столько, что они атакуют скалу.

– Мы спешим... – донесся затихающий шепот. – Будьте наготове...

Заглянув в глаза Фардейла, Мисилл прочитала: «Снежно-белая птица, раскинув крылья, срывается с вершины горы и, устремившись высоко в небо, улетает прочь от изуродованного порчей леса».

– Нет, – ответила она вслух. – Я тебя не брошу.

Фардейл дернул головой и отвернулся, невозмутимый, как настоящий волк.

Воительница продолжала наблюдать за лесом и небом. Крики гримов эхом отдавались в утесах. Их собралось уже очень много. Внезапно скала под ней задрожала. Она опустила на колени, чтобы не свалиться, подползла к обрыву и осторожно глянула вниз.

Сотни деревьев, и многие из них – тысячелетние гиганты, выбирались из земли, а потом штурмовали гору, впиваясь могучими корнями в трещины гранита.

Добрая Матушка! Лес атаковал Камень Тора, пытаясь обрушить его.

Она заметила на ветвях искореженных деревьев движущую силу этого нападения. Рваные тени гримов усеивали их. Призраки ехали на атакующих деревьях, словно всадники верхом на конях. Вековые дубы вгрызались в скалу, отрывая от нее куски, расшатывая гору. Наблюдая за ними, Мисилл поняла, как же прорвали Северную стену. Даже столь древняя и надежная гранитная твердыня не смогла устоять перед атакой взбесившегося леса.

Мисилл отползла на четвереньках от края обрыва и посмотрела в небо. Солнце уже садилось, но давало достаточно света, чтобы увидеть во всех подробностях летящий парусник. Ему оставалось преодолеть не больше лиги. В зарождающихся сумерках его киль пылал, как горящие угли костра, – ровным алым цветом. Даже утратив способность поиска, Мисилл чувствовала магию. Именно сила стихий поддерживала судно в воздухе.

– Поторопитесь... – озабоченно обратилась она к монете.

Ответа не было. Сказать по правде, какое значение могли иметь слова. Корабль или успеет, или не успеет.

Воительница присела на край алтаря. Скала под ней дрожала. На какое-то мгновение предложение Фардейла – обратиться птицей и улететь подальше – перестало казаться ей глупостью. Она очень не хотела умирать. Однажды ей пришлось пройти через смерть, и повторение не входило в ее планы. Но даже возможности оборотней небеспретельны. Большинство из них могли накопить достаточно сил для преобразования не чаще раза в сутки. А она уже дважды оборачивалась: из человека в волчицу и назад. Так что надежды на успех – никакой.

Мисилл глянула на большого древесного волка, который, чтобы не упасть, растопырил пошире лапы и не отрываясь следил за нападающими. Даже если бы воительница могла обратиться и улететь, то не стала бы так поступать. Бесчестно бросать своего последнего спутника. Она и так подвела слишком много хороших людей, и боль утраты пересиливала страх перед смертью.

Закусив губу, Мисилл задумалась над загадочным поведением призраков. Что тянуло сюда гримов, как мотыльков на пламя? Если бы найти ответ...

Гора вновь содрогнулась, ее вершина опасно накренилась. Мисилл вцепилась в край алтаря, чтобы не свалиться.

Фардейл попытался вонзить когти в гранит, чтобы удержаться, но начал соскальзывать все ближе и ближе к обрыву. Скала под ним начала падать, отколовшись от основания.

– Фардейл! – Мисилл вытянула руку, продолжая второй цепляться за алтарь. Но до волка она не дотянулась, его задние лапы уже бились в пустоте.

– Нет!

Она приказала своей руке вытянуться. Если не хватает сил на полное превращение, то почему бы не попытаться измениться хотя бы немного?

Мисилл напряглась, сосредоточилась. Легкое жжение истончающейся кости свидетельствовало об успехе. Ее рука становилась длиннее, хотя и тоньше. Пальцы ползли по скале.

Глаза Фардейла сверкали отчаянием, когда он из последних сил пытался удержаться над обрывом, но не мог и продолжал соскальзывать.

– Нет!

Выросшая рука рванулась вперед, пальцы поймали волка за лапу, когда тот уже падал.

– Держись! – сквозь зубы приказала она.

Воительница направила часть плоти из туловища в опасно утончившуюся руку, наращивая мышцы. Мысленно она видела себя состоящей из двух рук: одна держится за алтарь, а вторая – за лапу друга. Больше ничего не имело значения. Она подпитывала желание удерживать волка всей силой духа. Удары сердца отдавались в ушах. Как долго она сможет бороться, Мисилл не знала, но попыталась вернуть тело в исходное состояние. Сжимающая Фардейла рука начала укорачиваться, отгаскивая его от пропасти.

Когда волк оказался достаточно близко, воительница рывком перехватила лохматую тушу под мышку. Обессиленная, она только сейчас сообразила, что Камень Тора перестал качаться, а застыл, накренившись под опасным углом. Временная отсрочка, но насколько ее хватит?

Снизу снова раздались крики призраков. Но Мисилл они не волновали.

Крепко зажмурившись, она напрягала все силы, чтобы удержаться на скользком граните. Если ее пальцы соскочат с алтаря, то и она, и Фардейл разобьются насмерть.

Сосредоточив все силы на мускулах и связках рук, она вдруг почувствовала, что ее не заплетенные, а свободно падающие на плечи волосы встали дыбом. В воздухе разлилась свежесть, как после летней грозы. Магия стихий! Мисилл открыла глаза и вскрикнула от радости и удивления.

Зависший над головой огромный деревянный корпус с ярко сияющим килем полностью закрывал небо. На ее глазах в днище открылся люк, из него упал канат, конец которого закачался у самого лица Мисилл. Только чуть-чуть выше. Если бы она стояла, то без труда смогла бы ухватиться за спасительную нить, но что делать, если висишь, держась кончиками пальцев за камень? Попробуй отпусти – и полетишь в пропасть.

Скала под ней, будто желая напомнить о себе, мелко задрожала. Вершина горы качнулась. Добрая Матушка... В двух шагах от спасения!

Худошавая фигура появилась в люке. Наверняка элв'ин. Когда его обвязали веревкой вокруг пояса, он накинул петлю на канат и прыгнул вниз, скользя с огромной скоростью. Наблюдая за его стремительным полетом, Мисилл была уверена, что тонкокостный элв'ин разобьется о скалу, у самой ее головы, сорвавшись с каната. Но в последний миг опытный воздухоплаватель зацепился за канат лодыжкой и повис вниз головой.

Цепкие пальцы схватили ее за куртку.

– Не дергайся, – довольно холодно заявил спаситель. – И держи крепче свою собаку.

Сразу после этого канат, раскачиваясь, начал втягиваться в брюхо корабля вместе с элв'ином и его ношей.

Мисилл не могла поверить, что тощий элв'ин выдержит их с Фардейлом вес. Но разве у нее был выбор? Весьма неохотно она отпустила алтарь и прижала древесного волка к груди двумя руками. Их медленно подтягивали вверх.

Едва лишь ноги воительницы оторвались от скалы, гранит прорезала широкая трещина, расколов его сверху донизу. Раздался ужасающий треск. Мисилл охнула и едва не уронила Фардейла.

Прямо под пальцами ее ног башнеобразная скала завалилась набок. Вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее, подобно срубленному дереву. Время, казалось, замедлилось, но в конце концов каменная вершина обрушилась в лес. Взвился столб листвы и щепок, едва не достигнув днища воздушного корабля. С плеском взметнулась вода из Ивового потока, когда гранитная глыба перегородила течение, создав на реке запруды.

Склонив голову к плечу, Мисилл следила за открытым люком. На глазок – до него едва ли не лига пути. Матрос-элв'ин с натугой вращал рукоятку лебедки, наматывая канат на барабан. Он выглядел спокойным, словно не замечал разрушения и опасности. Как будто бы поднимал очередную корзину с грузом на стоянке. Но воительница разглядела капельки пота, выступившие у него на лбу от напряжения.

Ему она помочь не могла, поэтому предпочла смотреть вниз. Землю покрывали груды гранитных обломков, теряющиеся в тумане. И ни малейшего признака гримов. Она вновь задумалась – что же привлекло такое количество призраков к Камню Тора? Они преследовали ее? Фардейла? Искали древний алтарь? Что-то подсказывало воительнице: ни один из ответов даже не приближался к истине. Нечто манило гримов. Но что? Для чего они шли? Почему вели себя столь необычно?

Когда она вновь подняла голову, люк был уже рядом. Сильные руки подхватили ее и втащили внутрь корабля. Наконец-то Мисилл ощутила под ногами твердь. Она отпустила Фардейла. Их спаситель-элв'ин ловко высвободился из петли и, перевернувшись, встал на ноги. Небрежно поклонившись, он поспешил прочь, будто бы совершил обыденный поступок.

Мисилл покачала головой, дивясь своеобразию элв'инов, и последний раз выглянула в люк, прежде чем его захлопнули и заперли на засовы.

Тайну гримов еще предстояло разгадать, и воительницу не покидала уверенность, что, отыскав ответ, она найдет способ одолеть врага на севере. Но пока что она без сожаления отложила размышления и поиски решений на потом – их пора еще не пришла. Сейчас она свободна, в безопасности и окружена новыми союзниками.

– Рад видеть тебя, Мисилл, – произнес знакомый голос за ее спиной.

Она повернулась и увидела долговязую фигуру, застывшую в дверном проеме.

– Мерик! – с облегчением воскликнула она, подбегая к принцу элв'инов и обнимая его.

– Похоже, нам есть о чем поговорить, – сказал тот, когда сумел освободиться.

Поприветствовав Фардейла, он огляделся и удивленно приподнял бровь.

– А где остальные?

Глава 6

Крал очнулся в разгар бури. Свистел ветер, раскаты грома, подобных которым он до сих пор не слышал, сотрясали землю. Он вскочил, готовый к схватке, и стукнулся головой о низкую крышу фургона. Горец зарычал, пошарил на поясе, но топор исчез. И тогда потоком ярких вспышек и боевых кличей нахлынули воспоминания. Нападение отряда д'варфов...

Повернувшись, он увидел вжавшегося в угол, подобно загнанной крысе, хлюпика Могвида.

– Где мы? – грубо спросил Крал. – Что случилось?

Его глаза быстро привыкли к темноте. Хотя топор со стальным лезвием и вплавленным в него осколком эбенового камня пропал, Легион все еще жил внутри Крала, заключенный в человеческое тело, будто в клетку. И его ноздри расширились, втягивая воздух с жадностью скрытого зверя. Его топор где-то рядом, и на него по-прежнему надет чехол из шкуры снежного барса. Крал мог бы перекинуться в огромную кошку, но не осмеливался до поры до времени обнаружить свои способности.

Рядом приподняла голову Ни'лан. Медового оттенка волосы спадали на ее искаженное состраданьем лицо, а на коленях у нифай покоилась голова лорда Тайруса.

– Нас схватили и везут на север.

Крал нахмурился. Как всегда при виде фиалковых глаз нифай, его охватила сумятица противоречивых чувств. Ее красота ошеломляла. Губы словно розовый бутон на первом снегу. Пленительные изгибы тела. Он чувствовал, что готов раствориться в ней, но сумел сохранить каменную невозмутимость лица и твердость голоса.

– Почему дрожит земля?

Отдаленные раскаты доносились до них подобно эху, но мало-помалу земля под колесами перестала дрожать.

Ни'лан запрокинула голову и несколько мгновений молчала.

– Я... Я слышу горе в древесной песне, но больше ничего не могу сказать. Сломанные деревья. Реки, вышедшие из берегов. – Она покачала головой. – Какая-то беда. Но причина ее мне неизвестна.

Над их головами щелкнул кнут, и фургон покатил быстрее, подсакивая на ухабах. От неожиданности Ни'лан упала на Крала. Горец мягко поддержал ее и помог сесть ровно. Она одернула плащ на плечах и с благодарностью кивнула.

Ее запах – сырая глина и цветы жимолости – щекотал его ноздри, угрожая разрушить остатки твердокаменного самообладания.

Горец отвернулся.

Лорд Тайрус, голова которого по-прежнему лежала на коленях нифай, застонал.

– Что с принцем? – спросил Крал, стараясь отвлечься.

Ни'лан прикоснулась к плечу раненого.

– Он жив, но погружен в болезненное беспамятство. И никак не может очнуться.

– И все-таки иногда он кричит, – добавил Могвид, придвигаясь поближе. – Ужасные вопли.

И задрожал, обхватив себя руками.

Крал посмотрел на обоих спутников, способных стоять на ногах. Да, их слишком мало, чтобы наброситься на захватчиков, даже если удастся выломать дверцу фургона. Вот если бы принц был здоров, Крал непременно попытался бы. Он знал, как сражается Тайрус, видел размытое пятно стали вокруг него. Да, принц истинный потомок своих пращуров. Десять поколений назад именно древний король замка Мрил поддержал горские кланы в войне с д'варфами. С той поры на Крале лежал долг крови перед королевской династией Мрила. Даже связь горца

с Черным Сердцем не помешала ему откликнуться на призыв принца в Порт-Роуле. Разве он мог отказаться?

Хотя Темный Властелин открыл ему сладость сырой плоти и восхитительный аромат страха, но не смог уничтожить понятия Крала о чести. Более слабый человек, возможно, был бы сломлен полностью, но в жилах горца кровь смешивалась с магией глубоких пещер и костей мира – красного гранита и серого базальта, туманного агата и прозрачного обсидиана. Черному Зверю Гал’готы удалось наложить печать порчи на душу Крала, но магия земли защитила его глубинную суть лучше, чем он смог бы сам. Темный огонь исказил его, но не переплавил полностью.

– Долго мы ехали? – проворчал он.

– Можно сказать, весь день. – Ни’лан прислонилась к стенке фургона, зябко кутаясь в плащ. – Сейчас уже сумерки.

Крал попытался выглянуть в щель между неплотно пригнанными досками, но из-за сгущающейся тьмы почти ничего не увидел. Тогда он зажмурился, обратившись к зверю внутри себя. И услышал топот копыт и грубых сапог, скрежет коротких мечей и топоров. Он уловил даже биение сердец вековых врагов его народа, проклятых д’варфов.

Много веков минуло с тех пор, как д’варфы выбили кланы Крала из их наследных земель, из могучей горной Цитадели, стоящей над синим озером Тор-Амон. О кровожадных тварях, испорченных тьмой магии, об ужасных жертвах того времени выжившие горцы пели скорбные баллады и оды у очагов. Из народа, исчисляемого десятками тысяч, удалось бежать всего лишь сотне, среди которой оказались и великие предки Крала, последние из рода Пламени Сенты, королевского дома. Это его прапрашур последним сидел на Ледяном Троне Цитадели. Именно под его водительством разрозненные кучки людей спустились с гор и навсегда покинули родину, превратившись в кочевников. Крал сжал кулаки так, что кровь выступила под ногтями. Больше они не будут бродягами! Он вернет законное наследство, Ледяной Трон, и приведет свой народ домой. Он восстановит честь рода Пламени Сенты. Он клянется в том!

Погрузившись в прошлое, горец сидел безучастный ко всему, неподвижный, словно камень, а фургон катился дальше и дальше на север. Так прошли два дня. В дыру под дверью совали еду – заплесневелый хлеб и жидкую кашу. Крал не притрагивался к еде. Ни’лан ухаживала за раненым принцем, смачивая его губы водой. Ночью холод вынуждал пленников жаться друг к другу, но Крал оставался недвижим, будто гранитный валун. Изредка Тайрус кричал и закатывал глаза. В его голосе слышались безумие и необъяснимый ужас, и горец отворачивался, стараясь не замечать больного.

Тело лорда Тайруса еще жило, но разум покинул его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.